

ВЕСТНІК

БГУИЯ

№ 4 (6) / 2026

СЕРИЯ 1

Филология

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ВЕСТНИК БГУИЯ

Серия 1. ФИЛОЛОГИЯ. № 4 (6) 2026

Сетевое электронное издание

Издается с декабря 1996 года
(до 2025 года под названием
«Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология.
ISSN 1819-7620)

Выходит шесть раз в год

Адрес редакции: Республика Беларусь,
220034 г. Минск, ул. Захарова, 21.
Тел.: +375 (17) 289-46-18
E-mail: vestnik@bsufl.by

Системные требования:

Электронное текстовое издание (1 файл PDF).
Для просмотра необходим аналог программы
Adobe Reader версии 11.0 и выше.
Выпуск размещен в открытом доступе
на сайте учредителя: bsufl.by

Режим доступа: <https://bsufl.by>

Формат данных: Текст: электронный (PDF).

Объем выпуска: 2.45 Мб

Дата выхода в свет: 30 августа 2026 г.

Ответственный за выпуск *О. В. Луцинская*
Редакторы: *Е. И. Ковалёва, И. В. Нестеренко*
Ст. корректор *С. О. Иванова*
Компьютерная верстка *Н. В. Мельник*

Журнал «Вестник БГУИЯ.
Серия 1. Филология» включен
Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики
Беларусь для опубликования результатов
диссертационных исследований

Журнал включен в библиографическую базу
данных научных публикаций «Российский
индекс научного цитирования» (РИНЦ).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Луцинская О. В. – проректор по научной
работе БГУИЯ, доктор филологических наук,
доцент

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Романовская А. А. – профессор кафедры
славянских языков переводческого факультета
БГУИЯ, доктор филологических наук,
профессор

Артёмов О. А. – профессор кафедры фонетики
и практики английской речи факультета
английского языка БГУИЯ,
доктор филологических наук, доцент

Биюмена А. А. – профессор кафедры речеведения
и теории коммуникации факультета
межкультурных коммуникаций БГУИЯ,
доктор филологических наук, доцент

Гладко М. А. – профессор кафедры речеведения
и теории коммуникации факультета
межкультурных коммуникаций БГУИЯ,
доктор филологических наук, доцент

Гордей А. Н. – заведующий кафедрой теории
и практики китайского языка факультета
китайского языка и культуры,
доктор филологических наук, профессор

Кудрявцева И. К. – доцент кафедры
белорусской филологии и зарубежной литературы
факультета английского языка БГУИЯ,
кандидат филологических наук, доцент

Поплавская Т. В. – профессор кафедры
речеведения и теории коммуникации
факультета межкультурных коммуникаций БГУИЯ,
доктор филологических наук, профессор

Сытько А. В. – заведующий кафедрой фонетики
и грамматики немецкого языка факультета
немецкого языка БГУИЯ,
доктор филологических наук, доцент

SCIENTIFIC AND THEORETICAL JOURNAL BULLETIN OF BSUFL

Series 1. PHILOLOGY. № 4 (6) 2026

Online electronic edition

Published since December 1996
(until 2025 under the title
"Bulletin of MSLU. Series 1. Philology."
ISSN 1819-7620")

Published six times a year

Editorial Address: 21 Zakharova Street,
Minsk, 220034, Republic of Belarus
Tel.: +375 (17) 289-46-18.
Email: vestnik@bsufl.by

System requirements:

Electronic text edition (1 PDF file).
Adobe Reader version 11.0 or higher required
for viewing. The Issue is publicly available
on the journal's official website: bsufl.by

Access mode: <https://bsufl.by>

Data format: Text: electronic (PDF).

Issue size: 2.45 MB

Publication date: August 30, 2026

Responsible for the Issue: *O. V. Lushchinskaya*
Editors: *E. I. Kovaleva, I. V. Nesterenko*
Senior Proofreader: *S. O. Ivanova*
Desktop Publishing: *N. V. Melnik*

The journal "Bulletin of BSUFL. Series 1. Philology" is included in the list of scientific publications of the Republic of Belarus for publishing dissertation research results by the Higher Attestation Commission.

The journal is indexed in the bibliographic database of scientific publications "The Russian Science Citation Index" (RSCI).

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Luschinskaya O. – Vice-Rector for Science BSUFL,
Doctor of Philological Sciences,
Associate Professor

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Romanovskaya A. – Professor
at the Department of Slavic Languages,
School of Translation and Interpreting, BSUFL,
Doctor of Philological Sciences,
Professor

Artemova O. – Professor at the Department
of Phonetics and English Speech Practice,
School of English Language, BSUFL,
Doctor of Philological Sciences, Associate Professor

Biyumena A. – Professor at the Department
of Speech Studies and Theory of Communication,
School of Intercultural Communications, BSUFL,
Doctor of Philological Sciences, Associate Professor

Gladko M. – Professor at the Department
of Speech Studies and Theory of Communication,
School of Intercultural Communications, BSUFL,
Doctor of Philological Sciences, Associate Professor

Gordey A. – Head of the Department
of Theory and Practice of the Chinese language,
School of Chinese Language and Culture, BSUFL,
Doctor of Philological Sciences, Professor

Kudriavtseva I. – Associate Professor at the
Department of the Belarusian Philology and World
Literature, School of English Language, BSUFL,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Poplavskaya T. – Professor at the Department
of Speech Studies and Theory of Communication,
School of Intercultural Communications, BSUFL,
Doctor of Philological Sciences, Professor

Sytko A. – Head of the Department
of Phonetics and Grammar of the German Language,
School of German Language, BSUFL,
Doctor of Philology Sciences, Associate Professor

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

- Артёмова О. А.* Принципы лексикографического описания
английской и белорусской фразеосистем:
теоретический и прикладной аспекты 8
- Астрамецкий В. С.* Семиотическая репрезентативность системы
языковых знаков китайского модернизма 80-х гг. XX в. 18
- Гэн Цзянь.* О формах наименований потомства животных
в китайском языке 28
- Зиневич Н. В.* Категория агентивности и лингвокультурная специфика
ее реализации в новостном экологическом дискурсе..... 35
- Михалькова Н. В.* Моделирование порождения сложных иероглифов
на базе детерминативов: семантический граф китайской письменности... 46
- Нячай М. А.* Безэквівалентныя фразеалагізмы і спосабы іх перакладу 57

Романское и германское языкознание

- Казимирова О. В.* Лингвистические механизмы репрезентации
имплицитного смысла в англоязычном медиатексте 68
- Мицько С. Г.* Формальные критерии идентификации композитов
английского языка: графический, морфологический
и синтаксический аспекты..... 79
- Швец Г. Г.* Жанр технического задания в англо- и русскоязычном
инфокоммуникационном дискурсе: универсальное и уникальное 90

Проблемы прикладной лингвистики

- Гутовская М. С., Шайбакова Д. В.* Оценка качества сгенерированных
научных статей экспертами и большими языковыми моделями 99

Літэратураведенне

<i>Алексеев Я. А.</i> Фікцыяналізацыя асобы У. Шэкспіра у англійскім гістарыка-біяграфічным дыскурсе ХХІ стагоддзя	116
<i>Вербіцкая Ю. С.</i> Спосабы рэпрэзентацыі нацыянальнага кампанента у літэратуры жанра фэнтэзі.....	125
<i>Гацкан А. А.</i> Міфалогізацыя і міфатворчасць у літэратуры	134
<i>Калядка С. У.</i> Сучасны стан развіцця літэратуразнаўчай эмацыялогіі: тэарэтычныя асновы, метады даследавання і міждысцыплінарныя сувязі	141
<i>Лі Цзяцзі, Воінава-Страха М. М.</i> Шляхі да самаідэнтыфікацыі: асаблівасці развіцця жаночай літэратуры Кітая і Беларусі	150
<i>Мяцельца К. І.</i> Вобразы ўладароў у «Летапісцы вялікіх князёў літоўскіх»...	158
<i>Назаренка В. Ю.</i> Комарбіднасць як свойства асобы на прымере романа Кэтрін Сяо «Аромат смерці».....	169
<i>Салодкі У. В.</i> Дыстанцыя адчужэння: герой і наратар у рамане Крыстафера Ішэрвуда «Там, у гасцях»	177
<i>Хмяльніцкі М. М.</i> Беларуская рэцэпцыя паэзіі Леапольда Стафа.....	185
<i>Чэрнецов А. Д.</i> У пытаннях фантастычнай паэзіі к сістэмнай мадэлі фантастычнай літэратуры.....	193

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Artemova O.</i> Principles of Lexicographical Description of English and Belarusian Phraseosystems: Theoretical and Applied Aspects.....	8
<i>Astrametski U.</i> Semiotic Representativeness of the System of Linguistic Signs in Chinese Modernism of the 1980s	18
<i>Geng Jian.</i> Ways of Designating Animal Babies in Chinese	28
<i>Zinevich N.</i> The Category of Agentivity and Linguocultural Peculiarities of its Implementation in Ecological News Discourse.....	35
<i>Mikhalkova N.</i> Modeling the Generation of Complex Signs Based on the Determinatives: Semantic Graph of the Chinese Writing.....	46
<i>Niachai M.</i> Non-Equivalent Phraseological Units and the Ways of Their Translation.....	57

Romance and Germanic Linguistics

<i>Kazimirova V.</i> Linguistic Mechanisms of Implicit Meaning Representation in the English-Language Media Text.....	68
<i>Milko S.</i> Formal Criteria for Identifying English Compounds: Graphic, Morphological, and Syntactic Aspects.....	79
<i>Shvets H.</i> The Genre of Terms of Reference in English and Russian Infocommunication Discourse: the Universal and the Unique	90

Applied Linguistics

<i>Gutovskaya M., Shaibakova D.</i> Quality Assessment of Generated Scientific Articles by Experts and Large Language Models.....	99
--	----

Literary Studies

<i>Aliakseyenka Y.</i> Fictionalization of W. Shakespeare's Personality in the Anglophone Historical and Biographical Discourse of the 21st Century	116
<i>Viarbitskaya Y.</i> Ways of Representing the National Component in Fantasy Literature	125
<i>Gatskan A.</i> Mythologizing and Myth Making in Literature	134
<i>Kolyadko S.</i> The Current State of the Development of Literary Emotiology: Theoretical Foundations, Research Methods, and Interdisciplinary Connections	141
<i>Li Jiaqi, Voinava-Strakha M.</i> Ways to Self-Identification: Peculiarities of the Development of Women's Literature in China and Belarus	150
<i>Miatselitsa K.</i> Literary Portraits of Rulers in the "Chronicle of the Grand Dukes of Lithuania"	158
<i>Nazarenko V.</i> Comorbidity as a Personality Trait Based on the Example of Katniss Hsiao's Novel <i>Before We Are Monsters</i>	169
<i>Salodki U.</i> The Distance of Alienation: the Hero and the Narrator in Christopher Isherwood's Novel «Down There On a Visit»	177
<i>Khmielnitski M.</i> Belarusian Reception of Leopold Staff's Poetry	185
<i>Charniatsou A.</i> From Questions of Fantastic Poetics to a System Model of Fantastic Literature	193

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 81'373.7=111=161.3 + 81'374.822

Артёмов Ольга Александровна

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры фонетики
и практики английской речи
Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Olga Artemova

Habilitation Doctor of Philology,
Associate Professor, Professor of the Department
of Phonetics and English Speech Practice
Belarusian State University of Foreign Languages
Minsk, Belarus
olgaivanovaivanova3@gmail.com

ПРИНЦИПЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ АНГЛИЙСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ФРАЗЕОСИСТЕМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТЫ

В статье представлены принципы лексикографической параметризации белорусских и английских фразеологических единиц в двуязычном фразеографическом справочнике, сочетающем характеристики толкового, идеографического и переводного словарей. Описываются его мега-, макро-, мета- и микроструктура.

Ключевые слова: *лексикография; фразеография; словарная статья; мегаструктура; макроструктура; метаструктура; микроструктура.*

PRINCIPLES OF LEXICOGRAPHICAL DESCRIPTION OF ENGLISH AND BELARUSIAN PHRASEOSYSTEMS: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

The article outlines the principles of lexicographic parameterization of Belarusian and English phraseological units within a bilingual phraseographic reference work that incorporates features of explanatory, ideographic, and translation dictionaries. The description covers its mega-, macro-, meta-, and microstructures.

Key words: *lexicography; phraseography; dictionary entry; megastructure; macrostructure; metastructure; microstructure.*

Прикладным аспектом сравнительно-сопоставительных исследований иноязычных лексико-фразеологических систем является создание словарей различных типов. Необходимость решения сложных исследовательских задач с привлечением объемных корпусов текстов и разработкой новых форм представления словарной информации обуславливает актуальность лексикографических справочников нового поколения – комплексных полиаспектных словарей, сообщающих пользователю достаточное количество сведений для формирования достоверного представления о зафиксированных единицах и их функционировании [1, с. 72–82; 2, с. 629–650; 3, с. 57–70].

В современной лексикографической науке наблюдается тенденция к созданию многофункциональных словарей, которые объединяют свойства нескольких типов справочных изданий. Такие словари позволяют пользователю получить не только перевод искомой единицы, но и информацию о ее семантических, грамматических, прагматических и стилистических характеристиках, а также о ее месте в системе языка и речи и лингвокультурной специфике. Данная тенденция обусловлена усложнением задач, стоящих перед современной лексикографией, и возрастающими требованиями пользователей к объему и качеству представляемой информации.

Белорусская фразеографическая традиция зародилась в первых попытках системного описания народной и диалектной идиоматики [4; 5; 6; 7; 8; 9] и продолжилась в фундаментальных академических нормативных изданиях, охватывающих более 6 000 фразеологических единиц современного литературного языка [10; 11], новейших региональных словарях, фиксирующих корпус диалектных фразеологизмов Гродненщины [12]. В сфере белорусско-иноязычной фразеографии представлены двуязычные фразеологические русско-белорусские и белорусско-русские словари [13], белорусско-немецкие [14; 15], белорусско-китайские [16; 17], многоязычные тематические компендиумы, включающие белорусские эквиваленты наряду с русскими, украинскими, польскими, английскими и другими соответствиями [18]. Однако, несмотря на разнообразие имеющихся англо-белорусских фразеографических справочников («Англа-беларускі слоўнік фразеалагізмаў параўнальнага тыпу» [19], «Англа-беларускі слоўнік саматычных фразеалагізмаў» [20], «Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік» [21], «Беларуска-англійскі ідэаграфічны слоўнік фразеалагізмаў з прасторавай семантыкай» [22]), сегодня в белорусской и зарубежной лексикографии отсутствует академический англо-белорусский фразеологический словарь, который бы: 1) охватывал значительный корпус английских идиоматических единиц; 2) представлял их белорусские эквиваленты, варианты и аналоги на основе актуальных принципов лексикографического моделирования (макро-, микро-, мета- и мегаструктуры); 3) располагал иллюстративным материалом, релевантным как для белорусскоязычных переводчиков и преподавателей, так и для англоязычной аудитории, изучающей белорусский язык как иностранный. Данное обстоятельство определяет актуальность настоящего исследования, цель которого состоит в разработке мега-, макро-, мета- и микроструктуры «Англа-беларускага фразеалагічнага слоўніка» как инструмента лексикографического моделирования сопоставляемых фразеосистем.

Методологическую основу исследования составляют теоретические положения отечественной и зарубежной лексикографии (Э. Агрикола [1], Ю. Д. Апресян [2; 3], В. Г. Гак [23], Д. В. Дятко [24], В. В. Морковкин [25]), а также результаты, полученные в ходе сравнительно-сопоставительного анализа английских и белорусских фразеологических единиц.

При создании словаря использовались авторитетные лексикографические источники [26; 27; 28, 29; 30; 31], а также Национальный корпус белорусского языка [32] и English National Corpus [33], интернет-ресурсы на сопоставляемых языках. Привлечение разнородных источников позволило обеспечить репрезентативность и достоверность языкового материала. Ключевыми критериями отбора словника являлись: во-первых, высокая степень узуальности и репрезентативность единиц в актуальном дискурсе обоих языков; во-вторых, наличие структурно-семантических коррелятов в белорусском языке как языке-реципиенте при сопоставлении.

Мегаструктура – внешняя рамочная структура лексикографического справочника, порядок организации основных компонентов словаря [24, с. 140]. Согласно трактовке, которую разделяем и мы, мегаструктура является отдельным компонентом словарной архитектоники, отражающим внешнюю организацию справочного издания [24, с. 104–105]. В настоящее время реестр композиционных элементов словарной мегаструктуры строго не регламентирован и определяется типом, назначением и адресатом лексикографического справочника, авторским замыслом, техническими и полиграфическими возможностями издательств.

Вводная часть «Англа-беларускага фразеалагічнага слоўніка» конструируется *титульной страницей, названием, оглавлением, предисловием, списком использованных источников, списками условных сокращений и знаков, алфавитом входного языка – английского.*

Титульная страница представляет пользователям информацию о названии словаря, его авторе и редакторах, издании, дате и месте публикации. *Название* лексикографического произведения «Англа-беларускага фразеалагічнага слоўніка» отражает его тип (учебно-переводной), направление перевода (англо-белорусский) и *предметную область* – совокупность английских фразеологизмов и их белорусских соответствий, отобранных на основе лексикографических и корпусных данных и систематизированных на основе их частотности для англо-белорусского фразеологического словаря. *Оглавление* – обязательный компонент вводной части справочного издания, который в виде списка представляет общую структуру словаря, содержит отсылки к другим компонентам и позволяет пользователю получить быстрый доступ к интересующей его информации. *Предисловие*, или авторский текст [24, с. 142], предваряет корпус словарных статей, содержит информацию об отличии данного справочника от других лексикографических изданий и представляет круг его потенциальных пользователей. *Список использованных источников* представляет собой реестр информационных ресурсов, задействованных при составлении словаря. *Условные сокращения* содержит аббревиатуры, характерные для описываемой в словаре предметной области. Раздел *Условные знаки* представляет применяемые в справочнике графические символы. *Алфавит входного языка – английского* – является обязательным компонентом вводной части двуязычного словаря, поскольку облегчает поиск нужной единицы и ее переводного эквивалента.

Макроструктура представляет собой организацию словника, под которым понимается «расположенный в определённом порядке (прежде всего по алфавиту) перечень языковых единиц (слов, фразеологизмов, морфем и т. п.), подлежащих лексикографической интерпретации» [34, с. 107]. Алфавитный порядок обеспечивает максимальное удобство и скорость поиска конкретной единицы.

Словник насчитывает около 10 000 словарных статей. Такое количество статей обеспечивает репрезентативное покрытие фразеологии английского языка и позволяет представить основные способы их передачи на белорусский язык.

Метаструктура «Англа-беларускага фразеалагічнага слоўніка» реализуется комплексом формализованных лексикографических вербальных и визуальных индикаторов, формирующих метаязык справочника – «вспомогательную знаковую систему, описывающую или объясняющую основную знаковую систему на основе комплекса унифицированных лексикографических приёмов и формализованных средств выражения» [24, с. 163].

К вербальным индикаторам относятся *пометы* – условные обозначения грамматической и функционально-стилистической информации о заголовочных единицах, необходимые для их правильного понимания и употребления [24, с. 163]. Пометы уточняют и определяют следующие параметры слова: 1) стилистический уровень, 2) экспрессивную окраску, 3) употребительность, 4) функционально-профессиональную сферу употребления, 5) семантическую характеристику, 6) отношение к ядру современного языка.

Пометы в словарных статьях разработанного нами лексикографического справочника подаются на языке сопоставления (белорусском) и дифференцируются на грамматические и функциональные.

Грамматические пометы представляют информацию об английских заголовочных единицах в аспекте: 1) их частеречной принадлежности: *дзеясл.* – дзеяслоў, дзеяслоўны, *займ.* – займеннік, *наз.* – назоўнік, *прыназ.* – прыназоўнік, *прысл.* – прыслоўе, *часц.* – часціца; 2) структурно-языковых признаков: *абстр.* – абстрактны, *канкр.* – канкрэтны, *адз.* – адзіночны лік, *м.* – множны лік, *ж. р.* – жаночы род, *м. р.* – мужчынскі род, *н. р.* – ніякі род и т. п.; 3) синтаксических характеристик: *дзеін.* – дзейнік, *акал.* – акалічнасць, *вык.* – выказнік, *азн.* – азначэнне, *безас.* – безасабовы, *-ае*, *выкл.* – выклічнікавы и т. п.

Функциональные пометы описывают заголовочные единицы (эквиваленты и аналоги) в аспекте их: 1) функционально-стилистических характеристик: *праст.* – прастамоўны, *кніжн.* – кніжны, *разм.* – размоўны, *функц. не зам.* – функцыянальна не замацаваны; 2) эмоционально-оценочных свойств: *адабр.* – адабральны, *груб.* – грубы, *жарт.* – жартаўлівы, *іран.* – іранічны, *неадабр.* – неадабральны, *пагард.* – пагардлівы, *узнёсл.* – узнёслы; 3) функционально-темпоральных особенностей: *устар.* – устарэлы; 4) функционально-территориальных признаков: *абл.* – абласны, *дыял.* – дыялектны; 5) функционально-социальных параметров: *спец.* – спецыяльны.

В словарных статьях грамматические и функциональные индикаторы подаются курсивным шрифтом в зонах грамматической и прагматической информации.

Визуальные индикаторы – графические маркеры для выделения структурных компонентов словарной статьи и словаря [24, с. 170–180]. Инвентарь визуальных индикаторов конституируется *шрифтовыми, регистровыми, пунктуационными, символными, числовыми и позиционными* маркерами.

Шрифтовые индикаторы представлены полужирным и курсивным шрифтами. Полужирный шрифт используется для обозначения: а) компонентов мегаструктуры словаря (**СПІС УМОЎНЫХ ЗНАКАЎ**), б) заголовочных единиц (**АТ HAND**), белорусскоязычных эквивалентов (**ПАД РУКОЎ**), их употреблений в иллюстративных контекстах: *Калі пачынаюцца неверагодныя касмічныя прыгоды, камп'ютар і сродкі сувязі мусяць быць заўсёды пад рукой* (Р. Баравікова). Курсивный шрифт служит для выделения: а) грамматических и функциональных помет: *адз.* – адзіночны лік, *іран.* – іранічны; б) иллюстративных контекстов: *Яна міжволі пачала перабіраць усё, што знаходзілася пад рукой на стале, спадзеючыся знайсці хоць нейкі напамін ці запіску* (Л. Рублеўская).

Регистровые индикаторы представлены прописными и строчными буквами [24, с. 173]. Прописные буквы используются для обозначения: а) заголовочного слова в начале словарной статьи: **FOLLOW YOUR NOSE**; б) компонентов мегаструктуры словаря: **СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ**; в) лексикографических источников языкового материала в виде сокращений (ТСБМ). Строчными буквами подаются: а) буквальный перевод и толкования значений заголовочных английских единиц (букв. 'ісці за сваім носам', 'ісці або ехаць прама перад сабой'); б) белорусскоязычные эквиваленты и соответствия английских заголовочных единиц: **куды вочы глядзяць**.

Пунктуационные индикаторы обозначают структурные компоненты словарной статьи, маркируют грамматические и логические связи между ними и включают *точку, запятую, одинарные кавычки, различные виды скобок* [24, с. 174]. Точка служит для: 1) указания на сокращение метаязыкового вербального индикатора в словарной статье: *праст.* – прастамоўнае; 2) указания на сокращение одного из компонентов толкования в зоне семантизации: 'хто-н. недарэчы, не ў пару прыходзіць, з'яўляецца'; 3) разграничения значений дейктических полисемантов: например, **FOLLOW YOUR NOSE** 1. Ісці ці ехаць прама наперад. 2. Давяраць свайму ўнутранаму чуццю або інстынctu пры прыняцці рашэнняў. 3. Шукаць што-небудзь, арыентуючыся выключна на пах. Одинарные кавычки обозначают перевод англоязычных иллюстративных контекстов на белорусский язык: *"How do I get back?" Coraline asked the cat. "Follow your nose, or your ears," it replied* (N. Gaiman. «Coraline») 'Як мне вярнуцца? – спытала Караліна ў ката. – Ідзі за сваім

нюхам або за слыхам, – адказаў той’. Скобки дифференцируются на *круглые, прямые, угловые*. Круглые скобки маркируют: 1) сведения об источниках иллюстративных контекстов и их авторах (Я. Колас. «На росстанях»). Прямые скобки обозначают сокращенные названия лексикографических источников языкового материала [ТСБМ; АН]. Угловые скобки используются для маркирования факультативных компонентов фразеологических единиц: **what devil has brought s.o. <here>?**

Символьные индикаторы – группа условных знаков, служащих для структуризации информации в словарной статье и фокусировке внимания на ее фрагментах [24, с. 177]. К данному типу индикаторов относятся *косая черта, дефис, знаки равенства и приблизительного равенства, тильда*. Косая черта используется для обозначения: 1) вариантов написания английских заголовочных единиц (**BY LEAPS AND BOUNDS / BY LEAPS AND BY BOUNDS**) и вариантов написания белорусских соответствий (**з галавы да ног / з галавы да пят**). Знак равенства используется для обозначения полных английских эквивалентов: **AT HAND** = **пад рукой**. Знак приблизительного равенства маркирует фразеологические соответствия (неполные эквиваленты) для английской заголовочной единицы: **FOLLOW YOUR NOSE** $\cong$ **куды вочы глядзяць**. Тильда указывает на белорусскоязычные толкования английских безэквивалентных фразеологизмов: **BITE THE BULLET** ~ **мужна пераносіць або змірыцца з чымсьці непазбежным, але непрыемным**.

Числовые индикаторы, представленные арабскими цифрами, используются для обозначения порядка следования значений фразеологических полисемантов: **RIGHT AND LEFT** 1. **ва ўсе бакі, усюды, паўсюдна**. 2. **без разбору, не лічыцца з абставінамі**.

Позиционный индикатор маркирует расположение информационных зон словарной статьи и представляющих их текстовых фрагментов с новой строки [4, с. 180].

Микроструктура лексикографического произведения – организация и содержание словарной статьи [24, с. 190]. В нашем исследовании под словарной статьёй понимается построенная по определенному образцу элементарная единица лексикографического произведения, конституируемая комплексом структурно-композиционных элементов – информационных зон. Информационная зона – «композиционная часть словарной статьи, которая имеет длину от слова до сложного синтаксического целого, представляет собой область описания словарной единицы в определенном аспекте, характеризуется цельностью, неразорванностью представления информации и содержит один (и более) лексикографический параметр» [35, с. 64].

Словарная статья «Англа-беларускага фразеалагічнага слоўніка» конституируется зонами: 1) номинации; 2) орфографической информации; 3) грамматической информации; 4) прагматической информации; 5) семантизации; 6) эквиваленции; 7) лингвокультурного комментария; 8) иллюстраций; 9) паспортизации.

Зона номинации – фрагмент словарной статьи, включающий заголовочную единицу в корпус словаря [24, с. 192]. Следуя сложившейся лексикографической традиции, заголовочные единицы подаются прописными буквами полужирным шрифтом: **A BLACK EYE**.

В зоне орфографической информации представляются варианты написания заголовочной единицы: **BY THE BY / BY THE BYE**.

В разделе грамматической информации подаются сведения о структурно-языковых свойствах английской заголовочной единицы, маркируемые грамматическими пометами.

В зоне прагматической информации представляются функциональные характеристики заголовочных единиц. В нашем исследовании под языковой прагматикой понимается отношение говорящего к действительности, содержанию сообщения и адресату, непосредственно встроенное в значение языковых единиц, тесно связанное с их семантикой и «лексикографически неотделимо от нее» [36, с. 6–8]. В словаре описание прагматических свойств английских фразеологизмов осуществляется комплексом функционально-стилистических, эмоционально-оценочных, функционально-темпоральных, функционально-территориальных и функционально-социальных вербальных индикаторов.

Зона семантической информации – фрагмент словарной статьи, в котором раскрывается значение заголовочной единицы. Последовательность смыслов заголовочной единицы отображается *градацией* – подачей значений в подборку с порядковыми номерами [24, с. 271–272]. Например: **TO GIVE SOMEONE A HAND**. 1. Дапамагчы каму-небудзь у якой-небудзь справе. 2. паапладзіраваць, пахваліць.

Зона эквиваленции содержит переводные соответствия (эквиваленты) заголовочной единицы на белорусском языке. В разработанном словаре зона эквиваленции обозначается следующими графическими индикаторами: а) = ‘абсолютная равнозначность’ – для маркирования полных англоязычных эквивалентов; б) $\cong$ ‘сильная эквивалентность’ – для обозначения фразеологических соответствий; в) $\sim$ ‘приблизительная эквивалентность’ – для маркирования англоязычных толкований английских безэквивалентных единиц.

Зона лингвокультурного комментария – компонент словарной статьи, содержащий информацию об образной основе фразеологизма, реализуемая подачей буквального перевода английского фразеологизма, его связи с культурными кодами и механизмах семантического переосмысления в сопоставлении с белорусским языком. Ее функция – экспликация национально-культурной семантики белорусско- и англоязычных фразеологизмов.

Зона иллюстраций содержит контекстуальные примеры употребления заголовочной единицы и ее белорусскоязычных соответствий, представляющие собой полные предложения, отобранные из корпусов параллельных текстов и лексикографических источников с обязательным переводом англоязычных вербальных иллюстраций на белорусский язык.

Зона паспортизации – фрагмент словарной статьи, в котором указываются источники языкового материала [24, с. 288]. Данные сведения в виде сокращений в квадратных скобках располагаются в постпозиции к 1) заголовочному слову в зоне номинации: **TO PULL THE PLUG** [CD]; 2) белорусскоязычным соответствиям в зоне эквиваленции: **перакрыць кісларод** [ЭСФ]; 3) контекстам употребления заголовочной единицы и ее белорусскоязычного соответствия в зоне иллюстраций. Словарная статья выглядит следующим образом:

RIGHT UNDER SOMEONE'S NOSE / RIGHT UNDER THE NOSE OF чыім [CD]. Акал. Разм.

У непасрэднай блізкасці ад каго-н., на самым відным месцы, так, што гэта лёгка можна заўважыць; наперакор каму-н., адкрыта, дэманстратыўна (рабіць што-н.) = **пад самым носам / пад носам** [СФ].

Літаральна 'пад носам'. Вобраз фразеалагізма звязаны з носам як цэнтрам зрокавага ўспрымання: тое, што знаходзіцца «пад носам», успрымаецца як відавочнае і даступнае.

Probably right under our very noses. What do you think, Jack? (R. Dahl. «Lamb to the Slaughter») 'Верагодна, **прама пад нашымі носамі**. Што ты думаеш, Джэк?'

– *Я каб быў тваім камандзірам, то такую прыпарку прыпісаў бы табе за тое, што ты круціш гэтай цацкай у кожнага пад носам* (І. Шамякін. «Трывожнае шчасце»).

Таким образом, разработанная структура англо-белорусского фразеологического словаря объединяет признаки толкового, лингвокультурологического и переводного справочников, обеспечивая многоаспектное описание фразеологических единиц сопоставляемых языков. Четко выстроенная система эквивалентов, грамматических и стилистических помет, а также лингвокультурного комментария делают его не только эффективным переводческим инструментом, но и научной базой для контрастивных исследований белорусского языка в сопоставлении с английской фразеологической системой других языков, закладывая прочный фундамент для дальнейшего развития отечественной полиязычной фразеографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агрикола, Э. Микро-, медио- и макроструктуры как содержательная основа словаря / Э. Агрикола // Вопросы языкознания. – 1984. – № 2. – С. 72–82.
2. Апресян, Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Избранные труды : в 2 т. – М., 1995. – Т. 2. – С. 629–650.
3. Апресян, Ю. Д. Интегральное описание языка и толковый словарь / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1986. – № 2. – С. 57–70.
4. Янкоўскі, Ф. М. Беларуская фразеалогія : фразеалагізмы, іх значэнне, ужыванне / Ф. М. Янкоўскі. – Мінск : Вышэйшая школа, 1968. – 448 с.

5. *Мяцельская, Я. С.* Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі / Я. С. Мяцельская, Я. М. Камароўскі. – Мінск : Выдавецтва БДУ імя У. І. Леніна, 1972. – 320 с.
6. *Юрчанка, Г. Ф.* І коціцца і валіцца : устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны / Г. Ф. Юрчанка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – 288 с.
7. *Юрчанка, Г. Ф.* І сячэ і паліць : устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны / Г. Ф. Юрчанка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1974. – 296 с.
8. *Юрчанка, Г. Ф.* Слова за слова : устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны / Г. Ф. Юрчанка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1977. – 272 с.
9. *Пашкевіч, М. І.* Рубельскі лексіка-фразеалагічны слоўнік : для студэнтаў-філолагаў / М. І. Пашкевіч. – Брэст : Выдавецтва БрДУ імя А. С. Пушкіна, 2008. – 66 с.
10. *Лепешаў, І. Я.* Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелСЭ, 1993. – Т. 1. – 590 с. ; Т. 2. – 607 с.
11. *Лепешаў, І. Я.* Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2004. – 448 с.
12. *Даніловіч, М. А.* Фразеалагічны слоўнік гаворак Гродзеншчыны / М. А. Даніловіч. – Гродна : ГрДУ, 2020. – 607 с.
13. *Боярина, Е. Л.* Русско-белорусский, белорусско-русский словарь фразеологизмов / Е. Л. Боярина, В. Н. Сивчиков. – Минск : Попурри, 2012. – 346 с.
14. *Теплякова, А. Д.* Словарь немецких крылатых слов для белорусскоязычных пользователей / А. Д. Теплякова // Труды БГТУ. Серия 4: Принти и медиатехнологии. – 2021. – № 1 (243). – С. 84–94.
15. Беларуская-нямецкі слоўнік = Belarussisch-deutsches Wörterbuch : больш за 70 тысяч слоў і выразаў / У. І. Марцінеўскі [і інш.] ; пад рэд. М. Кур'яні, Л. Баршчэўскага і Т. Вайлера. – Мінск : Зміцер Колас, 2010. – 607 с.
16. Кітайска-беларускі слоўнік. Беларуская-кітайскі слоўнік = 汉白白汉词典 / Я. В. Волкава, А. В. Камінская, І. Л. Капылоў [і інш.] ; пад. навук. рэд. І. Л. Капылова. – Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2021. – 870 с.
17. *Антонюк, М. Г.* Русско-белорусско-китайский фразеологический словарь / М. Г. Антонюк, Н. А. Гончарова, О. В. Савко. – Минск : Бел. асоц. «Конкурс», 2015. – 87 с.
18. Мудрость слова сквозь века и народы: десятиязычный словарь фразеологических эквивалентов / Н. А. Гончарова [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2014. – 407 с.
19. *Корсак, Л. Д.* Англа-беларускі слоўнік фразеалагізмаў параўнальнага тыпу / Л. Д. Корсак, Л. С. Марціновіч. – Мінск : Вышэйшая школа, 1984. – 121 с.
20. *Кулік, Л. У.* Англа-беларускі слоўнік саматычных фразеалагізмаў / Л. У. Кулік, В. А. Ляшчынская. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2010. – 88 с.
21. Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік / аўт.-склад. І. С. Дубасава [і інш.] ; пад рэд. Я. Я. Іванова. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2009. – 240 с.

22. *Арцёмава, В. А.* Беларуска-англійскі ідэаграфічны слоўнік фразеалагізмаў з прасторавай семантыкай / В. А. Арцёмава. – Мінск : Мін. дзярж. лінгв. ун-т, 2020. – 235 с.
23. *Гак, В. Г.* Словарь / В. Г. Гак // Языкознание : большой энцикл. сл. / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая рос. энцикл., 1998. – С. 462–464.
24. *Дзятко, Д. В.* Беларуская лінгвістычная тэрмінаграфія : манаграфія / Д. В. Дзятко. – Мінск : БДПУ, 2022. – 340 с.
25. *Морковкин, В. В.* О базовом лексикографическом знании / В. В. Морковкин // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному : сб. ст. / под ред. В. В. Морковкина, Л. Б. Трушиной. – М., 1986. – С. 102–117.
26. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. – Мінск : БелЭн, 1977–1984. – Т. 1. – 608 с. ; Т. 2. – 719 с. ; Т. 3. – 743 с. ; Т. 4. – 742 с. ; Т. 5. – 608 с.
27. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : у 2 т. / пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск : Беларусь, 2022. – Т. 1. – 487 с. ; – Т. 2. – 483 с.
28. Oxford English Dictionary. – URL: <https://www.oed.com> (date of access: 02.08.2026).
29. Англійска-беларускі слоўнік = English-Belarusian Dictionary : (каля 60 000 слоў і словазлучэнняў) / Т. М. Суша [і інш.] ; рэдкал.: Т. М. Суша (старш.) [і інш.]. – Мінск : Вышэйшая школа, 2013. – 765 с.
30. Англійска-беларускі слоўнік / пад рэд. А. В. Баршчэўскага. – Мінск, 2010. – 1176 с.
31. Ангельска-беларускі слоўнік : каля 30 000 слоў = English-Belarusian dictionary : about 30 000 entries / уклад. В. Пашкевіч ; пад рэд. С. Шупы. – Мінск : Зміцер Колас, 2006. – 1028 с.
32. Нацыянальны корпус беларускай мовы. – URL: <https://bnkorporus.info> (дата звароту: 10.01.2025).
33. English National Corpus. – URL: <https://www.english-corpora.org/> (date of access: 10.01.2025).
34. *Дубичинский, В. В.* Теоретическая и практическая лексикография / В. В. Дубичинский. – Wien : Wiener slawistischer Alm. ; Харьков : Харьков. лексикограф. общ-во, 1998. – 156 с.
35. *Перфильева, Н. П.* О концепции системного словаря метапоказателей / Н. П. Перфильева // Вопросы лексикографии. – 2017. – № 12. – С. 61–82.
36. *Апресян, Ю. Д.* Прагматика и лексикография: прагматическая информация для толкового словаря / Ю. Д. Апресян // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте : тез. докл. рабочего совещ. – М., 1987. – С. 6–10.

Поступила в редакцию 03.08.2026

УДК 811.581'22'37+003.212«198»(045)

Астрамецкий Владислав Сергеевич

старший преподаватель,
соискатель кафедры теории
и практики китайского языка
Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Uladzislau Astrametski

Senior Lecturer, Degree-Seeking Applicant
of the Department of Theory and Practice
of Chinese Language
Belarusian State University of Foreign Languages
Minsk, Belarus
v_s_astrametskiy@mail.ru

СЕМИОТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ СИСТЕМЫ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ КИТАЙСКОГО МОДЕРНИЗМА 80-х гг. XX в.

В статье анализируется языковая система китайского модернизма и знаки как средства его семиотической репрезентации в языковой картине мира (ЯКМ) Китая 80-х гг. XX в. (на материале аутентичных модернистских текстов указанного периода). Устанавливаются основные лингвосемиотические группы (ЛСГ), в составе которых систематизируются знаки исследуемого языкового пространства; раскрывается репрезентативный потенциал знаков данной семиотической модели в реконструкции стереотипов (понятий) китайской языковой реальности; затрагиваются аспекты комбинаторики знаков модернистского языка. Описываются механизмы реализации ментально-лингвальных средств, служащих расширению семантико-смысловых характеристик знаков в контексте индивидуализированного языка (фасцинация, ирония, субъектность).

К л ю ч е в ы е с л о в а: *модернизм; лингвосемиотика; знак; система знаков; ЯКМ; ЛСГ; фасцинация; ирония; субъектность; комбинаторика; китайский индивидуализированный язык.*

SEMIOTIC REPRESENTATIVENESS OF THE SYSTEM OF LINGUISTIC SIGNS IN CHINESE MODERNISM OF THE 1980s

The article analyzes the linguistic system of Chinese modernism and signs as means of its semiotic representation in the linguistic worldview of China in the 1980s (based on authentic modernist texts from the specified period). It identifies the main linguosemiotic groups, within which the signs of the studied linguistic space are systematized; reveals the representative potential of signs in this semiotic model for reconstructing stereotypes (concepts) of Chinese linguistic reality; and addresses various aspects of the combinatorics of signs in modernist language. The mechanisms for implementing mental-linguistic means that serve to expand the semantic and conceptual characteristics of signs in the context of an individualized language (fascination, irony, subjectivity) are described.

K e y w o r d s: *modernism; linguosemiotics; sign; system of signs; linguistic worldview; fascination; irony; subjectivity; combinatorics; Chinese individualized language.*

Масштабная модернизация Китая, начавшаяся в конце XX в., обусловила глобальные трансформации, отражающие влияние его культуры в мировом охвате. Китайский модернизм (*中国现代主义*), достигший к этому времени апогея в развитии, приобретает статус лингвокультурного феномена, специфический характер которого проявляется в сочетании традиционных

и современных, китайских и западных языковых средств. Рассматриваемый в аспектах семиотики и лингвистики китайский модернизм «представляет собой особую модель, тяготеющую к разрушению традиционных норм языковой сочетаемости и созданию новых форм выражения» [1, с. 28]. Ввиду отсутствия системных исследований в данном направлении актуализируется необходимость изучения семиотической системы¹ модернизма, реконструирующего ЯКМ Китая 80-х гг. XX в.

Объект исследования – семиотическая модель китайского модернизма в пиковый период его развития (1979–1989 гг.).

Предмет – репрезентативный потенциал системы знаков китайского модернизма в языковой реальности Китая 80-х гг. XX в.

Цель – установление и описание репрезентативных свойств семиотики китайского модернизма в реконструкции стереотипов ЯКМ Китая 80-х гг. XX в.

Методологической базой настоящей работы служат научно-теоретические основания семиотики², лингвистики и комбинаторной семантики³ в их совокупном исследовательском интересе к языку как системе взаимобусловленно функционирующих языковых элементов. Знаки языка рассматриваются как единицы, имеющие «в аспекте выражения комбинацию фигур, а в аспекте содержания – стереотип» [2, с. 27], где фигура – «абстрактный акустический образ звуков (фонема), а также абстрактный оптический образ черт (графема) или жестов (кинема)» [3], а стереотип – «закодированный интеллектом повторяющийся элемент в копии мира» [2, с. 25]. Результаты разработки теории языковых знаков отражены в трудах А. Н. Гордея, О. М. Готлиба, Ю. В. Кнорозова, Ю. М. Лотмана, В. В. Мартынова, Ф. де Соссюра, Ч. С. Пирса, Р. О. Якобсона, Ван Минъюя, Чжао Ихэна и др.

Исследуя языковую модель, семиотика «прочитывает» ее как текст в аспектах семантики, синтактики и прагматики. Примечательно, что китайские семиотики (Ван Минъюй, Сюй Шэнь, Хуан Япин и др.) изучают

¹ «Семиотика (от греч. σημειον – знак, признак) (семиология) – 1) научная дисциплина, изучающая общее в строении и функционировании различных знаковых (семиотических) систем, хранящих и передающих информацию; 2) система того или иного объекта, рассматриваемая с точки зрения семиотики в 1-м значении (например, семиотика данного фильма; семиотика лирики <...> и т. п.)» [8].

² По мнению Р. О. Якобсона, семиотика как наука о знаках языка (лингвосемиотика) должна рассматривать его во всем многообразии форм и видов, включая «язык», с помощью которого происходит передача художественной информации» [9, с. 184].

³ «Комбинаторная семантика – раздел семантики, занимающийся изучением отображения языком динамики ролей индивидов в событии» [2, с. 26], где индивид – это «разновидность стереотипа как отдельной сущности в выделенном фрагменте модели мира (событии)» [Там же, с. 25]. Согласно положениям комбинаторной семантики, специфика языка раскрывается в его отношении к модели мира [10, с. 33].

природу знака и на других уровнях (фонетика, лексика) [4], а также используют в комплексе различные методологии, позволяющие отразить системный характер национального языка [5; 6]. В современных семиотических исследованиях данные уровни, как правило, разграничены. Ученые озвучивают идею о том, что искать функциональные отношения между знаками «необходимо, прежде всего, в синтаксисе и семантике» [7, с. 13], т. к. без исследования «прагматики вполне можно обойтись, если рассматривать коннотацию, а точнее – периферию языкового значения» [Там же, с. 15].

В ходе исследования семиотики модернизма выявляются типологические особенности его знаков, позволяющие установить основные ЛСГ языковых единиц. Понятие *ЛСГ* подразумевает классификацию знаков модернизма в рамках тематического моделирования путем объединения языковых единиц в группы на основании соответствующих им референтных значений. Систематизация знаков по составу ЛСГ осуществляется с целью проведения комплексного анализа их семиотической природы: тематическая дифференциация, выявление функциональных, семантико-смысловых, комбинаторных свойств, определение суммарных показателей знаков языковой системы и др. В исследовании также устанавливается смыслообразующая роль фасцинации, иронии, субъектности, расширяющих границы интерпретации периферийных значений (коннотаций) языкового знака.

Эмпирическую базу составляет языковой массив аутентичных текстов модернистской прозы, охватывающей основные течения модернизма: 莫言 «透明的红萝卜» Мо Янь «Прозрачная красная редька» (1985), 刘索拉 «你别无选择» Лю Сола «У тебя нет выбора» (1985) (полный перевод повести наш. – В. А.), 韩少功 «爸爸爸» Хань Шаогун «Папапа» (1985), 王安忆 «本次列车终点站» Ван Аньи «Конечная станция» (1981), 阿城 «棋王» А Чэн «Король шахмат» (1984), фрагменты текстов 王蒙 «冬天的话题» Ван Мэн «Зимние пересуды» (1985) и 贾平凹 «黑氏» Цзя Пинва «Сестрица Хэй» (1985). Обработка материала осуществляется в синхронии посредством метода сплошной выборки на основе лингвосемиотического, контекстуального, концептуального, комбинаторного, сопоставительно-дискурсивного анализов. Рассмотрим примеры семиотической репрезентативности знаков модернизма 80-х гг. XX в. (перевод наш. – В. А.):

1. Метафоры (755 единиц) отражают традиционное мировосприятие носителей китайского языка, конструирующих реальность метафорическими представлениями: 贝多芬, 贝多芬, 他的力度征服了世界, 在地球上竖起了一座可怕的大峰, 靠着顽固与年岁, 罩住了所有后来者的光彩 'Бетховен, Бетховен, его гармония покорила мир, воздвигла на Земле огромную гору, которая своей незыблемостью затмила свет для всех потомков'. Данная комбинация знаков включает три метафоры: 1) 力度征服了世界

‘гармония покорила мир’; 2) 竖起了一座可怕的大峰 ‘воздвигла огромную гору’; 3) 罩住了所有后来者的光彩 [гора (музыка)] ‘затмила свет для всех потомков’, что устанавливает особый ритм сообщения, создающий эффект фасцинации.

2. Термины (457 единиц) репрезентируют стереотипы профессиональной, социально-философской, лингвистической, идеологической и других областей. Для выявленных знаков характерна комбинаторика с семантически «опозиционными» элементами (просторечия, чэньюй, метафора): 石匠工场上锤声叮当, 钢钻子啃着石头, 不时迸出红色的火星. ‘На площадке, где работали каменщики, раздавался стук молотков, их зубила вгрызались в камни, то и дело отбрасывая огненные искры’. Функционируя в составе метафорического выражения, термины 石匠 ‘каменщик’, 锤 ‘молоток’, 钻子 ‘зубило’ в сочетании с единицей разговорной лексики 啃着 [зубила] ‘вгрызались’ утрачивают значение специального слова и приобретают семантику фасцинации.

3. Знаки, служащие номинации лиц (421 единиц), раскрывают особенности индивида, что указывает на субъектный характер сообщения. В модернистском языке номинация обычно, функционирует в качестве субстантива (тайгена)¹: 1) имена собственные, как правило, «говорящие», отражают внешность или характер индивида: 菊 ‘хризантема’ + 子 ‘ребенок’ образует субстантив 菊子 ‘Цзюйцзы’ (‘ребенок хризантемы’); знак 森 ‘заросли’ (варианты перевода «1) лес; чаща; 2) густой; во множестве; 3) тёмный; в тени» [11]), повторяемый дважды, образует субстантив 森森 ‘Сэн Сэн’ (‘густой заросший лес’ (о шевелюре)); 2) прозвища: 时间 ‘Времечко’, 猫 ‘Киса’; 3) оценочные наименования: 冒失鬼 ‘дурачок’, 可怜虫 ‘бедняга’, ‘горемыка’ (досл. ‘бедный жук/червяк’. – В. А.); 4) номинации лиц западной или европейской лингвокультур: 亨德米特 ‘Хиндемит’, 拉赫玛尼诺夫 ‘Рахманинов’; 5) номинации по социальному признаку/статусу: 青年 ‘молодежь’, 新疆人 ‘синьцзянец’; 6) номинации должностей/титулов/профессии лиц: 教授 ‘профессор’, 博士 ‘доктор’; 7) наименование по половому/возрастному признаку: 后生 ‘юнец’, 男人女人 ‘женщина’; 8) маркеры родственных связей: 叔叔 ‘дядя’, 媳妇 ‘невестка’.

4. Специфика семиотики модернизма обусловлена введением знаков, замещающих устойчивые стереотипы китайской реальности 80-х гг. XX в., значимые для носителей языка (415 единиц), что указывает на глубокий интерес языковой личности к проблемам реального мира, претерпевающего значительные трансформации: 工分 ‘трудодень’, 传单 ‘листочка’, 电影 ‘кино’, 团支部 ‘комсомольская ячейка’, 现代(派) ‘модернизм’, 咖啡 ‘кофе’, 西 ‘запад’, 西餐 ‘европейская пища’, 文化革命 ‘«культурная революция»’ и др.

¹ В комбинаторной семантике знаки с абстрактным значением – тайгены, обозначающие индивидов, и ёгены, обозначающие признаки индивидов [2, с. 26–27].

5. Ввиду системного использования звукообозначений (378 единиц), модернизм приобретает устойчивый характер фасцинативного сообщения. Фасцинация звука (или звуком) «очаровывает» адресата, усиливая эмоциональное воздействие, чем обуславливают семантико-смысловую наполненность языковой единицы, приобретающей новые периферийные значения (коннотации): 一会儿模仿小号一会儿模仿小提琴地乱唱 ‘запела, то пародируя трубу, то подражая скрипке’; 震天动地的和弦 ‘вся комната затряслась от оглушительных аккордов’; 凄婉哀怨的旋律如同秋雨抽打着她心中的田地 ‘грустная и трогательная мелодия осенним дождем полила плодородные земли в сердце девушки’.

6. Введение знаков, репрезентирующих стереотипы природы (317 единиц), указывает на специфический для модернизма «поиск корней» (обращение к традиционным образам): *птицы, животные, растения, рыбы, насекомые, природные явления и объекты*: 姜 ‘имбирь’, 天 ‘небо’, 狗 ‘собака’, 树 ‘деревья’, 岸 ‘берег’, 葱 ‘лук’, 蟹 ‘краб’, 茴香 ‘анис’, 海 ‘море’, 虾 ‘креветки’, 月亮 ‘луна’, 乌云 ‘тучи’, 水 ‘вода’ и др. Выявлено, что наибольшее число знаков данной ЛСГ вводится в тексты, относящиеся к направлениям «поиск корней», «галлюциногенный реализм», «поток сознания» (270 единиц), а в языке «городской прозы», «литературы реформ» и «новой волны» используются значительно реже (47 единиц).

7. Интерес модернизма к цветообозначениям (249 единиц) обусловлен, на наш взгляд, спецификой национального мировосприятия. Примечательно, что цветообозначения часто комбинируются со знаками 深 ‘темный’ и 浅 ‘светлый’: 逃逸的雾气碰撞着黄麻叶子和深红或是淡绿的茎秆 ‘Ускользящий туман звонко сталкивался с листьями джута и темно-красной или светло-зеленой ботвой’ (深红 ‘темно-красный’, 淡绿 ‘светло-зеленый’). Знаки с референцией «цвет» активизируют восприятие и представления реципиента, ввиду чего он «практически безошибочно определял и дорисовывал привычные культурные образы, что создавало шокирующий эффект узнавания» [12, с. 32] и формировало эффект фасциации.

8. Введение в структуру модернистского языка знаков, выражающих психофизические несовершенства человека (230 единиц), является специфическим приемом модернизма (проявление субъектности в характере знаков модернистского языка), используемым для привлечения внимания к индивиду: 这个小瘦猴, 脑子肯定有毛病 ‘у этой маленькой тощей обезьяны [проблемы с головой]’; 黑孩那两条干柴棍一样的细胳膊 ‘тонкие, как хворостинки, ручонки’; 令人可怜, 更显得骨瘦如柴. ‘худая, как тростинка, всем своим видом вызывала жалость’ (骨瘦 ‘худая’, 可怜 ‘жалость’). Акцент сдвигается в сторону индивида, а важность коллектива нивелируется.

9. Как отмечалось выше, модернизм (1979–1989 гг.) активно репрезентирует стереотипы западной ЯКМ (107 единиц). Данные знаки меняют в целом характер китайского языка, обуславливая высокую коннотативность знака, порождающую новые смысловые интерпретации. Например, введение в систему китайского языка знаков английского без перевода создает обусловленный затененностью семантики фасциативный эффект: 1) *'Please'*; 2) *'«I/cannot/remember/everything! I/must/have/been/unconscious/of/the/time!...»'*.

10. Сакральный смысл знаков, отражающих традиционные / мифологические стереотипы (88 единиц), обусловлен специфическим для модернистского дискурса «поиском корней». Данные знаки в силу культурной значимости и присущей им символической коннотативности воздействуют на реципиента иррационально, чем формируют эффект особого шарма: 天 'небо', 道 'дао', 月亮 'луна', 乌木 'эбеновое дерево', 佛 'Будда', 凤凰 'птица-феникс', 陰陽 'инь и ян' и др.

11. В языковой реальности Китая понятия времени и пространства традиционно отражают тесный контакт человека с миром. В данной ЛСГ нами исследованы знаки с референциями «расстояние», «сторона света», «пора года», «отрезок (период) времени». Установлено, что данные элементы составляют в языковой модели наименьшую группу (71 единица), т. к. модернизм, как правило, репрезентирует реальность вне времени и пространства: 秋天的一个早晨, 潮气很重, 杂草上, 瓦片上都凝结着一层透明的露水. 'Одним осенним утром, когда воздух был очень влажным, на сорняках и черепице образовались капли прозрачной росы'. Знаки 秋天 'осень' и 早晨 'утро' не фиксируют прямое значение стереотипа «конкретное время», поскольку комбинация 秋天的一个早晨 'одним осенним утром' не содержит конкретной информации и выражает смысл «не важно, каким именно утром».

12. Знаки, составляющие заглавия (исследовано 7 единиц), функционируют вне пределов текста, но не за пределами системы индивидуализированного языка, поэтому рассматриваются нами как ключевые элементы в особой (пограничной) позиции. Рассмотрим пример: в комбинации «冬天的話題» '«Зимние пересуды»' (досл.: 'зимние темы для разговоров'. – В. А.) маркировкой имплицитной иронии выступает знак 話題 'темы для разговоров', который в комбинации со знаком 冬天 'зима' выстраивает в сознании воспринимающего ассоциативный ряд, эксплицируя смысловую логику возникающих представлений: 'зима → скука → темы для разговоров → сплетни (пересуды) → развлечение'.

Рассмотрим основные ЛСГ знаков, раскрывающих семиотическую репрезентативность модернизма. Цифровые данные ранжированы по снижению показателей суммарного числа (СЧ) знаков, включенных в состав ЛСГ (таблица):

Репрезентативный потенциал семиотики китайского модернизма 80-х гг. XX в.

№ п/п	ЛСГ знаков	СЧ знаков в составе ЛСГ
1	метафоры	755
2	термины	457
3	номинации лиц	421
4	специфические знаки эпохи	415
5	звукообозначения	378
6	знаки природной тематики	317
7	цветообозначения	249
8	знаки, отражающие психофизические несовершенства	230
9	знаки западной ЯКМ	107
10	традиционные / мифологические	88
11	пространственные / временные	71
12	номинации заглавий (ключевые знаки в особой позиции)	7
Всего знаков:		3495

Полученные результаты отражают специфику знаков, структурирующих семиотическое пространство модернизма и раскрывающих потенциал данной языковой модели в китайской ЯКМ 80-х гг. XX в.

Далее отметим, что особенностью семиотики модернизма являются средства ментально-лингвального уровня (фасцинация, субъектность, ирония), активизирующие способность человеческого сознания воспринимать и декодировать информацию, передаваемую языковыми знаками.

О понятии *семантическая фасцинация* впервые заговорил Ю. В. Кнорозов, определив его как свойство сигнального ряда, в котором преобладает не информационный аспект (смысл сообщения), а фасцинирующий (завораживающий). «Механизм воздействия фасцинации обычно объясняется законом иррадиации» [13, с. 35]. В аспектах комбинаторной семантики фасцинация рассматривается не как действие сигнала, а как разновидность иррационально воздействующей информации [3], вызывающей эмоционально-поведенческие трансформации у адресата. «Фасцинация не ограничивается вербальными сигналами, и в языке КМ (китайского модернизма. – В. А.) используются знаки неязыковой природы: цветовые, слуховые, зрительные раздражители» [14, с. 16]. Например, выражение 音程延续象生命断裂 ‘музыкальный интервал прерывается, как человеческая жизнь’ декодируется ассоциативно: музыка и жизнь едины → музыка, как и жизнь, важна → музыка, как и жизнь, может вдруг оборваться → музыка и жизнь конечны.

Субъектность (антропоцентризм как отражение картины мира) – специфическая сфера функционирования знаков модернизма, посредством которой адресант сообщения формирует семантические паттерны, эксплицирующие особенности индивида: *内心却常因为别人的一点儿小事或流言蜚语气得发抖, 因此他活得很紧张, 心情老是烦躁* ‘Глубоко внутри он (профессор Цзя. – В. А.) частенько из-за самых незначительных поступков других людей или из-за мимолётных слухов начинал дрожать от гнева, поэтому жил в вечном нервном напряжении’. Знаки *气得发抖* ‘дрожать от гнева’, *烦躁* ‘нервное напряжение’, объединенные в смысловое целое комбинацией *内心* ‘глубоко внутри’, отражают переживания субъекта, которые представляются более важными, чем то, чем «живут» *别人* ‘другие люди’ (коллектив).

Ирония – своего рода тактика репрезентации знака, позволяющая варьировать смысловые интерпретации. «Высокий модернизм всегда ироничен так же, как древнее искусство было религиозно» [15, р. 50]: *大大的一面墙上只一幅主席诗词的挂轴儿, 绫子黄黄的很浅*. ‘На большой стене висел бледно-желтый шелковый свиток со стихами председателя Мао’. После окончания «культурной революции» в сознании носителей китайского языка формируется новый стереотипный образ Мао Цзэдуна, и в языке модернизма это отражается символически: формируемый знаками *黄黄的很浅* ‘бледно-желтый’ [цвет] эксплицирует смысл – «утраченная (поблекшая) сила слов вождя, призывы которого еще недавно определяли коллективные идеи и устремления».

В результате осуществленного лингвосемиотического анализа, ориентированного на установление семиотической репрезентативности системы модернистских знаков в национальной ЯКМ 80-х гг. XX в., а также основываясь на данных, полученных в исследовании языкового массива текстов рассматриваемого дискурса (1979–1989 гг.), приходим к следующим выводам:

1. Знаки, раскрывающие специфику модернизма, дифференцированы на основании референтных связей с замещаемыми ими объектами внеязыковой реальности. Это позволяет систематизировать выявленные элементы и распределить их по составу ЛСГ. Принадлежность знаков к ЛСГ определяется в рамках тематического моделирования, векторно указывающего на функционально-семантические свойства следующих языковых единиц: 1) метафоры; 2) термины; 3) номинации лиц; 4) специфические стереотипы эпохи; 5) звукообразы; 6) природные стереотипы; 7) цветообразы; 8) психофизические недостатки субъекта; 9) западные стереотипы; 10) традиция/миф; 11) пространство/время; 12) заглавия текста. СЧ знаков в составе ЛСГ (всего установлено 12 групп) – 3495 единиц. Суммарные показатели знаков ранжированы в порядке уменьшения (таблица), что наглядно отражает степень репрезентативности элементов определенной ЛСГ.

2. Лингвосемиотический анализ, ориентированный на комбинаторику, служит комплексному декодированию свойств основных компонентов знака: физической (комбинаторный вариант фигур), информационной (фактическое значение) и фасцинативной (семантическая фасцинация как эффект особого воздействия на сознание реципиента). Комбинаторика знаков, функционирующих в семиотической системе модернистского дискурса, позволяет зафиксировать новые семантико-смысловые слои в их природе: 1) «термин + чэньюй/просторечие/метафора» (утрата свойств специального слова); 2) включение знаков, образующих структуры с семантикой символизма (например, «говорящие» имена); 3) репрезентация значимых для носителей китайского языка стереотипов (введение цветообозначений в комбинации с иероглифами 浅 'светлый'/深 'темный'); 4) введение знаков, декодирующих устойчивые стереотипы реальности (文化 'культура' + 革命 'революция' → 文化革命 'культурная революция') и др.

3. Фасцинация, ирония и субъектность как механизмы ментально-лингвального плана реализуются посредством специально организованного информационного сообщения, служащего расширению периферийных значений и смыслов в природе языковых знаков китайского модернизма. Феноменальная природа воздействия на сознание реципиента, обусловленная спецификой фасцинирующего воздействия, усиленного иронией и субъектностью, повышает эффективность восприятия и декодирования сообщаемой информации, что позволяет интерпретировать семиотическую природу модернизма в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астремцкий, В. С. Структурно-смысловые трансформации языковой картины мира Китая 80-х гг. XX в. / В. С. Астремцкий // *Universum: филология и искусствоведение : электрон. научн. журн.* – 2024. – 10(124). – С. 27–30. URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/18296> (дата обращения: 05.02.2026).
2. Гордей, А. Н. Новая редакция виртуальной цепи китайского синтаксиса / А. Н. Гордей // *Пути Поднебесной: сб. науч. тр. Вып. XII. В 2 ч. / редкол. : А. Н. Гордей (отв. ред.), Н. В. Михалькова (зам. отв. ред.) [и др.]*. – Минск : МГЛУ, 2025. – Ч. 1. – С. 25–37.
3. Гордей, А. Н. Теоретическая грамматика восточных языков: лекционный курс / А. Н. Гордей // *Электрон. дан.* – Минск, 2007. – 1 эл. опт диск (CD-ROM).
4. 王铭玉《现代语言符号学》。出版社：商务印书馆 2013. 页602。= Ван Миньюй. Современная лингвистическая семиотика / Миньюй Ван. – Пекин : Изд-во «Коммерческая пресса», 2013. – 602 с.
5. 王铭玉《中性符号学：理论基础与发展前景》。来源：中国社会科学网–中国社会科学报 2023。= Ван Миньюй. Нейтральная семиотика: теоре-

- тические основы и перспективы развития / Минъюй Ван // Китайская сеть социальных наук. Китайская ежедневная газета о социальных науках, 2023. – URL: https://www.cssn.cn/skgz/bwyc/202306/t20230606_5642867.shtml (дата обращения: 05.03.2026).
6. 田沐禾, 孟华《中性与中国符号学思想史》。外国语文 2022(4) 页 31–39 = Тянь Мухэ. Нейтралитет и история китайской семиотической мысли / Мухэ Тянь, Хуа Мэн. – Иностранные языки и литература, 2022(4). – С. 31–39.
 7. Гордей, А. Н. Лингвистическая и металингвистическая операции / А. Н. Гордей // Чтения, посвящённые памяти профессора В. А. Карпова: сб. материалов / редкол.: А. И. Головня (отв. ред.) [и др.] – Минск : Изд. центр БГУ, 2007. – С. 12–18. – URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/4979> (дата обращения: 21.03.2026).
 8. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : «Советская энциклопедия», 1990. – URL: <https://tapemark.narod.ru/les/index.html> (дата обращения: 12.02.2026).
 9. Якобсон, Р. О. Язык и бессознательное / Р. О. Якобсон // пер. К. Голубович [и др.]. – М. : Гнозис, 1996. – 245 с.
 10. Гордей, А. Н. Основания комбинаторной семантики / А. Н. Гордей // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium : сб. науч. тр. по лексикографии / отв. ред. Л. В. Рычкова [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2005. – С. 32–35.
 11. 大 БКРС = Большой китайско-русский словарь. – URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 15.03.2026).
 12. Астремцкий, В. С. Китайский модернизм «третьего проекта» в лингвокультурном аспекте семиотического анализа / В. С. Астремцкий // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: между традицией и новой реальностью : сб. материалов VI Международной науч. конф. / под ред. Р. А. Бадикова. – Челябинск: Изд-во ЧГУ, 2024. – С. 29–37. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?edn=hchmnn> (дата обращения: 05.02.2026).
 13. Кнорозов, Ю. В. К вопросу о классификации сигнализации / Ю. В. Кнорозов // Избранные труды. – СПб. : МАЭ РАН, 2018. – С. 28–38.
 14. Астремцкий, В. С. Метафора в системе знаков китайского модернизма 80-х гг. XX в. / В. С. Астремцкий // Вестник БГУИЯ. – Сер. 1, Филология. – 2025. – № 1 (1). – С. 9–19.
 15. Glicksberg, Ch. I. The ironic vision in modern literature / Ch. I. Glicksberg. – Springer, 2012. – 268 p.

Поступила в редакцию 23.04.2026

УДК 811.581'37+811.581'35

Гэн Цзянь

кандидат филологических наук
Хунаньский университет
г. Чанша, Китай

Geng Jian

PhD in Philology
Hunan University
Changsha, China
nadezhdakr@yandex.ru

О ФОРМАХ НАИМЕНОВАНИЙ ПОТОМСТВА ЖИВОТНЫХ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье раскрываются способы наименования потомства животных в китайском языке, приводится этимология показателей обозначений мужской / женской особей и детенышей, выявляется многообразие способов указания молодого статуса животных, что затрудняет нахождение нужного эквивалента при переводе с китайского языка на русский и обратно.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *животное; детеныш; модификатор; русский язык; китайский язык.*

WAYS OF DESIGNATING ANIMAL BABIES IN CHINESE

The article describes ways of designating animal babies in Chinese. Etymology of male/female/baby modifiers is given, multiple ways of indicating the young of the animals are revealed which make it difficult to find a necessary equivalent in translating from Chinese into Russian and vice versa

K e y w o r d s: *animal; baby; modifier; Russian; Chinese.*

Среди диминутивов, известных как класс слов с уменьшительным значением, зачастую сопровождаемым ласкательными, презрительными и т. д. коннотациями [1], особое место принадлежит наименованиям потомства животных. Формируя отдельную линию соответствующих парадигм¹, в которых объединены названия вида животных, мужской / женской особей и названия детенышей, наименования детенышей составляют значительную часть инвентаря названий животных: так, в русском языке согласно данным словаря под ред. Н. Ю. Шведовой [3] они составляют 26 % от общего числа единиц данной группы. Однако в отличие от наименований вида животных, зачастую привлекаемых в качестве объекта анализа при рассмотрении полисемии, семантических процессов, перевода, межкультурных интерпретаций и других кардинальных проблем лексической семантики и сопоставительного языкознания, работы, посвященные наименованиям детенышей животных, сравнительно редки, а сведения в них касаются обычно основных способов образования данных названий (см., например, [4; 5] и др.) и в целом фрагментарны. Привлекательность наименований детенышей животных в раз-

¹ Данные лексические объединения трактуются Ч. Филлмором [2] как лексические парадигмы.

ных языках кроется, по-видимому, в том, что наряду с образованиями по существующим в языке правилам (в русском языке суффиксальными образованиями на *-енок*, *-ёнок*) широко распространены уникальные формы типа *щенок* не только для детенышей собаки, но и для детенышей песца, морского котика, тюленя, нерпы, енота и других животных, *теленки* как для детенышей коровы, так и детенышей кита, носорога, жирафа и др. [6]. См. также в русском языке:

корова: *корова* (Ж) – *бык* (М) – *теленки* (Д);
свинья: *свинья* (Ж) – *кабан* (М) – *поросенок* (Д);
лошадь: *кобыла* (Ж) – *жеребец* (М) – *жеребенок* (Д);
курица: *курица* (Ж) – *петух* (М) – *цыпленок* (Д);
овца: *овца* (Ж) – *баран* (М) – *ягненок* (Д);
собака: *сука* (Ж) – *кобель* (М) – *щенки* (Д) [7].

В противовес данной подсистеме русского языка в китайском языке, казалось бы, выстраивается четко структурированная подсистема обозначений животных мужского, женского пола и детенышей, в которой наименования вида получают определенные модификаторы *gōng*, *mǔ* и *xiǎo*:

奶牛 nǎi niú: ‘корова’ – *母奶牛 mǔ nǎi niú* ‘корова’ (Ж) – *公奶牛 gōng nǎi niú* ‘бык’ (М) – *小奶牛 xiǎo nǎi niú* ‘теленки’ (Д);

猪 zhū: ‘свинья’ – *母猪 mǔ zhū* ‘свинья’ (Ж) – *公猪 gōng zhū* ‘кабан’ (М) – *小猪 xiǎo zhū* ‘поросенок’ (Д);

马 mǎ: ‘лошадь’ – *母马 mǔ mǎ* ‘кобыла’ (Ж) – *公马 gōng mǎ* ‘жеребец’ (М) – *小马 xiǎo mǎ* ‘жеребенок’ (Д);

鸡 jī ‘курица’: *母鸡 mǔ jī* ‘курица’ (Ж) – *公鸡 gōng jī* ‘петух’ (М) – *小鸡 xiǎo jī* ‘цыпленок’ (Д);

绵羊 mián yáng: ‘овца’ – *母绵羊 mǔ mián yáng* ‘овца’ (Ж) – *公绵羊 gōng mián yáng* ‘баран’ (М) – *小绵羊 xiǎo mián yáng* ‘ягненок’ (Д);

狗 gǒu ‘собака’: – *母狗 mǔ gǒu* ‘сука’ (Ж) – *公狗 gōng gǒu* ‘кобель’ (М) – *小狗 xiǎo gǒu* ‘щенки’ (Д).

Очевидно, что в китайском языке термины, обозначающие потомство животных и взрослых особей, формально и семантически связаны между собой, причем базовый термин остается неизменным.

В противовес данной подсистеме русского языка в китайском языке семантическая дифференциация животных по полу и возрасту опирается на три важнейших аналитических маркера: *公 (gōng)* — самец, *母 (mǔ)* — самка, и *小 (xiǎo)* — детеныш/маленький. Их этимология уходит корнями в глубокую древность (письменность на гадательных костях цзягувэнь, XIV–XI вв. до н.э.) и отражает переход от конкретных визуальных образов к абстрактным категориям.

1. Этимология знака 公 (gōng) — Самец / Мужская особь.

Согласно древнейшей форме иероглиф 公 состоит из двух элементов: верхнего 八 (bā – изначально «разделять в стороны») и нижнего элемента, который в древности выглядел как замкнутый контур 厶 (sī – «частный, личный, скрытый»). Его первоначальное значение по словарю Шовэнь Цзецзы «распределять, раскрывать частное», то есть делать что-то общедоступным, справедливым. Семантический сдвиг (общественный → правитель → мужчина) произошел следующим образом: «общий/справедливый» → «глава общины / правитель» (тот, кто делит блага справедливо) → «глава семьи / уважаемый мужчина / тесть» (公公) → «самец» (как доминирующая, «главенствующая» особь в биологическом смысле). Превращение в маркер самца произошло в эпоху Борющихся царств и династии Хань, когда языку потребовался универсальный аналитический определитель пола взамен сотен отдельных иероглифов для каждого вида животных.

2. Этимология знака 母 (mǔ) — Самка / Женская особь.

В отличие от 公, знак 母 с самого начала имел сугубо биологическую, физиологическую природу. Иероглиф 母 является прямой идеографической модификацией знака 女 (nǚ – «женщина»). В цзягувэнь знак 女 изображал покорно сидящую или стоящую женщину со скрещенными руками. Чтобы модифицировать знак «женщина» в знак со значением «мать», были добавлены две явные точки, символизирующие женскую грудь, подчеркивая функцию лактации и вскармливания. Перенос на мир фауны произошел по признаку «производящая на свет потомство / вскармливающая детенышей». В древнекитайском языке для крупных животных часто использовался другой знак – 牝 (pìn – «самка»), но в современном байхуа универсальным маркером стала именно «мать» – 母.

3. Этимология знака 小 (xiǎo) – Маленький / Детеныш.

В надписях на гадательных костях и бронзовых сосудах (цзиньвэнь) иероглиф 小 изображал три маленькие точки (иногда черточки). Это визуальный образ мелких песчинок, крошек или зерен. Пиктограмма буквально означала «пыль» или «мелкие частицы». От физического размера («мелкий предмет») значение расширилось до абстрактного «незначительный, маловажный» (отсюда маленький человек – 小人 xiǎorén, подлец). Поскольку детеныши всегда меньше взрослых особей, префикс 小 стал главным инструментом для создания диминутивов (уменьшительных форм). В отличие от строгих биологических маркеров (типа 幼 или 犊), 小 добавляет семантику беззащитности и милоты, дублируя функции суффиксов -онок/-ёнок в русском языке.

Данная статья ставит своей целью раскрыть неоднозначность основного показателя наименования детеныша «小 *xiao*» ‘маленький/малой’ и продемонстрировать иные способы выражения указания на потомство в китайском языке.

Прокомментируем вначале общепринятый и безошибочный способ ставить перед именем животного 小 *xiao* ‘маленький/малой’ для обозначения детенышей животного в китайском языке. Для крупных животных формат «小 *xiao* + название животного» обозначает исключительно ‘детеныш’. Например, 小老虎 *xiao laohu* ‘тигренок’. Однако эта форма не всегда относится к малым, молодым особям, а может быть просто ласковым обращением к маленьким по размеру животным. Например: 几只小猫 (*xiao mao*) 懒洋洋地晒着太阳 ‘Несколько кошек/котят лениво грелись на солнце’. 小猫 (*xiao mao*) может в данном контексте также относиться к взрослым кошкам, а не котят, и интерпретироваться как ‘маленький, милый’ или ‘меньший ростом’, и выбирать то или иное прочтение позволяет контекст.

Еще одна довольно распространенная практика в китайском языке — добавление к названиям животных 崽 *zai* или 仔 *zi*, означающих ‘молодняк’. Формат: «наименование животного + 崽 *zai*» или «仔 *zi* + наименование животного». Например: 猪崽 *zhu zai* / 仔猪 *zi zhu* ‘поросенок’, 鸡崽 *ji zai* / 仔鸡 *zi ji* ‘цыпленок’. Следует, однако, отметить, что «наименование животного + 崽 *zai*» применяется к большинству животных, тогда как «仔 *zi* + наименование животного» используется только для некоторых видов домашней птицы или свиней.

Иероглифы 崽 (*zǎi*) и 仔 (*zǐ* / *zǎi*) представляют собой один из самых интересных узлов в китайской исторической лингвистике. Изначально возникнув в южных регионах Китая как слова для обозначения человеческих детей, они прошли долгий путь семантического сдвига, прежде чем стать маркерами молодняка животных в зоологии. Сегодня знак 崽 (*zǎi*) ассоциируется с детенышами животных (猪崽 – поросенок, 狼崽 – волчонок), а в разговорной речи – с дерзкими молодыми людьми (兔崽子 – «заячье отродие», мерзавец), однако его история гораздо глубже. Иероглиф 崽 является классическим фоноидеограммным знаком. Он состоит из трех элементов: 宀 (*mián*) – «крыша», 山 (*shān*) – «гора» и 思 (*sī*) – «думать, мыслить». Нижняя часть (山 + 思) – это древний иероглиф 囙 (*zāi*), который изначально изображал глиняный кувшин или сосуд для воды с узким горлышком. В знаке 崽 элемент 囙 выступает исключительно как фонетик (указывает на чтение *zai*). Верхняя «крыша» (宀) добавлена для указания на контекст «дома, семьи, гнезда». Таким образом, графически это «то, что рождается/находится под крышей дома». В древнекитайских памятниках севера этот знак практически не встречался. Хань Ян Сюн в своем труде

«Фанъянь» зафиксировал, что знак 崽 пришел из диалектов регионов Цзянхуань (территория современных провинций Хунань, Хубэй и Цзянси). В тех краях местные жители называли словом 崽 своих собственных детей. По мере интеграции южных диалектов в общекитайский язык, слово «ребенок» (崽) стало восприниматься носителями северных диалектов как экспрессивное, грубоватое или сниженное. Произошло семантическое сужение: от «человеческого дитя» к «приплоду домашних животных». В путунхуа (нормативном китайском) самостоятельно знак 崽 почти не используется, только как суффиксид значения молодняка. Однако в хунаньском диалекте (родном диалекте Мао Цзэдуна) до сих пор фраза «мой 崽» означает 'мой сын'.

Знак 仔 (zǐ / zǎi) также уникален. Это чистая идеограмма : 人 / 亻 (rén) – «человек» + 子 (zǐ) – «ребенок, сын, семя». Эволюция значений этого знака имеет два вектора. 1. В древнекитайском языке (вэньяне) добавление «человека» к «ребенку» породило значение 'нести маленького ребенка на руках' или 'брать на себя ношу'. От физической ноши значение эволюционировало в 'заботу, ответственность, тщательность'. Сегодня в путунхуа мы видим этот корень в словах: 仔细 (zǐxì) – тщательный, аккуратный (букв. «как при уходе за младенцем»), 仔肩 (zǎijiān) – бремя, тяжелая обязанность (букв. «нагрузить плечи»). 2. На юге Китая (особенно в провинции Гуандун – кантонский диалект) иероглиф 仔 пошел по совершенно иному пути развития. Он стал полным эквивалентом северного знака 子 (zǐ) в значении 'маленький'. Кантонцы начали добавлять 仔 в конце слов для создания уменьшительно-ласкательной формы ко всему подряд: 房仔 'комнатка', 刀仔 'ножик'. Соответственно, детеныши животных также получили этот суффикс согласно следующему формату: наименование животного + суффикс 仔 zǎi, например:

- 猪仔 (zhūzǎi) «поросенок» (от 猪 «свинья»),
- 狗仔 (gǒuzǎi) «щенок» (от 狗 «собака»),
- 猫仔 (māozǎi) «котенок» (от 猫 «кошка»),
- 羊仔 (yángzǎi) «ягненок / козленок» (от 羊 «овца/коза»),
- 牛仔 (niúzǎi) «теленок» (от 牛 «корова/бык»),
- 鸡仔 (jīzǎi) «цыпленок» (от 鸡 «курица»),
- 鸭仔 (yāzǎi) «утенок» (от 鸭 «утка»),
- 兔仔 (tùzǎi) «крольчонок» (от 兔 «кролик»),
- 鸟仔 (niǎozǎi) «птенец» (от 鸟 «птица»).

Помимо форматов «小 xiǎo + наименование животного», «наименование животного + 崽 zǎi» и «仔 zǐ + наименование животного», в китайском языке существует еще несколько терминов, обозначающих 'детеныш', однако они не являются взаимозаменяемыми.

Среди них мы находим следующие.

1. 雏 *chu* – молодняк птиц и домашней птицы. Используется формат «雏 *chu* + наименование птицы», например: 雏鸟 *chu niao* ‘птенец’, 雏鹰 *chu ying* ‘птенец орла’, 雏鸡 *chu ji* ‘цыпленок’, 雏鸭 *chu ya* ‘утенок’.

2. 犊 *du* – молодой теленок, используется в формате «наименование животного + 犊 *du*», например: 牛犊 *niu du* ‘теленок’.

3. 驹 *ju* – жеребенок лошади или осла, используется в формате «наименование животного + 驹 *ju*»: 马驹 *ma ju* ‘жеребенок’.

4. 羔 *gao* – молодняк овцы, используется в формате «наименование животного + 羔 *gao*» или «羔 *gao* + наименование животного», например: 羊羔 *yang gao* / 羔羊 *gao yang* ‘ягненок’.

5. 幼 *you*. Этот термин является несколько особенным. Когда он непосредственно следует за обозначением животного, он может сочетаться только со словом 犬 *quan* ‘собака’, используя формат «幼 *you* + наименование животного», например: 幼犬 *you quan* ‘щенок’.

Однако это не относится к слову 狗 *gou* ‘собака’. Согласно нормам китайского языка нужно сказать 狗崽 *gouzai* или 小狗 *xiaogou* ‘щенок, собачка’, или, в диалекте, 细狗 *xi gou* ‘щенок, собачка’.

6. Существует также специальный термин 苗 *miao*, который относится к малькам рыб, личинкам шелкопряда и рассаде растений. Формат: «наименование рыбы + 苗 *miao*», например, 鲤鱼苗 *liyu miao* ‘мальки карпа’, 鱼苗 *yu miao* ‘мальки рыб’; 蚕苗 *can miao* ‘ещё недавно вылупившиеся личинки шелкопряда’; растения: 树苗 *shu miao* ‘молодой саженец’, 花苗 *hua miao* ‘рассада цветов’ и т.д.

Настоящая статья призвана помочь студентам, изучающим китайский язык. Названия детенышей животных могут показаться простым делом, и мало кто обращает внимание на эту область. Однако вследствие неоднородности обозначений в данной сфере перевод терминов, относящихся к потомству животных, с одного языка на другой и тонкое толкование их в различных контекстах по-прежнему остаются слабым местом перевода. Думается, что семантическая дифференциация наименований животных, среди которых выделяются классы млекопитающих, птиц, рыб, пресмыкающихся и др., позволит точнее обозначить способы выражения потомства в китайском и других языках и объяснить тем самым наряду с этимологическим анализом неоднородность, наблюдаемую в этом семантическом пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 683 с. – URL: <https://tapemark.narod.ru/les> (дата обращения: 31.05.2026).

2. *Филлмор, Ч. Дж.* Об организации семантической информации в словаре / Ч. Дж. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Проблемы и методы лексикографии. – М. : Прогресс, 1983. – Вып. XIV. – С. 23–60.
3. Русский семантический словарь / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Азбуковник, 2003. – С. 407–458.
4. Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980. – Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение Интонация. Словообразование. Морфология. – 784 с.
5. 席丽莉.表示动物“幼崽”的词语[J].俄语学习,2000,(02):60-61.
6. Детёныши животных и их названия. Как называются самки и самцы? – URL: <https://shkolnaiapora.ru/okruzhayushhij-mir/detenyshe-zhivotnyh.html> (дата обращения: 22.04.2026).
7. *Ло, Чжэнцзинь.* Об употребительности наименований домашних животных в русском и китайском языках / Ло Чжэнцзинь // Вестник Мин. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1, Филология. – Минск : МГЛУ, 2024. – № 6(133). – С. 40–49.

Поступила в редакцию 12.06.2026

УДК [811.111+811.161.3]'42:070:574(045)

Зиневиц Надежда Васильевна

кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры
теории и практики английского языка
Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Nadzeya Zinevich

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and Practice of the English Language
Belarusian State University of Foreign Languages
Minsk, Belarus
nadzusha@gmail.com

КАТЕГОРИЯ АГЕНТИВНОСТИ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В НОВОСТНОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Цель статьи – выявление специфики актуализации категории агентивности в новостном экологическом дискурсе на английском и белорусском языках. Агентивность рассматривается как дискурсивная категория, которая вербализует способность субъекта совершать свободный выбор и автономно производить осознанное действие. Результаты исследования демонстрируют лингвокультурные отличия в актуализации агентивности, что проявляется особенно ярко в отношении имплицитных агентивных конструкций без указания на производителя действия, доля которых существенно выше в белорусско-язычном материале. В то же время анализ доказывает, что англоязычный новостной дискурс в большей степени ориентирован на экспликацию конкретных субъектов, стоящих за совершаемыми действиями, что наделяет акторов большей дискурсивной ответственностью за происходящее.

Ключевые слова: *дискурс, экологический дискурс; новостной дискурс; дискурсивная категория; категория агентивности; виды агентивности.*

THE CATEGORY OF AGENTIVITY AND LINGUOCULTURAL PECULIARITIES OF ITS IMPLEMENTATION IN ECOLOGICAL NEWS DISCOURSE

The aim of the article is to establish linguistic peculiarities of agentivity in English and Belarusian ecological news discourse. The paper considers agentivity as a discursive category which seeks to represent the agent's capacity to make a free choice and perform an action independently and intentionally. The study has shown linguocultural differences in the realization of agentivity which become particularly prominent in 'implicit' agentive constructions where the doer of the action is omitted. The findings prove that Belarusian news generally tends to give more emphasis to agentless actions. At the same time English news aims at making the doers explicit, thus endowing them with a greater degree of discursive responsibility.

Key words: *discourse; ecological discourse; news discourse; discursive category; the category of agentivity; types of agentivity.*

Категория агентивности и ее определение

Антропоцентризм, ставший одним из основных принципов современных лингвистических исследований, предполагает анализ языковых явлений в тесной взаимосвязи с человеком, их порождающим и воспринимающим.

Очевидно, что человек – это исключительно многосторонний и сложный объект любого анализа, что позволяет «компартиментализировать» отдельные ракурсы проявления человеческого начала в языке и исследовать их с разных методологических позиций. Одним из таких научных подходов выступают категориальный анализ, когда исследователь сосредоточивается на группах языковых средств, участвующих в выражении определенных смыслов и/или функций. В качестве примера «человеко-ориентированных» категорий можно привести субъектность, модальность, эмотивность, оценочность, эвиденциальность, диалогичность, интенциональность и т.д. При этом особое внимание лингвистов всегда привлекала проблема выявления в речевом произведении меры внутренней свободы человека, его деятельностного потенциала, то есть способности изменять структуру окружающей среды (не)зависимо от внешних обстоятельств. Данный ракурс рассмотрения человеческого начала предусматривает изучение *категории агентивности*.

Для более детального определения сути категории агентивности обратимся к основным подходам, в рамках которых проводится ее исследование.

1. *Теория семантического синтаксиса* предполагает установление соотношения между значением предложения и отражаемой им внеязыковой ситуацией. При этом ситуация предложением преобразуется в конфигурацию, включающую семантические актанты (участников ситуации), связанные определенными отношениями. Одним из ключевых участников описываемой в предложении ситуации является агенс/ агент/ агентив – активный производитель действия [1, с. 118–123; 2, с. 157–162]. Тем самым в семантическом синтаксисе мы имеем дело если не с самой агентивностью, то с наделенным ею актантом семантической структуры предложения. При этом важно, что агенс представляет одного из важнейших участников ситуации, что подчеркивает значимость учета деятельного начала в таких фундаментальных когнитивных операциях, как категоризация окружающей действительности и ее лингвистическая интерпретация.

2. Естественным следствием описанного выше подхода стало рассмотрение агентивности как особой *семантической категории* (то есть как группы языковых единиц, объединенных общим значением активного деятельностного начала агенса как участника описываемой ситуации). С практической точки зрения важно то, что анализ семантической категории агентивности может объяснить не только системные отличия различных языков (например, выбор подлежащего), но и лингвокультурную специфику различных картин мира в целом [3, с. 43; 4, с. 581].

3. Таким образом, соотношение агентивности-неагентивности в различных языках чаще всего отличается и служит индикатором не только того или иного деятельностного типа культуры, но и специфической картины мира различных языковых сообществ в целом. Например, для японской

лингвокультуры характерно смещение фокуса от агентивности индивида к агентивности коллективной [3, с. 46]. Сходным образом, культурно-специфическим для русского языка является акцент на «псевдоагентивности» – таком положении дел, когда действие осуществляется не конкретным индивидом, а псевдоагентом (неконтролируемой стихией, судьбой и т.п.) [5, с. 61]. Тем самым с точки зрения лингвокультурологии агентивность предстает как *лингвокультурная доминанта* – ключевой концепт, определяющий специфику смыслопорождения и смысловосприятия в конкретной лингвокультурной общности [3].

4. Согласно *функционально-семантическому подходу* А. В. Бондарко и его последователей, взаимосвязанные разноуровневые языковые средства призваны участвовать в выражении глобальных понятийных категорий, одной из которых, наряду с прочими, является агентивность. Так, Е. В. Устинова исследует дихотомию агентивности-неагентивности в качестве особых семантических доминант, основными показателями которых выступает наличие семантических ролей агенса и не-агенса соответственно. Автор представляет агентивность-неагентивность в качестве сложного *функционально-семантического поля*, включающего соответствующие макрополя, а их ядерными средствами выражения будут подлежащие и бесподлежащие/безличные конструкции [5]. Таким образом, с позиций функционально-семантического подхода агентивность рассматривается в тесной связи с ее противоположностью – неагентивностью. Тем самым постулируется единое функционально-семантическое поле агентивности/неагентивности, которое представляет собой сложную формально-содержательную структуру, где группы взаимосвязанных разноуровневых языковых средств служат выражению семантических категорий агентивности и неагентивности.

5. Выходя за рамки языковых форм и их значений, дискурс-анализ рассматривает агентивность как особую *дискурсивную категорию*, изучение которой позволяет вскрыть специфику взаимоотношений речевого произведения и экстралингвистического контекста, где оно порождается и функционирует [6]. Особым направлением дискурс-анализа является критический анализ дискурса (КАД), который не только отталкивается от идеи значимости экстралингвистического контекста, но и постулирует наличие сложного взаимодействия между речевыми практиками и культурно-социальной средой. Так, контекст будет здесь являться не только необходимым «фоном» коммуникации, но и важнейшим условием смысло- и текстопорождения, предопределяя как речевое, так и неречевое поведение членов общества [7, с. 159–161]. Отсюда представители КАД делают вывод о том, что анализ дискурса может помочь вскрыть и объяснить многие общественные практики, такие, например, как механизмы распределения власти, дискриминация, социальное неравенство и др. [8].

В данном отношении дискурсивная категория агентивности будет по определению одним из главных инструментов анализа социально-культурной среды, закономерностей ее устройства и степени дискурсивной свободы, которой различные социальные группы наделяются в обществе. С одной стороны, согласно S. Leipold и G. Winkel, *агентивность* – это «способность актора сделать себя релевантным агентом/ действующим лицом в определенном дискурсе, что достигается в результате того, что он постоянно выбирает то, где, когда и как идентифицировать себя с определенной ролью в рамках данного дискурса» [6, с. 524]. Как видно, в данном определении подчеркивается трансформирующий потенциал индивида, обладающего высокой степенью свободы действий и способного не только противостоять доминирующим социально-дискурсивным практикам, но и видоизменять их. С другой стороны, крайняя версия КАД утверждает, что общественные роли не выбираются, а задаются главенствующими институтами в соответствии с целями поддержания статус-кво. Тем самым подчиненным участникам дискурсивных практик в значительной степени отказывается в свободе выбора и агентивности в целом [7, с. 120–121]. В. Е. Чернявская, в свою очередь, говорит о сложном диалектическом взаимодействии социально-дискурсивной структуры и субъекта, когда 1) контекст неизбежно влияет на создание и укрепление необходимых дискурсов и предопределяет релевантных субъектов/акторов, и наоборот, 2) дискурсивные субъекты, репродуцируя дискурсы, поддерживают социальные практики или, наоборот, оспаривая враждебные дискурсы, расшатывают их [7].

Подведем итоги сказанному. В зависимости от ракурса исследования агентивность может рассматриваться как лингвистическая, семантическая, лингвокультурная или дискурсивная категория. Общим для всех подходов является видение агентивности как *способности некоторого актора (действующего лица) действовать осознанно и автономно, совершая при этом свободный выбор* [7, с. 28]. Изучение агентивности может стать чрезвычайно эффективным инструментом лингвистического анализа. Так, определение характера проявления и степени агентивности в различных языках может помочь уточнить не только особенности организации разных языковых структур, но и пролить свет на специфику концептосфер и картин мира различных лингвокультурных сообществ, а также установить возможные связи между теми или иными дискурсивными практиками и широким экстра-лингвистическим контекстом.

Цель, задачи, материал и методы исследования

Цель настоящего исследования состоит в выявлении специфики актуализации категории агентивности в новостном экологическом дискурсе на английском и белорусском языках.

В задачи исследования входят:

- 1) систематизация ключевых характеристик агентивности;
- 2) установление языковых средств, реализующих агентивность;
- 3) определение основных видов агентивности, реализуемых в фактическом материале, и установление их лингвокультурной специфики.

Материалом для исследования послужили 50 новостных сообщений экологической проблематики (по 25 сообщений на английском и белорусском языках соответственно), отобранных методом сплошной выборки из следующих ресурсов – CNN News, The Guardian, Fox News, БелТА, Sputnik.by, Звязда, Belarus.by. Общее количество словоупотреблений в проанализированном корпусе текстов составило 24 502.

Выбор новостей в качестве материала анализа обусловлен тем, что они представляют собой одну из наиболее «чутких» дискурсивных форм, оперативно реагирующих на изменения в обществе и четко отражающих современную расстановку сил на социополитической арене, что особенно важно для актуального дискурс-анализа. Изучение категории агентивности на основе текстов экологической проблематики видится особенно перспективным, поскольку в условиях усугубляющегося экологического кризиса как никогда актуальным становится действующий потенциал различных социальных групп и их способность эффективно противостоять экологическим вызовам.

При анализе использовались методы дискурсивного, семантического, контекстуального, лингвокультурного анализа, а также метод анализа дефиниций.

Ключевые характеристики категории агентивности. Виды агентивности в новостном экологическом дискурсе и средства их языковой реализации

За время изучения категории агентивности учеными был выдвинут целый ряд условий/ признаков, которым должен отвечать глагольный аргумент, чтобы соответствовать роли агенса. Среди основных можно отметить одушевленность, способность выступать причиной или инициатором события (каузальность), обладание восприятием, вовлеченность, способность принимать решения, волитивность (намеренность), совпадение цели и результата действия, осознанность, ответственность, способность актора управлять своим действием, наличие источника и объекта энергетических затрат, уникальность и самостоятельность действующего лица [9, с. 141–143; 10, с. 147]. Однако учитывая сложность однозначного выделения признаков и их трудно ранжируемый характер, в последнее время все чаще говорят о прототипической организации релевантных характеристик агенса, когда имеет значение не полный набор всех возможных признаков, а их пороговое

количество и относительная значимость. Например, У. П. Стрижак к обязательным относит, во-первых, признаки *каузальности и наличия открытой объектной позиции* (т.е. второго участника ситуации, который претерпевает воздействие агенса) и, во-вторых, *автономность (самостоятельность) действующего лица, которая обеспечивается наличием источника энергии*. В то же время остальные агентивные признаки (такие, как волеизъявление и индивидуализированность) автор относит к вариативным [9, с. 149–153].

Постулирование прототипической организации агентивных признаков и факультативного характера многих из них позволяет исследователям говорить о существовании различных видов агентивности и возможности их градации с точки зрения большего или меньшего соответствия прототипу, как, например, выделение полной и неполной агентивности у Ю. П. Князева [10, с. 147]. В настоящем исследовании мы будем отталкиваться от данного тезиса, применяя его к анализу новостного экологического дискурса и конкретизируя с учетом дискурсивно-жанровой специфики фактического материала.

Таким образом при анализе новостного экологического дискурса на английском и белорусском языках были установлены следующие виды агентивности.

1. «Чистая» агентивность, демонстрирующая наличие всех ключевых признаков, а именно: свободу выбора, затраты энергии действующего лица, высокую степень его контроля над ситуацией, наличие волевого акта (намеренность действия), способность инициировать процесс и преобразующий потенциал осуществляемых действий (каузальность): *The buses have been manufactured by the Chinese firm*; <...> *беларусы расцяць лес, аднаўляюць пагалоўе рэдкіх жывёл, падтрымліваюць біяразнастайнасць і вырабляюць чыстыя прадукты*.

В качестве языкового индикатора чистой агентивности служат глаголы физического действия в составе предложений в активном и пассивном залоге с обязательным указанием на действующее лицо в самом предложении или его ближайшем контексте. В контексте экологической проблематики и настоятельной необходимости позитивного преобразующего действия особо важное место в данной группе будут занимать каузативные глаголы созидания и количественно-качественных изменений.

2. *Потенциальная агентивность*, которая содержит все ключевые признаки, перечисленные выше, однако ее практическое осуществление еще не гарантировано, поскольку семантически соответствующее высказывание ориентируется на будущее/ возможное действие: *The strong winds could lead to power cuts; The plan is to introduce almost 100 new electric buses in north-east England by the end of 2025; Аснова росту – павышэнне эфектыўнасці*

...**умацаванне** прамысловага комплексу, **укараненне** лепшых практык работы на зямлі, **фарміраванне** камфортнага асяроддзя; <...> сваю прадукцыю і паслугі **прадставяць** больш за 200 прадпрыемстваў і арганізацый.

В данном случае мы имеем дело с теми же глаголами физического действия, что и ранее, но здесь они будут использоваться в конструкциях будущего времени, в составе инфинитивных оборотов, в сопровождении модальных глаголов или в отглагольно-именных образованиях с семантикой потенциального действия.

3. *Имплицитная агентивность* также предполагает реализацию всех ключевых признаков, отмеченных в пункте 1, но при этом в конструкции и в ее ближайшем контексте будет отсутствовать явное указание на действующее лицо, что делает невозможным его установление: *Gas-powered buses <...> were decommissioned*; *Вялікая работа праведзена на ліквідацыі палігонаў*.

Если с лексической точки зрения выражение имплицитной агентивности совпадает с чистой агентивностью, то в синтаксическом отношении они будут существенно разниться, поскольку для реализации имплицитной агентивности используются предложения в пассивном залоге/неопределенно-личные предложения, когда агенс не выражен эксплицитно.

4. В контексте решения экологических проблем серьезное значение имеет, насколько результативно действие агенса, что позволяет здесь условно выделить так называемую «квазиагентивность», которая вербализуется с помощью глаголов речемыслительной деятельности (*say; describe; declare; warn; plan* и т.п.). Квазиагентивность сама по себе не включает такой важнейший признак, как каузальность, и не гарантирует практической эффективности сделанного: *The mayor said the city had been surprised by the intense rains*; *Аб гэтым расказаў журналістам міністр прыродных рэсурсаў і аховы навакольнага асяроддзя*.

5. И, наконец, «вынужденная» агентивность, в актуализации которой также задействованы глаголы физического действия и их номинализированные эквиваленты, но в силу внешнего принуждения здесь элиминируются такие признаки, как свобода выбора, контроль над ситуацией и способность агенса инициировать процесс. Соответствующее действие, хотя в какой-то степени контролируется актором и предполагает затраты энергии, происходит преимущественно под влиянием сторонних факторов: *They were forced to evacuate their home after the neighborhood was hit by the fires*; *Гэтыя і іншыя напamкi пamрабуюць кансалідацыі міжнародных намаганняў*. Актуализация вынужденной агентивности опирается на конструкции с семантикой вынужденного действия, усиливаемой зачастую модальными оборотами необходимости.

Обобщим сказанное с помощью табл. 1.

Таблица 1

Критерии выделения видов агентивности в новостном экологическом дискурсе

Признаки		Виды агентивности				
		Чистая	Потенциальная	Имплицитная	Квазиагентивность	Вынужденная
Агентивные характеристики	преобразующий потенциал/ каузальность	+	+	+	–	+/-
	затраты энергии/ автономность	+	+	+	+	+
	способность инициировать процесс	+	+	+	+	–
	намеренность/ осознанность	+	+	+	+	+
	одушевленность	+	+	+	+	+
	свобода выбора	+	+	+	+	–
	контроль над ситуацией	+	+	+	+	–
	практическая эффективность действия	+	-/+	+	-/+	-/+
Языковые индикаторы	предикат действия	+ (действие физическое)	+ (действие физическое)	+ (действие физическое)	+ (действие речемыслительное)	+ (действие физическое)
	эксплицитность агенса	+	+	–	+	+

Таким образом, ключевые агентивные признаки представляют собой систему прототипически организованных характеристик, различные комбинации которых позволяют выделить виды агентивности в зависимости от степени их соответствия прототипу. Все виды агентивности предполагают обязательное наличие некоторого действия (физического или речемыслительного) со стороны актора. В контексте анализа экологического дискурса важными факторами классификации агентивных разновидностей также являются степень эксплицитности действующего лица, а также учет реальной практической эффективности осуществляемого действия и его способности повлиять на устоявшееся положение дел.

Лингвокультурная специфика реализации агентивности в новостном экологическом дискурсе

Проиллюстрируем с помощью табл. 2 результаты анализа представленности различных видов агентивности в экологическом новостном дискурсе на английском и белорусском языках.

Т а б л и ц а 2

Виды агентивности в экологическом новостном дискурсе
на английском и белорусском языках, %

Вид агентивности	Англоязычный новостной дискурс	Белорусскоязычный новостной дискурс
Чистая	32	22
Потенциальная	26	19
Имплиcitная	9	28
Квазиагентивность	28	24
Вынужденная	5	7

Как видно из табл. 2, самое значительное отличие в проанализированном материале было обнаружено в отношении представленности имплицитной агентивности, доля которой в белорусскоязычных новостях более чем в 3 раза выше, чем в англоязычных источниках. Сходные результаты были ранее получены на основе анализа русско- и англоязычных текстов [4; 5]. Отсюда можно сделать вывод о подобии языковых картин мира белорусской и русскоязычной лингвокультур в плане тенденции «растушевывать фокус агентивности» (термин У. П. Стрижак), при этом делается меньший акцент на конкретном субъекте действия и он заменяется безличными и неопределенно-личными конструкциями, создающими эффект действия, которое выполняется как бы «само по себе».

В то же время англоязычная культура в значительно большей степени стремится наделить субъекта действия эксплицитной ролью агенса, доказывая тем самым свою принадлежность к культурам деятельностного типа. Этот вывод подтверждается и достаточно высокой долей чистой агентивности в англоязычном материале, однозначно свидетельствующей о непосредственном вкладе конкретных акторов в экологические процессы. При этом интересно, что удельный вес потенциальной агентивности также преобладает в англоязычных новостях. Данный факт может говорить о том, что деятельностная ориентация культуры распространяется на разные временные срезы (настоящее, прошедшее, будущее) и разные ситуации с точки зрения их реальности/ирреальности. В заключение также отметим, что стремление лингвокультуры акцентировать агентивность по всей види-

мости будет релевантно для любого действия (физического или речемыслительного), что доказывается более высокой долей квазиагентивности в англоязычном новостном дискурсе.

Прототипическая агентивность представляет способность субъекта совершать свободный выбор и автономно производить осознанное действие. В настоящем исследовании агентивность рассматривается как дискурсивная категория, которая играет первостепенную роль в объяснении специфики взаимодействия речевого произведения и широкого экстралингвистического контекста, в котором оно функционирует. Различные лингвокультуры могут демонстрировать существенные отличия при актуализации агентивности и ее разновидностей, что позволяет говорить об агентивности как культурно-специфической категории. Проведенный анализ выявил тенденцию акцентировать субъектов-производителей действий в англоязычном экологическом дискурсе, что доказывается большей представленностью в нем прототипической агентивности с эксплицитным субъектом действия. Как результат, акторы наделяются более высокой степенью дискурсивной ответственности за совершаемые действия. В то же время в сопоставляемом материале была выявлена концептуальная общность в структурировании агентивности, позволяющая выделять в рамках данной категории единые для обеих лингвокультур виды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чейф, У. Л. Значение и структура языка / У. Л. Чейф. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 424 с.
2. Мустайоки, А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам / А. Мустайоки. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 512 с.
3. Стрижак, У. П. Онтологическая сущность агентности и ее лингвистическое представление в восточной и западной культурах / У. П. Стрижак // Азиатские философии: история, методология, межкультурный подход : сб. тезисов междунар. науч.-практ. конф., Москва, 23–25 окт. 2023 г. / Институт философии РАН. – М., 2023. – С. 43–46.
4. Григорьян, Е. Л. Агентивность и её «составляющие» / Е. Л. Григорьян // LI междунар. науч. филол. конф. им. Л. А. Вербицкой : сб. тезисов, С.-Петербург, 14–21 марта 2023 г. / С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2023. – С. 581–583.
5. Устинова, Е. В. Концепция функционально-семантического поля в лингвокультурологическом освещении (на примере ФСП неагентивности в русском языке) / Е. В. Устинова // Изв. ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Спецвыпуск «Филология и журналистика». Общественные науки. – 2007. – С. 61–62.

6. *Leipold, S.* Discursive agency: (Re-)conceptualizing actors and practices in the analysis of discursive policymaking / S. Leipold, G. Winkel // *The Policy Studies Journal*. – 2016. – Vol. 45, iss. 3. – P. 510–534.
7. *Чернявская, В. Е.* Текст и социальный контекст: социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения / В. Е. Чернявская. – М. : ЛЕНАНД, 2021. – 208 с.
8. *Dijk, T. van.* Discourse – Cognition – Society: Current state and prospects of the socio-cognitive approach to discourse / T. van Dijk // *Contemporary Studies in Critical Discourse Analysis* / ed. C. Hart. – London, 2014. – P. 121–146.
9. *Стрижак, У. П.* Агентивность как семантическая категория: онтологическая сущность языковой структуры / У. П. Стрижак // *Вестн. МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. – 2025. – № 2(58). – С. 139–159.
10. *Князев, Ю. П.* Агентивность как шкала градаций / Ю. П. Князев // *Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности*. – 2016. – Вып. 14. – С. 146–155.

Поступила в редакцию 10.02.2026

УДК 811.581'37+811.581'35

Михалькова Надежда Васильевна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры теории и практики
китайского языка
Белорусский государственный университет
иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Nadezhda Mikhalkova

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theory
and Practice of the Chinese Language
Belarusian State University of Foreign Languages
Minsk, Belarus
nadezhdakr@yandex.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОРОЖДЕНИЯ СЛОЖНЫХ ИЕРОГЛИФОВ НА БАЗЕ ДЕТЕРМИНАТИВОВ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ ГРАФ КИТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Данная научная статья посвящена моделированию процессов формирования сложных китайских иероглифов на основе их базовых смысловых компонентов – детерминативов. В качестве главного исследовательского инструмента использован семантический граф, который позволяет представить китайскую письменность как единую связную сеть. В статье подробно описывается механизм порождения производных знаков, выделяются ключевые семантические единицы и прослеживаются логические взаимосвязи между ними. Разработанная формальная модель успешно структурирует сложную иероглифическую систему, открывая новые перспективы для прикладных исследований в области теоретической лингвистики, компьютерного анализа текста и систем искусственного интеллекта.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *китайская письменность; семантический граф; моделирование; детерминативы; порождение.*

MODELING THE GENERATION OF COMPLEX SIGNS BASED ON THE DETERMINATIVES: SEMANTIC GRAPH OF THE CHINESE WRITING

This research article is dedicated to modeling the formation processes of complex Chinese characters based on their basic semantic components: determinatives. A semantic graph is used as the primary research tool, allowing the Chinese writing system to be represented as a single connected network. The paper describes in detail the mechanism of generating derived characters, identifies key semantic units, and traces the logical relationships between them. The developed formal model successfully structures the complex ideographic system, opening new perspectives for applied research in the fields of theoretical linguistics, computational text analysis, and artificial intelligence systems.

К е у w o r d s : *the Chinese writing system; semantic graph; modeling; determinatives; generator.*

Моделирование – это способ построения семантического «скелета» китайской иероглифической письменности, позволяющего создать, с одной стороны, специфическую для китайской языковой системы «паутину смыслов» (см. семантическую паутину Т. Бернерса-Ли [1]), попеременно актуализируемых, профилируемых и «вытягиваемых» различные аспекты семантического пространства детерминативов. С другой стороны, принимая

во внимание тот факт, что набор как семантических связей, так и мотивировочных признаков китайской письменности частично изоморфен набору выявленных в других языках свойств и отношений, соединяющих смысловые точки семантического пространства словообразовательных гнезд, моделирование «работы» процесса китайского знакообразования можно квалифицировать в качестве системного общезыкового механизма. Данный механизм представляет собой комплексный процесс знакообразования, учитывающий семантический тип производной базы и производных единиц, отношения между производящей и производной базой, мотивировочные признаки выбора той или иной производящей базы, а также их вариативность. Комбинация этих этапов знакообразования в единую структуру-модель является неизбежным шагом синтеза множества последовательно полученных нами данных для перехода от линейных конструкций к ментальной «карте языкового пространства» [2] китайской письменности, позволяющей визуализировать многомерные семантические связи и ассоциативно-вербальные сети через соединяемые в единую систему участки смыслового пространства.

Применительно к знакообразованию китайской письменности идея моделирования базируется на классической дихотомии словообразования как процесса (динамическая модель) и как системы (статическая модель), развиваемой в трудах лингвистов XX в. (см. работы по словообразованию Е. С. Кубряковой [3], М. Докулила [4], П. Штекауэра [5], И. Г. Милославского [6] и др.). В частности, словообразование моделируется как двусторонний процесс кодирования и декодирования [7] в зависимости от говорящего (перспективная модель) и слушающего (ретроспективная модель). Соответственно, перспективная модель представляет собой движение от смысла к форме, а ретроспективная – от формы к смыслу. Так как словообразование – это не только система готовых единиц, но прежде всего динамическая система, обеспечивающая говорящего правилами создания новых наименований и кодом для их понимания, для слушающего производное слово выступает как динамический код, требующий расшифровки через возвращение к его истокам – производящей основе и способу ее преобразования [7]. Следовательно, моделирование знакообразования – это создание в том числе «динамического кода», где правила соединения (для говорящего) соотносятся с правилами их «расшифровки» для слушающего. Перспективный подход – это часть порождающей грамматики, алгоритма правил, позволяющего задать структуру языка и описать набор действий, с помощью которых в китайской письменности происходит построение знаков. Ретроспективный подход – это декодируемая (расшифровочная) грамматика. Пользование письменностью предполагает в китайском языке пользование частью порождающей грамматики. В результате сказанного наша задача усложняется необходимостью представления сразу двух моделей китайского знакообразования, демонстрирующих оба вектора направленности.

С технической точки зрения разрабатываемые нами модели представлены в виде *семантического графа*. Выбор *графа* в качестве основного инструмента отображения моделей выявленных нами семантических связей и мотивировочных признаков выбора детерминативов китайской письменности обусловлен принципом представления данных в этой абстрактной структуре дискретной математики. По аналогии с графами знаний (knowledge graph) в Google, это способ организации данных, который описывает объекты и связи между ними в виде сети. В отличие от обычной базы данных как плоской таблицы (например, Excel), граф – это многомерная паутина, где узлы (точки) – это сущности, а линии-связи между ними – отношения. Граф позволяет представить все семантические связи китайской письменности в виде «паутины смыслов». Созданный нами семантический граф пространства китайской письменности статически «моделирует» действующую на сегодня иероглифическую систему. Это не исключает возможности прогнозирования ее развития, т.е. создания новых единиц по тем же механизмам, «знакомым» именуемым субъектам – носителям китайского языка, и декодирования на основе установленных семантических связей и мотивировочных признаков смыслов как существующих, так и вводимых в систему новых знаков. Теория графов – один из фундаментальных разделов дискретной математики, которая является основой программирования. Она позволит не только представить все семантические связи китайской письменности в виде «скелета смыслов», но и впоследствии (при необходимости) переложить представленные нами семантические графы на язык программирования. Кроме того, как утверждает Ю. Д. Апресян, «язык семантических графов является, по предположению, универсальным – единым для всех человеческих языков ... создание такого семантического языка продолжает оставаться конечной задачей лингвистической семантики» [8, с. 21], без которой, по мнению Г. В. Колшанского, «не может быть теории языка» [9, с. 6].

Следует отметить, что термин «семантический граф» не раз употреблялся лингвистами для формализации тех или иных смыслов. В частности, Франсуа Растье [10] используется концепция семантического графа для формализации смысла текста, В. Б. Касевичем семантические графы применялись для описания структур предложения [11]. В определенном смысле семантическими графами можно считать экзистенциальные графы Ч. Пирса [12], считавшего их логикой будущего; семантические сети как модель человеческой памяти Р. Куиллиана [13]; стеммы как визуальные схемы «распаковки» линейной структуры предложения Л. Теньера [14], семиотический квадрат Греймаса – визуальный граф того, как одно понятие порождает целую систему смыслов [15]; графовые модели Б. Потье для компонентного анализа семантики слова [16]; концептуальные графы Дж. Сова, принятые сегодня в качестве стандарта в области искусственного интеллекта [17]; модель «смысл-текст» И. Мельчука, Ю. Д. Апресяна и А. Жолковского [18] и др. Благодаря указанным выше исследованиям

семантических графов был совершен прорыв в разработке систем искусственного интеллекта, позволивший перейти от нейросетей, которые предсказывают следующий элемент на основе статистики, к ИИ на базе графов, оперирующему структурированными знаниями и возможностью самообучения (см. работы Р. Пиотровского по инженерной лингвистике, лингвистической синергетике, теории лингвистических автоматов [19; 20], цепи А. А. Маркова, моделирующие вероятность появления следующего слова или фразы на основе имеющихся контекстов [21], стохастичность текста Е. В. Шелестюк [22], статистические законы распределения слов Ципфа–Мандельброта [23], язык СЕМСИНТ А. В. Зубова [24], создание теории автоматического порождения архитектуры знаний (ТАПАЗ-2) школы комбинаторной семантики А. Н. Гордея, интегральное моделирование индивидуального стиля В. С. Андреева [25] и др.). Подобный междисциплинарный подход привел к возможности создания универсального метаязыка, связывающего данные из разных областей, в том числе лингвистики, в единую интеллектуальную сеть (см. Естественный Семантический Метаязык (NSM) как «алфавит человеческой мысли» А. Вежбицкой).

В данном исследовании нами представлены два типа семантических графов, репрезентирующих, соответственно, *перспективную* (от детерминативов к сложным иероглифам, их включающим) и *ретроспективную* (от сложных иероглифов к детерминативам в их составе) модели выбора детерминативов китайской письменности. Отметим также, что «любое структурное описание объекта, не вызывающее возражений, поскольку является общей чертой науки как таковой», тем не менее неизбежно приводит к определенному его упрощению и «д о о р г а н и з о в а н н о с т и», т.е. объект становится «более жестко организованным, чем это имеет место на самом деле» [26, с. 5].

Методика построения семантических графов соответствует четырем шагам их конструирования, принятым в дискретной математике и последовательно осуществляемым в наших моделях.

1. Определение множества вершин (точек).
2. Определение множества ребер (связей).
3. Выбор типа связи (направленность).
4. Присвоение весов или типов (меток ребра).

В соответствии с этими шагами для построения семантических графов китайской иероглифической письменности нами на первом и втором шагах конструирования были определены вершины (точки) и множества ребер (связей). Поскольку выбор детерминатива представляет собой движение или от конечного результата (производного сложного иероглифа) к семантическому компоненту (производящей базе – детерминативу) – ретроспективная модель, или от детерминатива к производному сложному иероглифу (перспективная модель), разработка семантических графов началась с установления тех точек и ребер-путей, соединяющих области сложных

иероглифов и детерминативы, которые в итоге включаются в их состав (рис. 1). В нашем исследовании мы конструируем двунаправленный семантический граф китайской письменности, который представляет соответственно две модели одновременно: ретроспективную, т.е. предполагающую движение от сложных иероглифов (производных единиц) к детерминативам (производящим базам), и проспективную – динамическую модель, которая показывает обратный процесс.

Построенный нами семантический граф это не что иное, как одновременно *статическая* (вектор движения сверху вниз) и *прогнозируемая модель* (вектор движения снизу вверх), т.е. механизм, который описывает и то, что уже есть, и то, как может быть создано новое. Это своеобразный алгоритм, по которому человек создает вводимые в систему языка знаки, «проходя» от цели (обозначить тот или иной объект, статическое или динамическое свойство и др.) к форме, с помощью которой она выражается.

Представим далее ретроспективную модель семантического графа.

Первая линия ретроспективной модели семантического графа – это совокупность точек А1-А6, репрезентирующих соответственно 6 типов конечного результата:

- А1 – сложные иероглифы, обозначающие субъект,
- А2 – сложные иероглифы, обозначающие объект О',
- А3 – сложные иероглифы, обозначающие вещество,
- А4 – сложные иероглифы, обозначающие динамическое свойство (действие),
- А5 – сложные иероглифы, обозначающие статическое свойство (признак),
- А6 – сложные иероглифы, обозначающие абстрактные сущности.

Вторая линия графа – это типы семантических связей, которые связывают детерминативы и сложные иероглифические знаки: гиперо-гипонимия, холо-меронимия, метонимия, метафора, метафтонимия, репрезентируемые соответственно точками В1-В5.

Третья линия семантического графа представляет собой следующий этап выбора детерминатива – выбор мотивировочных признаков. Это точки С1-С8, выражающие *материал* (С1), *субъект* (С2), *форма* (С3), *объект* (С4), *локация* (С5), *функция* (С6), *размер* (С7), *инструмент* (С8).

Четвертая линия семантического графа – это семантический тип детерминатива, выбор которого соответствует тому или иному типу семантических связей (вторая линия В1-В5) и мотивировочных признаков (третья линия С1-С8).

Семантический тип детерминатива соответствует нашей семантической классификации и включает: детерминативы-знаки природных объектов (D1), детерминативы-знаки жилищ и их частей (D2), детерминативы-соматизмы (D3), детерминативы-фитонимы (D4), детерминативы-зоонимы (D5), детерминативы-знаки лиц (D6), детерминативы-знаки абстрактных сущностей (D7), детерминативы-знаки веществ (D8).

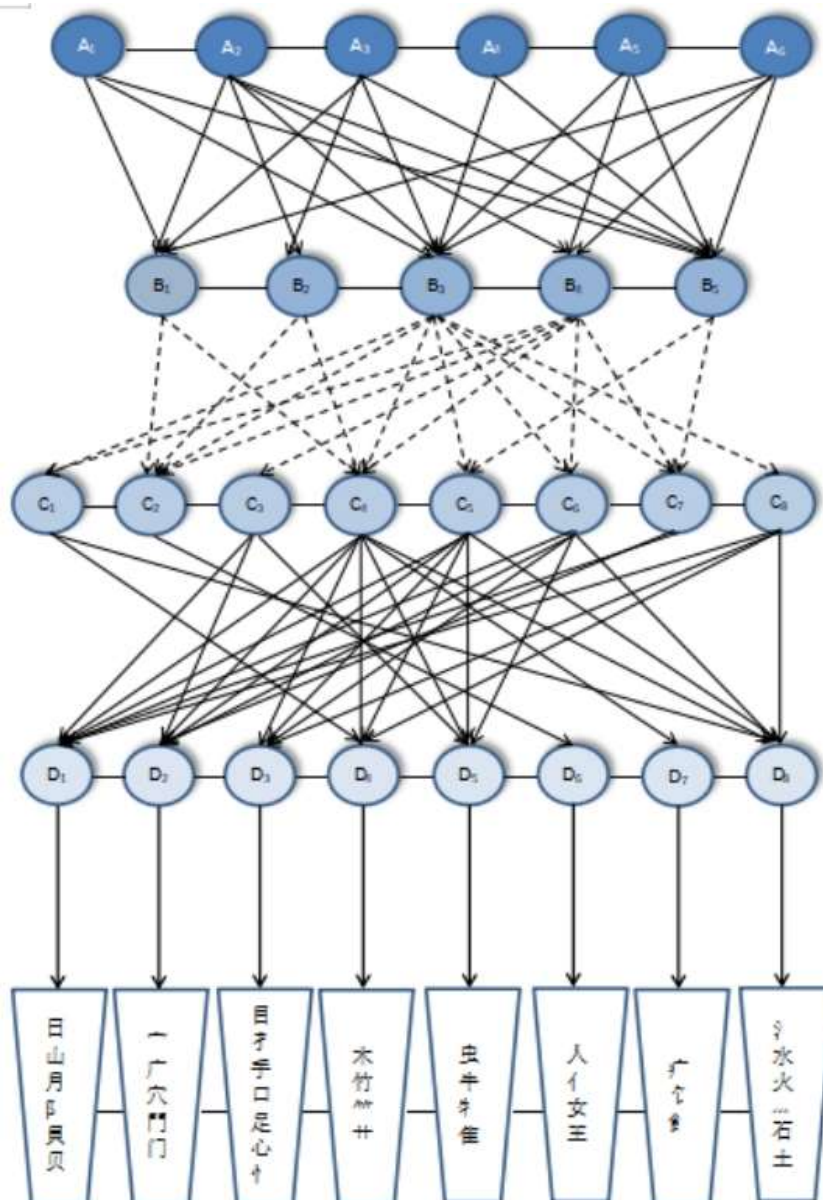

Рис. 1. Семантический граф китайской иероглифической письменности (ретроспективная модель)

Ребра семантического графа выстроены в соответствии с установленными нами ранее возможностями системы китайской письменности формировать те или иные семантические связи. Ребра семантического графа имеют свою специфику, заключающуюся в вариативности выбора мотивировочных признаков, что обусловило использование не прямых, а прерывистых линий, соединяющих точки B1-B5 и ряд точек C1-C8 (шаг третий).

Наконец, четвертый шаг построения семантического графа по аналогии с шагами в дискретной математике включает присвоение весов или типов (меток ребер). В конструируемом нами семантическом графе китайской иероглифической письменности метками ребер являются числовые данные *семантических связей*, возникающих между соответствующими

соединениями линий A1-A6 и B1-B5, числовые данные *мотивировочных признаков* выбора (между линиями B1-B5 и C1-C8), *детерминативы*, которые отвечают тем или иным «требованиям».

Таким образом, построенный нами семантический граф китайской письменности является *ориентированным* (ребра имеют определенное направление – стрелки), *взвешенным* (ребрам присваивается число-вес, коэффициенты), *связным* (из вершины можно добраться в другую вершину) *мультиграфом* (разрешены несколько ребер от одной вершины).

Рассмотрим на примере процедуру «работы» семантического графа китайской письменности. Статическая модель семантического графа китайской письменности осуществляет процедуру выбора детерминатива для того или иного требуемого обозначения, т.е. отвечать на вопрос: с помощью каких детерминативов обозначается то или иное явление, объект, действие, абстрактная сущность и др. Допустим, что именуемому субъекту необходимо выбрать детерминатив для репрезентации в сложном знаке китайской письменности динамического свойства – действия «защищать». Вес ребра по линии метонимии является наиболее высоким (см. рис. 1). Следовательно, с большой вероятностью данные обозначения будут образовываться путем метонимических переносов. Далее необходимо выбрать мотивировочный признак, который может быть ведущим при метонимии. Весовые параметры ребер B3-C5 и B3-C8 позволяют заключить, что чаще всего действие обозначается через мотивировочный признак *локация* (место) или через мотивировочный признак *объект* как инструмент, с помощью которого оно выполняется. Соответственно, движемся далее или по ребру B3-C5, или по ребру B3-C8 (вариативность выбора). Согласно полученным нами ранее индексам вариативности детерминативов с большой вероятностью необходимо произвести далее выбор или из детерминативов-обозначений жилищ и их частей (если движемся по ребру B3-C5 и выбираем мотивировочный признак *локация*), или из детерминативов-соматизмов (если движемся по ребру B3-C8 и выбираем мотивировочный признак *инструмент*). В результате китайская иероглифическая письменность располагает следующими детерминативами-обозначениями жилищ и их частей для построения сложного знака «защищать»: 广 ‘навес’ и 宀 ‘крыша’, среди детерминативов-соматизмов – детерминатив 扌 ‘рука’. Смотрим знакообразовательные гнезда с данными детерминативами. Находим искомые сложные знаки с детерминативом 宀 ‘крыша’ (守 ‘защищать (чиновника)’, 寔 ‘охранять’), с детерминативом 广 ‘навес’ – 庇 ‘защищать’, а также с детерминативом 扌 ‘рука’ – 捍 ‘отражать, защищать’, 护 ‘защищать, беречь’, 扞 ‘защищать, отражать врага’.

Аналогично представленному выше примеру будет «работать» семантический граф в обратную сторону – вектор движения от производящей базы (детерминатива) к той производной единице (сложному знаку), который потенциально может образоваться.

Полученный семантический граф лег в основу разработки компьютерной программы **DetGen-Model**, позволяющей отобразить механизм порождения исследованных сложных иероглифов относительно включения детерминативов различного типа (рис. 2).

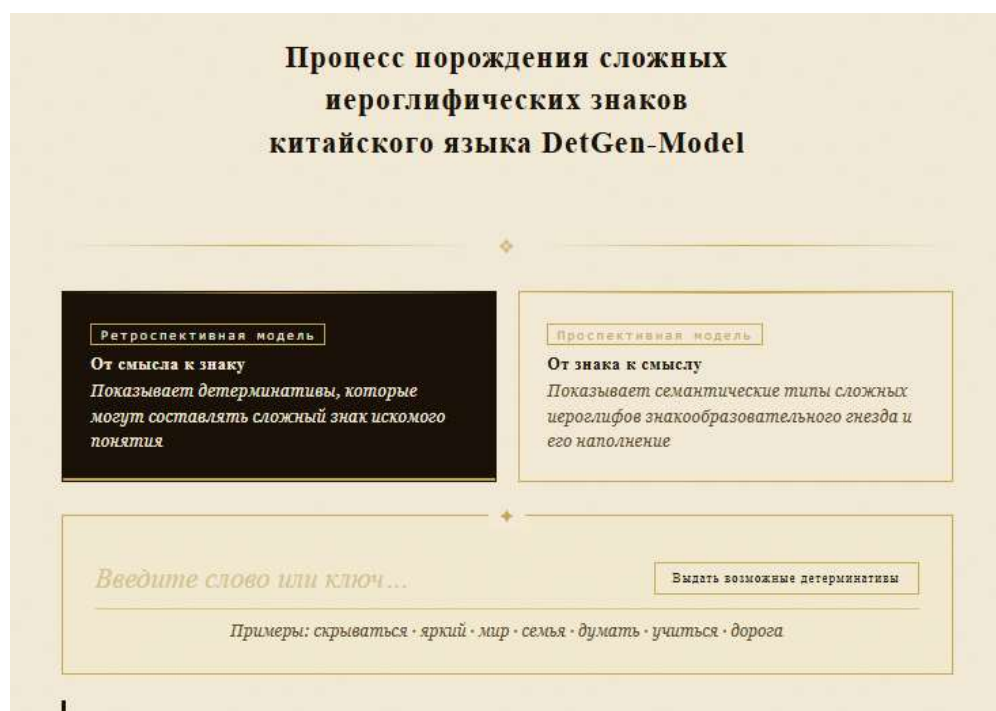

Рис. 2. Интерфейс компьютерной программы DetGen-Model

Проспективная модель представлена в виде возможности ввода детерминатива и получения в выводе всего семантического спектра сложных иероглифов, которые могут содержать введенный детерминатив (на основе исследованной части китайской письменности) (рис. 3).

Рис. 3. Пример работы проспективной модели компьютерной программы DetGen-Model

Ретроспективный режим работы программы DetGen-Model позволяет при введенном искомом понятии на русском языке отобразить при выводе те детерминативы, которые могут составлять сложный иероглиф в китайском языке. При этом программа может согласно графу семантических связей предложить все варианты детерминативов. В качестве примера иероглифов будут представлены только те, которые содержатся в исследованной части китайской письменности и находятся в базе данных программы (рис. 4).

Рис. 4. Пример работы ретроспективной модели компьютерной программы DetGen-Model

Таким образом, семантический граф наглядно показывает как ведущие линии связей, так и лакунарные области, и в перспективе может являться смысловым атласом знакообразования китайской письменности с возможностью математического доказательства, какая модель «умирает», а какая становится доминирующей. Будучи фундаментом статической и динамической моделей знакообразования исследованной части китайской письменности, это эффективный способ не только «объяснить машине», как выстраивается логика выбора детерминативов сложных иероглифических знаков, но и развить соответствующие навыки у обучающихся китайскому языку. Кроме того, построенный нами семантический граф может явиться одной из основ для развиваемого сегодня нового направления High-Tech лингвистики, которое переносит изучение языка в область точных данных, алгоритмов и искусственного интеллекта, отвечая на вопрос о том, как сделать так, чтобы машина работала с языком так же эффективно, как это делает человек.

ЛИТЕРАТУРА

1. The Semantic Web / Т. Berners-Lee, J. Hendler, O. Lassila // Scientific American Magazine. – 2001. – Vol. 284, № 5. – P. 34–43.
2. *Haspelmath, M.* The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison / М. Haspelmath // The new psychology of language. – NJ : Lawrence Erlbaum, 2000. – Vol. II. Mahwah / Tomasello Michael (ed.). – P. 211–242.
3. *Кубрякова, Е. С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славян. культуры, 2004. – 560 с.
4. *Dokulil, M.* Tvoreni slov v cestine / М. Dokulil. – Praha : Czechoslovakia Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1967. – Vol. 2: Odvozování podstatných jmen. – 779 s.
5. *Štekauer, P.* An Onomasiological Theory of English Word-Formation / Р. Štekauer. – John Benjamins Publishing Company, 1998. – 202 p.
6. *Милославский, И. Г.* Вопросы словообразовательного синтеза / И. Г. Милославский. – М. : Изд-во МГУ, 1980. – 296 с.
7. *Кубрякова, Е. С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1981. – 198 с.
8. *Апресян, Ю. Д.* Избранные труды : в 2 т. / Ю. Д. Апресян. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Восточная литература, 1995. – Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. – 767 с.
9. *Колшанский, Г. В.* Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте / Г. В. Колшанский // Принципы и методы семантических исследований / редкол.: В. Н. Ярцева (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1976. – С. 5–31.
10. *Растье, Ф.* Интерпретирующая семантика / Ф. Растье ; пер. с фр., примеч., предм.-имен. указ. А. Е. Бочкарева. – Н. Новгород : Деком, 2001. – 367 с.
11. *Касевич, В. Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология / В. Б. Касевич. – М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988. – 311 с.
12. *Roberts, Don D.* The existential graphs of Charles S. Peirce / Don D. Roberts. – The Hague : Mouton, 1973. – 176 p.
13. *Quillian, R.* Semantic memory / R. Quillian. – Pittsburgh : Carnegie Institute of Technology, 1966. – 222 p.
14. *Теньер, Л.* Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер ; пер. с фр. И. М. Богуславского [и др.] ; вступ. ст. [с. 5–21], общ. ред. [и коммент.] В. Г. Гака. – М. : Прогресс, 1988. – 653 с.
15. *Греймас, А.-Ж.* Структурная семантика. Поиск метода / А.-Ж. Греймас ; пер. Л. Зиминой. – М. : Академ. Проект, 2004. – 367 с.
16. *Степанов, Ю. С.* Методы и принципы современной лингвистики / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1975. – 310 с.

17. *Sowa, J. F.* Conceptual Structures: Information Processing in Mind and Machine / J. F. Sowa. – Reading, Mass. : Addison-Wesley, 1984. – 481 p.
18. *Апресян, Ю. Д.* Восемь словарных статей толково-комбинаторного словаря русского языка / Ю. Д. Апресян, А. К. Жолковский, И. А. Мельчук ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. Проблем. группа по эксперим. и приклад. лингвистике. – М., 1970. – 31 с.
19. *Пиотровский, Р. Г.* Инженерная лингвистика и теория языка / Р. Г. Пиотровский. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. – 112 с.
20. *Пиотровский, Р. Г.* Лингвистический автомат и его речемыслительное обоснование / Р. Г. Пиотровский. – Мн. : Мин. гос. лингвист. ун-т, 1999. – 195 с.
21. *Shannon, C. E.* A Mathematical Theory of Communication / C. E. Shannon // Bell System Technical Journal. – 1948. – Vol. 27. – P. 379–423.
22. *Шелестюк, Е. В.* Стохастичность текста : сущность, способы исследования, феноменология / Е. В. Шелестюк, Е. А. Щетинкина // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. Вып. 124. – 2021. – №4 (450). – С. 173–184.
23. *Mandelbrot, B.* Information theory and psycholinguistics : a theory of word frequencies / B. Mandelbrot // Readings in mathematical social science. – Cambridge, Mass. [u.a.] : M.I.T. Press, 1968. – P. 350–368.
24. *Зубов, А. В.* Вероятно-алгоритмическая модель порождения текста : Семантико-синтаксический аспект : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.21 / Зубов Александр Васильевич ; МГПИИЯ. – Мн., 1985. – 399 л.
25. *Андреев, В. С.* Моделирование индивидуального стиля на основе лингвистических характеристик : монография / В. С. Андреев. – М. : Флинта : Наука, 2012. – 247 с.
26. *Лотман, Ю. М.* Динамическая модель семиотической системы / Ю. М. Лотман. – М. : ИРЯ АН СССР, 1974. – 28 с.

Поступила в редакцию 12.06.2026

УДК 81'373:[811.161.3+811.112.2]

Нячай Маргарыта Анатольеўнастаршы выкладчык кафедры
замежных моў
Гродзенскі дзяржаўны
медыцынскі ўніверсітэт
г. Гродна, Беларусь**Marharyta Niachai**Senior Lecturer of Department
of Foreign languages
Grodno State Medical University
Grodno, Belarus
nechai0102@mail.ru

БЕЗЭКВІВАЛЕНТНЫЯ ФРАЗЕАЛАГІЗМЫ І СПАСАБЫ ІХ ПЕРАКЛАДУ

Артыкул прысвечаны пытанням моўнага статусу безэквівалентных фразеалагічных адзінак, а таксама экстралінгвістычным і ўнутрымоўным прычынам узнікнення фразеалагічных лакун. На матэрыяле фразеалагізмаў фразеасемантычнага поля «Здароўе» беларускай і нямецкай моў вылучаюцца і аналізуюцца безэквівалентныя адзінкі. Асабліва ўвага надаецца спосабам іх перакладу. Асноўнымі прыёмамі перадачы значэння безэквівалентных фразеалагізмаў з'яўляюцца: калькаванне, лексічны, дэскрыптыўны і камбінаваны спосабы перакладу.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *безэквівалентны фразеалагізм; нацыянальна-культурная спецыфіка; лакуна; калька; менталітэт.*

NON-EQUVALENT FRASEOLOGICAL UNITS AND THE WAYS OF THEIR TRANSLATION

The article is devoted to the issues of the linguistic status of non-equivalent phraseological units, as well as extralinguistic and intra-linguistic factors as the main causes of phraseological lacunarity. Based on the phraseological units of the phrasesemantic field «Health» of the Belarusian and German languages, non-equivalent units are distinguished and analyzed. Special attention is paid to the ways of their translation. The main methods of conveying the meaning of non-equivalent phraseological units are: calque, lexical, descriptive and combined translation methods.

Key words: *non-equivalent phraseological unit; national and cultural specificity; lacuna; calque; mentality.*

Даследаванне фразеалогіі як сістэмы нацыянальнага светапогляду, што адлюстроўваецца пры дапамозе вобразаў, дае багаты матэрыял для апісання моўнай карціны свету розных народаў. Вывучэнне феномена фразеалагічнай безэквівалентнасці ў тэорыі і практыцы перакладу фразеалагізмаў патрабуе глыбокага даследавання.

Мэта артыкула – раскрыць паняцце *фразеалагічная безэквівалентнасць*, апісаць універсальны характар і нацыянальна-культурныя асаблівасці безэквівалентных беларускіх і нямецкіх фразеалагізмаў праз іх супастаўленне на матэрыяле фразеасемантычнага поля «Здароўе», а таксама вызначыць асаблівасці перакладу фразеалагічных адзінак. Зварот да гэтага тэматычнага поля невыпадковы: здароўе – адна з галоўных каштоўнасцей чалавека

і грамадства, асабліва ў сучасным свеце (пандэміі, стрэсы, здаровы лад жыцця), што робіць даследаванне запатрабаваным як у лінгвістычным, так і ў сацыякультурным кантэксце. Акрамя таго, уяўленні пра здароўе глыбока нацыянальна спецыфічныя, таму супастаўленне беларускіх і нямецкіх фразеалагізмаў гэтай тэматыкі дазваляе выявіць як універсальныя, так і этна-спецыфічныя рысы, а таксама патэнцыяльную семантычную безэквівалентнасць, што мае істотнае значэнне для міжкультурнай камунікацыі і тэорыі перакладу.

На падставе наяўнага фактычнага матэрыялу ў склад фразеасемантычнага поля «Здароўе» залічаны фразеалагічныя адзінкі, якія размяркоўваюцца ў межах двух субпалёў, агульных для беларускай і нямецкай моў: 1) «добрае здароўе» і 2) «кепскае здароўе». У састаў субполя «добрае здароўе» ўключаны фразеалагізмы, што характарызуюць здоровага, не хворага чалавека, усе органы і сістэмы якога функцыянуюць правільна і не маюць адхіленняў у сваёй працы. Здаровы чалавек – гэта чалавек у добрай фізічнай форме, фізічна моцны, дужы, энергічны, бадзёры, рухавы, у поўнай свядомасці і ў здравым розуме. Субполе «кепскае здароўе» складаюць фразеалагічныя адзінкі, якія характарызуюць хворага, нездоровага чалавека, у якога назіраюцца пастаянныя або часовыя парушэнні функцыянавання органаў або сістэм арганізма. Акрамя таго, хворы чалавек фізічна слабы, знясілены. У склад субполя «кепскае здароўе» залічаны таксама фразеалагічныя адзінкі, што рэпрэзентуюць парушэнні разумовай дзейнасці чалавека, якія ўзніклі паводле шэрагу прычын.

Аналіз семантычнай суадноснасці, структурна-граматычнай арганізацыі, кампанентнай структуры і стылістычнай канатацыі разнамоўных фразеалагізмаў дазваляе нам вылучыць сярод беларускіх і нямецкіх фразеалагічных адзінак фразеасемантычнага поля «Здароўе» 1) эквіваленты; 2) аналагі; 3) безэквівалентныя фразеалагізмы.

Да міжмоўных фразеалагічных эквівалентаў супастаўленых моў адносяцца фразеалагічныя адзінкі з тоеснай семантыкай, структурна-граматычнай мадэллю, функцыянальна-стылістычнай афарбоўкай, кампанентным складам, вобразнай асновай. У адпаведнасці з прынятымі крытэрыямі эквівалентнасці пры супастаўленні беларускіх і нямецкіх фразеалагізмаў фразеасемантычнага поля «Здароўе» вылучаюцца поўныя і частковыя эквіваленты.

У адрозненне ад эквівалентаў аналагі характарызуюцца супадзеннем сігніфікатыўна-дэнататыўнага значэння, суб'ектыўна-ацэначнай канатацыі, але могуць разыходзяцца кампанентным складам, структурна-граматычнай арганізацыяй, а таксама ўнутранай формай, вобразнай асновай, стылістычнай прыналежнасцю і экспрэсіўнасцю.

Аднак найбольшую даследчую цікавасць уяўляюць сабой безэквівалентныя адзінкі, якія фіксуюць нацыянальна-спецыфічныя рысы, адсутныя ў адной з супастаўленых моў. У нашым даследванні пад безэквівалентнымі

фразеалагічнымі адзінкамі мы разумеем фразеалагізмы зыходнай мовы, якія характарызуюцца адсутнасцю адпаведнікаў (эквівалентаў або аналагаў) у мове супастаўлення.

Адзначым, што ў навуковай літаратуры, асабліва ў аспекце лінгвістыкі міжкультурных камунікацый, тэрміны *безэквівалентны фразеалагізм*, *лакунарная фразеалагічная адзінка*, *лакунарны фразеалагічны зварот* і *лакунарны фразеалагізм* ужываюцца як сінонімы. У нашым даследаванні будзем выкарыстоўваць пераважна тэрмін *безэквівалентны фразеалагізм*. Характарыстыка паняцця фразеалагічнай безэквівалентнасці мае вялікае значэнне для выяўлення нацыянальнай сістэмы светапогляду.

Праблемам нацыянальна-культурнай спецыфікі фразеалогіі прысвечана шмат навуковых даследаванняў. Гэтым займаліся А. Ф. Арсенцьева, Л. Д. Белавусава, Л. К. Байрамава, Я. М. Верашчагін, Д. А. Дабравольскі, В. Р. Кастамараў, А. Д. Райхштэйн, В. М. Тэлія і многія іншыя. Сярод беларускіх лінгвістаў можна вылучыць такіх даследчыкаў, як А. А. Аксамітаў, В. А. Арцёмава, А. С. Буцько, М. А. Даніловіч, В. А. Жылінская, Н. В. Івашына, А. В. Казакова, В. І. Коваль, І. Я. Лепешаў, Л. В. Леванцэвіч, В. М. Маслава, Н. Б. Мячкоўская, А. С. Садоўская, І. К. Цівунчык, Ф. М. Янкоўскі і інш.

Як адзначае В. М. Тэлія, сувязь мовы і культуры рэалізуецца праз культурную канатацыю: «Калі фразеалагізм валодае культурна-нацыянальнай спецыфікай, то яна павінна, на нашу думку, мець свой сродак увасаблення ў яго знакавую арганізацыю і свой спосаб указання на гэтую спецыфіку. Такім сродкам увасаблення культурна-нацыянальнай спецыфікі фразеалагізмаў служыць вобразная аснова (у тым ліку і ўключаючы ў сябе культурна маркіраваныя рэаліі), а спосабам указання на гэтую спецыфіку з’яўляецца інтэрпрэтацыя вобразнай асновы ў знакавай культурна-нацыянальнай “прасторы” дадзенага моўнага згуртавання. Такого роду інтэрпрэтацыя і складае змест культурна-нацыянальнай канатацыі» [1, с. 215].

Даследчыца вылучае наступныя тыпы нацыянальна-маркіраваных адзінак у намінацыйным складзе мовы: 1) адзінкі, у якіх культурна важная інфармацыя адлюстроўваецца ў дэнацыйным аспекце значэння (фразеалагізмы, якія абазначаюць рэаліі сацыяльнай, духоўнай і матэрыяльнай культуры); 2) адзінкі, у якіх культурна важная інфармацыя знайшла сваё ўвасабленне ў канататыйным аспекце значэння (вобразна-матыываванай канатацыі фразеалагічнай адзінкі) [1].

Як адзначае В. А. Маслава, «фразеалагічныя адзінкі, адлюстроўваючы ў сваёй семантыцы доўгі працэс развіцця культуры народа, фіксуюць і перадаюць з пакалення ў пакаленне культурныя ўстаноўкі і стэрэатыпы, эталоны і архетыпы» [2, с. 197]. Даследчыца лічыць неабходным аналізаваць моўныя факты не толькі з пункту гледжання носьбіта мовы, але і з пункту гледжання знешняга назіральніка, вывучаючы і аналізуючы ўніверсальныя тэрміны культуры з тэкстаў розных часоў. І менавіта фразеалагічную адзінку яна разглядае як тэкст, які захоўвае культурную інфармацыю: «Фразеа-

лагічны кампанент мовы не толькі перадае элементы і рысы культурна-нацыянальнага светаразумеання, але і фарміруе іх. І кожны фразеалагізм, калі ён змяшчае культурную канатацыю, уносіць свой уклад у агульную мазаічную карціну нацыянальнай культуры» [3, с. 87].

Лінгвіст А. Ф. Арсенцьева разглядае тры ўзроўні, на якіх можа праяўляцца нацыянальна-культурная спецыфіка фразеалагічных адзінак: 1) у агульным значэнні фразеалагізма (безэквівалентныя або лакунарныя фразеалагізмы); 2) у значэнні асобных лексічных кампанентаў (калі фразеалагізм змяшчае ў сваім кампанентным складзе абазначэнне нацыянальна-культурнай рэаліі); 3) у прамым значэнні, якое было вобразна пераасэнсавана (г. зн. у прататыпах) [4]. Трэба адзначыць, што, аналізуючы фразеалагічныя адзінкі англійскай і рускай моў, А. Ф. Арсенцьева падкрэслівае і тое, што не трэба перабольшваць ролю нацыянальна-культурнага кампанента ў фразеалагічнай карціне свету, паколькі «ў фразеаскладзе ... моў існуе значная колькасць інтэрнацыяналізмаў, а таксама фразеалагізмаў, якія звязаны з агульначалавечымі ведамі аб уласцівасцях рэальнага свету» [5, с. 67].

Разгледзім прыклады безэквівалентных фразеалагічных адзінак фразеасемантычнага поля «Здароўе» ў беларускай і нямецкай мовах.

Сярод 1523 беларускіх і 1051 нямецкіх фразеалагізмаў, якія характарызуюць здароўе чалавека, былі выяўлены 48 беларускіх і 37 нямецкіх безэквівалентных адзінак, якія не маюць фразеалагічных адпаведнікаў у супастаўленых мовах.

Міжмоўная беларуска-нямецкая безэквівалентнасць з'яўляецца вынікам несупадзення нацыянальна-культурных асаблівасцей, гістарычнага вопыту і бытавых рэалій абодвух народаў. Так, да безэквівалентных адзінак мы аднеслі: а) фразеалагізмы, якія характарызуюцца наяўнасцю лексем-рэалій жыцця, што прысутнічаюць у адной мове і адсутнічаюць у другой (напрыклад, як *абязмен (бязмен)* – 'вельмі (неразумны, бесталковы, дурны)' (СДФГ). Адзначым, што *абязмен (бязмен)* уяўляе сабой рэалію – канкрэтны тып ручных вагаў. Нягледзечы на тое, што вагі існуюць усюды, сам тып *бязмен* мае нацыянальна-спецыфічную назву і можа быць не вядомы носьбітам іншых моў без тлумачэння. Удакладнім, што наяўнасць культурна-маркіраванай лексемы ў складзе фразеалагізма не з'яўляецца дастатковай падставай для аднясення адзінкі да безэквівалентных. Вырашальным фактарам выступае адсутнасць у мове перакладу фразеалагічнага адпаведніка (эквівалента або семантычнага аналага). Калі такі адпаведнік існуе, адзінка не лічыцца безэквівалентнай нават пры наяўнасці культурна-маркіраванай лексемы; б) фразеалагізмы, у якіх абыгрываюцца ўласныя імёны. Напрыклад, нямецкі фразеалагізм *erschossen sein wie Robert Blum* (літар. быць расстраляным, як Роберт Блум) – 'вельмі стаміцца, быць зняможаным' (Д) заснаваны на рэальнай гістарычнай падзеі: у 1848 годзе быў расстраляны нямецкі палітык Роберт Блум, што выклікала шырокі рэзананс у Германіі. Гэтая гістарычная алузія незразумелая без адпаведнага культурнага

кантэксту. У беларускай мове адсутнічае фразеалагізм, які перадаваў бы значэнне моцнай стомленасці праз вобраз растрэлу або адсыл на канкрэтную гістарычную асобу. Адсутнасць такога семантычнага адпаведніка дазваляе кваліфікаваць дадзены фразеалагізм як безэквівалентны; в) фразеалагізмы, у якіх выкарыстоўваюцца стылістычныя прыёмы для гумарыстычнага эфекту, што немагчыма перадаць аналагічнымі сродкамі ў адной з супастаўленых моў (напрыклад, *руб дваццаць* – ‘кульгавы чалавек’ (СДФГ)). Паходжанне выразу звязана з графічным падабенствам лічбы «20» да чалавека, які кульгае. Гумарыстычны эфект дасягаецца праз нечаканую змену фізічнага недахопу на лічбавае абазначэнне. У нямецкай мове такія лічбавыя вобразы поўнаасцю адсутнічаюць, таму пры перакладзе гэтай адзінкі даводзіцца звяртацца да нейтральных варыянтаў, якія цалкам страчваюць гумарыстычную афарбоўку; г) фразеалагізмы, якія не маюць семантычных адпаведнікаў у мове супастаўлення. Так, беларускі фразеалагізм *на літару хварэць* – ‘мець паталагічныя адхіленні ў вымаўленні асобных гукаў мовы, слоў’ (СДФГ) не мае адпаведнікаў у мове супастаўлення. У нямецкай мове няма аднаго абагульняючага паняцця для дэфекту вымаўлення любога гукі. Там патрабуецца канкрэтызацыя: *lispern* ‘шапялявіць’, *stottern* ‘заікацца’ (не пра гукі-літары), *nuscheln* ‘невывразна гаварыць’ (не пра канкрэтны гук-літару). Гэта значыць, што беларуская мова фіксуе сітуацыю абагульнення, а нямецкая – дэталізацыя.

Фразеалогія ў адрозненне ад лексікі выбіральных у сваім развіцці: «У сферу фразеалагічнай намінацыі трапляюць у першую чаргу агульначалавечыя рэаліі, вядомыя і актуальныя ў паўсядзённым жыцці. Яны складаюць прадметна-паняццевую аснову агульнанацыянальнай і інтэрнацыянальнай фразеалогіі» [6, с. 117]. Вакол гэтых рэалій і фарміруюцца фразеалагічныя адзінкі.

Адсутнасць абазначэння адпаведных паняццяў у фразеалогіі беларускай ці нямецкай моў можна растлумачыць тым, што адной з моў яшчэ не асвоены шэраг аб’ектаў рэчаіснасці, моўны ўжыв не стварыў такога роду фразеалагізмаў, не адбылося і запазычвання з іншых моў [Там жа, с. 116–117].

Безэквівалентнасць – гэта з’ява ўніверсальная, і прычыны яе не ў недастатковасці адной мовы або празмернасці другой у спосабах апісання навакольнага свету, а ў спецыфіцы перадачы вопыту пазнання. Напрыклад, пры наяўнасці ў супастаўленых мовах эквівалентных лексічных адзінак, могуць быць і безэквівалентныя, калі ў адной мове створаны фразеалагізм, а другая мова яго не мае. Інакш кажучы, прадстаўнікам двух народаў можа быць знаёма інфармацыя аб прадмеце, зразумелы канкрэтныя жыццёвыя сітуацыі, звязаныя з ім, вядома практыка яго ўжывання, але вобразная інтэрпрэтацыя яго ўласцівасцей становіцца базай для ўтварэння фразеалагізма ў мове толькі аднаго народа.

Адзначым, што з’ява безэквівалентнасці можа назірацца на ўзроўні канкрэтнага фразеалагізма, які існуе ў адной мове і адсутнічае або не мае

аналага ў супастаўленай, а таксама на ўзроўні цэлай групы або падгрупы, калі такія адпаведныя падраздзяленні адсутнічаюць у адной з супастаўленых моў.

Нацыянальна-культурная спецыфіка нямецкай фразеалагічнай адзінкі *über die große Zehe gehen* (літар. хадзіць цераз вялікі палец нагі) – ‘хадзіць наскамі ўсярэдзіну’ (Б) праяўляецца ў значэнні аднаго лексічнага кампанента *die Zehe*. Адзначым, што ў нямецкай мове пальцы на руках і нагах чалавека называюцца па-рознаму: *der Finger* (палец рукі) і *die Zehe* (палец нагі). У беларускай мове такія паняцці не дыферэнцуюцца.

Больш прыкметны характар безэквівалентнасць набывае ў тым выпадку, калі ў адной з супастаўленых моў адсутнічаюць цэлыя фразеасемантычныя групы або падгрупы. Так, безэквівалентнымі да беларускай мовы з’яўляюцца нямецкія адзінкі фразеасемантычнай групы «мець добры слых»: *Ohren wie ein Luchs haben* (літар. мець вушы, як у рысі) (М), *gute (feine, scharfe, leise) Ohren haben* (літар. мець добрыя (тонкія, вострыя, ціхія) вушы (слых)) (Б), *das Gras wachsen hören* (літар. чуць, як расце трава) – ‘мець добры слых’ (Б) і фразеасемантычнай групы «мець добры зрок»: *j-d hat Argusaugen* (літар. хто-н. мае вочы Аргуса) (М), *j-d hat Augen wie ein Luchs* (літар. хто-н. мае вочы, як у рысі) (М), *scharfe Augen haben* (літар. мець вострыя вочы) – ‘мець вельмі добры зрок’ (Б).

Адсутнасць адкрытага дыялогу аб сексе і венерычных захворваннях у гады савецкай улады была часткай дзяржаўнай палітыкі, накіраванай на падтрыманне пэўнага маральнага аблічча грамадства і ўтойванне сацыяльных праблем. Існавала жорсткая цензура, якая забараняла публікацыю інфармацыі па розных няёмкіх тэмах. Прызнанне наяўнасці распаўсюджвання венерычных захворванняў азначала б прызнанне прысутнасці бязладных палавых сувязей, што ішло ўразрэз з афіцыйным тэзісам аб тым, што ў сацыялістычным грамадстве такія сацыяльныя праблемы вынішчаны. Так, безэквівалентнымі да беларускіх з’яўляюцца нямецкія адзінкі фразеасемантычнай падгрупы «заразіцца»: *sich (D) etw. auf den Balg holen* (літар. палажыць што-н. сабе на шкуру) – ‘заразіцца (якой-н. хваробай)’ (Б-2); *eine Krankheit davon tragen* (літар. цягнуць хваробу з сабою) – ‘заразіцца хваробай’ (Б-2); *sich (D) die Gießkanne verbiegen / verbeulen* (літар. сагнуць / памяць сабе лейку) – ‘(у адносінах да мужчыны) заразіцца ганарэяй’ (Д); *sich (D) das Rohr verbiegen* (літар. сагнуць сабе трубку) – ‘(у адносінах да мужчыны) заразіцца венерычнай хваробай’ (Д).

Не маюць адпаведнікаў у нямецкай мове фразеалагічныя адзінкі беларускай мовы фразеасемантычнай групы «часовыя парушэнні ў рабоце органаў або сістэм»: *гарэць агнём* – ‘тэмпературыць’ (СФ), *кроў іграе (зайграла)* у каго – ‘хто-н. тэмпературыць, мае павышаную тэмпературу’ (ЗНФ), *агнём гарэць (палаць)* – ‘быць у гарачцы, з высокаю тэмператураю’ (БФ), *як (што) чыгун (цыгун)* – ‘надта (гарачы)’ (Юрч.-З). Гэтыя беларускія фразеалагізмы можна перадаць на нямецкую мову, як *hohes Fieber haben*

(літар. мець гарачку), *vor Fieber glühten* (літар. жарыцца ад гарачкі) або *vor Fieber brennen* (літар. гарэць ад гарачкі). Адзначым, што прыведзеныя выразы не з'яўляюцца традыцыйнымі фразеалагізмамі, зафіксаванымі ў слоўніках нямецкай мовы. Яны ўяўляюць сабой свабоднае, але цалкам натуральнае і зразумелае спалучэнне слоў.

Нягледзячы на ўнікальнасць безэквівалентных фразеалагізмаў, іх змест можа і павінен быць адэкватна перададзены пры перакладзе на іншую мову. Спосабы такой перадачы вядомы, і яны шырока ўжываюцца як у шматмоўных фразеалагічных слоўніках, так і пры перакладзе тэкстаў, асабліва мастацкіх, у якіх фразеалогія выступае адным са сродкаў мастацкай выразнасці. Для перадачы сэнсу безэквівалентных фразеалагізмаў выкарыстоўваюцца розныя спосабы перакладу. Папярэдне адзначым, у сувязі з абмежаванай лексікаграфічнай базай нямецка-беларускіх і беларуска-нямецкіх фразеалагічных адпаведнікаў [7; 8], у якасці дапаможнага інструмента верыфікацыі перакладу былі выкарыстаны аўтарытэтныя нямецка-рускія і руска-нямецкія слоўнікі [9; 10; 11; 12]. Адбор нямецкамоўных эквівалентаў ажыццяўляўся выбарачна: у даследаванні ўключаліся толькі тыя адзінкі, семантыка якіх поўнасьцю ідэнтычная значэнню беларускага фразеалагізма, што гарантавала метадалагічную карэктнасць супастаўлення.

1. Лексічны пераклад – пераклад фразеалагічнай адзінкі з адной мовы на другую з дапамогай моналексемы (часцей дзеяслоў або назоўнік). Хаця гэты спосаб дазваляе больш каратка і адэкватна перадаць сэнс адзінкі, але ў той самы час пры перакладзе фразеалагізм губляе адну са сваіх якасцей – падзельнааформленасць, паколькі кампанентная структура замяшчаецца моналексмай, што прыводзіць да страты вобразнасці і зніжэння эмацыянальна-экспрэсіўнай афарбоўкі. Гэты спосаб выкарыстаецца пры перадачы 17,6 % безэквівалентных адзінак (табл. 1). Прыклады падаюцца ў табл. 2.

2. Калькаванне – пакампанентны, даслоўны пераклад з улікам норм мовы-рэцэптара. Ужываецца ў тым выпадку, калі неабходна перадаць вобразную аснову зыходнага фразеалагізма. Гэты спосаб дазваляе захаваць не толькі семантычнае значэнне, кампанентны склад, але і экспрэсіўна-эмацыянальную афарбоўку і нацыянальна-культурную спецыфіку фразеалагічнай адзінкі. Як слушна заўважае даследчыца Р. А. Сафіна, «ужыванне дадзенага спосабу перакладу патрабуе не толькі захавання граматычных норм мовы-рэцэптара, але і пэўнай асцярожнасці ў перадачы вобразнага кампанента – для таго каб быць правільна вытлумачаным, фразеалагізм-калька павінен мець “празрысты” вобраз, хоць ён можа здавацца і не зусім звыклым» [9, с. 251].

Пры аналізе адзінак фразеасемантычнага поля «Здароўе» выяўлены наступныя фразеалагізмы, якія трапілі ў беларускую мову з нямецкай у выніку калькавання: *адамаў яблык* (*der Adamsapfel*), *браць (узяць) сябе ў рукі* (*sich in der Hand haben*) [10]. Наяўнасць невялікай колькасці такіх фразеалагізмаў можна растлумачыць тым, што ў беларускай і нямецкай

лінгвакультурах звычайна ўжываюць розныя вобразы для характарыстыкі стану здароўя чалавека, а спосаб калькавання патрабуе абавязковага супадзення характарыстык пры ўспрыманні якога-небудзь вобраза носьбітамі розных моў. Адзначым, што часта пры выкарыстанні дадзенага спосаба слоўнікавая дэфініцыя можа суправаджацца апісальным перакладам або этымалагічнай даведкай для поўнага разумення адзінкі.

З дапамогай калькавання ў беларускую мову трапілі такія фразеалагічныя адзінкі: з лацінскай – *<адна> скура ды косці* (ossa ac pellis totus est), з французскай (недакладная калька) – *антонаў агонь* (feu Sant-Antoine), *як рукой зняло* (pter le mal comme avec la main), *жывы труп* (cadavre vivant), *прыходзіць у сябе* (revenir a soi), з англійскай – *другое дыханне* (second breath), *пясок сыплецца* (the sand are running out) і інш. [10]. 8,3 % безэквівалентных адзінак перадаюцца калькаваннем (гл. табл. 1 і 2).

3. Апісальны пераклад (дэскрыптыўны) – перадача зыходнай фразеалагічнай адзінкі ў мове-рэцыпіенце разгорнутым словазлучэннем або сказам, з дапамогай якіх можна раскрыць сігніфікатыўна-дэнататыўнае значэнне, а дакладней, апісаць сэнс адзінкі. Перавага гэтага спосабу ў тым, што пры перакладзе свабоднымі канструкцыямі дастаткова поўна перадаецца семны набор фразеалагізма. Але апісанне саступае арыгіналу, паколькі ў гэтым выпадку непазбежна страчваецца канататыўны аспект фразеалагізма, яго вобразнасць і экспрэсіўнасць. Да такога спосабу звяртаюцца тады, калі немагчыма выкарыстаць ні адзін з іншых спосабаў. На аснове аналізу лексікаграфічных крыніц значэнне 49,4 % безэквівалентных адзінак перадаюцца апісальна (табл. 1 і 2).

4. Камбінаваны пераклад – пераклад зыходнай фразеалагічнай адзінкі з дапамогай двух ці болей перакладчыцкіх прыёмаў перадачы з мовы-крыніцы на мову-рэцэптар. Камбінаваны спосаб можа аб'ядноўваць некалькі магчымых варыянтаў перакладу, напрыклад, калькаванне і апісальны, лексічны і апісальны пераклад. 24,7 % адзінак фразеасемантычнага поля «Здароўе», якія не маюць эквівалента ці аналага, перадаюцца з дапамогай камбінаванага спосабу перакладу (табл. 1 і 2).

Табліца 1

Колькасныя паказчыкі выкарыстаных спосабаў перакладу

Спосабы перакладу	Колькасны паказчык	Працэнтны паказчык
Лексічны	15	17,6 %
Калькаванне	7	8,3 %
Апісальны	42	49,4 %
Камбінаваны	21	24,7 %
Усяго	85	100 %

Табліца 2

Способы перевода безэквивалентных фразеологизмов

Зыходная адзінка	Літаральны пераклад	Перакладны адпаведнік	Способ перакладу
<i>sich (D) den Magen verderben</i> (Д)	‘сапсаваць сабе страўнік’	‘атруціцца (недабраякаснай ежай)’	лексічны
<i>sich (D) einen Schnupfen holen</i> (Д)	‘дастаць сабе насмарк’	‘прастудзіцца’	лексічны
<i>weißer Fluß</i> (Б-2)	‘белы паток / цячэнне’	‘белі’	лексічны
<i>wandelnde Schlaf-tablette</i> (Д)	‘хадзячае снатворнае’	‘чалавек пад дзеяннем снатворнага’	апісальны
<i>j-m liegt das Wetter in den Gliedern</i> (Б-2);	‘у каго-н. вецер ляжыць у канечнасцях’	‘у каго-н. суставы баляць (або) ныюць пры дрэнным надвор’і’	апісальны
<i>die Fische füttern</i> (М)	‘карміць рыб’	‘пакутваць ад марской хваробы’	апісальны
<i>Selbstmord mit Messer und Gabel</i> (Б-2);	‘самагубства нажом і відэльцэм’	‘паступова забіваць сябе няправільным харчаваннем або празмерным харчаваннем’	апісальны
<i>jmdm. auf den Magen schlagen</i>	‘біць па страўніку’	‘уплываць (уздзеінічаць) так, што ў каго-н. з’яўляюцца праблемы са страўнікам’	апісальны
<i>fliegende Hitze</i>	‘прылятаючы жар’	‘прылівы, раптоўнае пачуццё цяпла ў цэле ў час клімаксу’	камбінаваны (лексічны + апісанне)

Такім чынам, праведзены аналіз безэквівалентных фразеалагізмаў у межах фразеасемантычнага поля «Здароўе» на матэрыяле беларускай і нямецкай моў дазваляе вызначыць, што асноўнымі фактарамі ўзнікнення міжмоўнай безэквівалентнасці выступае аб’ектывацыя фразеалагічнымі адзінкамі этнаспецыфічных паняццяў, рэалій, тыповых сітуацый і якасцей, якія фарміруюцца пад уплывам спецыфікі сацыякультурнага развіцця адпаведных лінгвасупольнасцей, прыродна-кліматычных умоў пражывання, нацыянальных традыцый, ментальных стэрэатыпаў і псіхалагічных асаблівасцей носбітаў моў. Найбольш прадуктыўнымі спосабамі перадачы безэквівалентнай фразеалагічнай лексікі выступаюць апісальны (49,4 %) і камбінаваны (24,7 %) тыпы перакладу, што сведчыць аб перавазе экспліцытных сродкаў перадачы семантыкі над імкненнем да фармальнай эквівалентнасці.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Телия, В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
2. *Маслова, В. А.* Введение в лингвокультурологию : учеб. пособие / В. А. Маслова. – М.: Наследие, 1997. – 207 с.
3. *Маслова, В. А.* Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М.: Издат. центр «Академия», 2001. – 208 с.
4. *Арсентьева, Е. Ф.* Сопоставительный анализ ФЕ (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках) / Е. Ф. Арсентьева. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1989. – 123 с.
5. *Арсентьева, Е. Ф.* Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте / Е. Ф. Арсентьева. – Казань : Казан. гос. ун-т, 2006. – 172 с.
6. *Даніловіч, М. А.* Беларуская дыялектная фразеалогія і яе лексічная аснова / М. А. Даніловіч. – Гродна : ГрДУ, 2003. – 272 с.
7. *Кур'янка, М. І.* Нямецка-беларускі слоўнік = Deutsch-belarussisches Wörterbuch : больш за 50 000 словаў / М. І. Кур'янка. – Мінск : Зміцер Колас, 2006. – 976 с.
8. Беларуская-нямецкі слоўнік = Belarussisch-Deutsches Wörterbuch : больш за 70 тысяч слоў і выказаў / пад рэд. Мікалая Кур'янка, Лявона Баршчэўскага і Томаса Вайлера. – Мінск : Зміцер Колас, 2010. – 608 с.
9. *Сафина, Р. А.* Лакунарные фразеологические единицы и способы их перевода (на материале немецкого и русского языков) / Р. А. Сафина // Альманах современной науки и образования. Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии. В 3 ч. – Тамбов : Изд-во «Грамота», 2007. – Ч. 2: межвуз. сборник научных трудов. – С. 251.
10. *Лепешаў, І. Я.* Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2004. – 443 с.
11. *Paffen, K. A.* Deutsch-russisches Satzlexikon = Немецко-русский фразеологический словарь : über 10 000 Stichwörter mit über 43000 Sätzen : в 3 томах / К. А. Paffen; Herausgegeben von Christa Fleckenstein. – Leipzig : VEB Verlag Enzyklopadie, 1970. – Т. 1. – 464 с.; Т. 2. – 467 с.; Т. 3. – 535 с.
12. *Шекасюк, Б. П.* Новый немецко-русский фразеологический словарь / Б. П. Шекасюк. – Изд. стереотип. – М.: Кн. дом «Либроком», 2019. – 864 с.

КРЫНІЦЫ ПРЫКЛАДАЎ

1. БФ – *Янкоўскі, Ф.* Беларуская фразеалогія : фразеалагізмы, іх значэнне, ужыванне / Ф. Янкоўскі. – Мінск : Выш. школа, 1968. – 448 с.

2. СФ – *Лепешаў, І. Я.* Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭН ім. П. Броўкі, 2008. – Т. 1. – 627 с.; Т. 2. – 704 с.
3. СДФГ – *Даніловіч, М. А.* Слоўнік дыялектнай фразеалогіі Гродзеншчыны / М. А. Даніловіч. – Гродна : ГрДУ, 2000. – 276 с.
4. ЗНФ – *Лепешаў І. Я.* З народнай фразеалогіі : дыферэнц. слоўнік / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Выш. школа, 1991. – 110 с.
5. Юрч.-З – *Юрчанка, Г. Ф.* Слова за слова : устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшыны / Г. Ф. Юрчанка ; пад рэд. А. А. Крывіцкага. – Мінск : Навука і тэхніка, 1977. – 271 с.
6. Б – *Бинович, Л. Э.* Немецко-русский фразеологический словарь / Л. Э. Бинович, Н. Н. Гришин. – М. : Рус. яз., 1975. – 656 с.
7. Б-2 – *Бинович, Л. Э.* Немецко-русский фразеологический словарь / Л. Э. Бинович. – М. : Изд-во «Аквариум», 1995. – 768 с.
8. Д – *Duden.* Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Wörterbuch der deutschen Idiomatik, bearb. von Drosdowski G. u.a., Mannheim [u.a.]: Dudenverl, 2008. – 864 S.
9. М – *Мілач, С. В.* Слоўнік фразеалагізмаў з кампанентамі-заонімамі (на матэрыяле беларускай і нямецкай моў) / аўт.-склад. С. В. Мілач ; Брэсцкі дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна. – Брэст : БрДУ, 2010. – 256 с.

Паступіла ў рэдакцыю 11.12.2025

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.111'276.6'42

Казими́рова Ольга Влади́мировна

кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры
германской филологии
Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова
г. Витебск, Беларусь

Volha Kazimirava

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Germanic Philology
Vitebsk State University
named after P. M. Masherov
Vitebsk, Belarus
okazimirova@mail.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИМПЛИЦИТНОГО СМЫСЛА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАТЕКСТЕ

Статья посвящена выявлению лингвистических средств выражения категории имплицитности в англоязычном медиатексте. Установлено, что имплицитность реализуется через многоуровневые языковые средства, среди которых приоритетное значение имеют лексико-стилистические маркеры (образные средства языка, эмоционально-оценочная лексика, полисемантические слова). Проведенный анализ свидетельствует о высоком когнитивно-прагматическом потенциале лингвистических средств имплицитности, актуализирующих контекстуально обусловленные дополнительные смыслы и способствующих формированию преферентно-оценочного фона высказывания.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *имплицитность; медийный дискурс; медиатекст; языковые средства; адресант; адресат.*

LINGUISTIC MECHANISMS OF IMPLICIT MEANING REPRESENTATION IN THE ENGLISH-LANGUAGE MEDIA TEXT

The article focuses on identifying the linguistic means used to express the category of implicitness in English-language media texts. The findings indicate that implicitness is realized through multilevel linguistic means, among which lexico-stylistic markers (figurative language, emotionally evaluative vocabulary, polysemic lexical units) are of the utmost importance. The analysis demonstrates a high cognitive-pragmatic potential of linguistic means of implicitness, which actualize contextually conditioned additional meanings and contribute to the formation of a preferential-evaluative background of the utterance.

Key words: *implicitness; media discourse; media text; linguistic means; addresser; addressee.*

Вопросы, связанные с исследованием механизмов репрезентации и декодирования имплицитной информации, обусловленных асимметрией между планом выражения и планом содержания, в последние годы становятся предметом пристального внимания в связи с развитием коммуникативно-дискурсивной парадигмы. В частности, осознание того факта, что адресат извлекает из высказывания значительно больший объем информации, чем

формально выражено в языковой форме, послужило отправной точкой для активного изучения феномена имплицитности в лингвистических исследованиях (см. работы П. Грайса, Дж. Лайонза, Н. Г. Брагиной, Е. Г. Борисовой, В. В. Дементьева, А. В. Бондарко и др.).

Вышесказанное особенно актуально в сфере современного медийного дискурса, в рамках которого имплицитные средства выполняют функцию манипулятивного речевого воздействия на адресата и реализуют преферентно-оценочные стратегии дискурса. Будучи латентным смысловым фоном коммуникации, имплицитность проявляется в том, что при вербализации событий действительности отдельные элементы денотативной ситуации не получают прямого языкового выражения [1; 2; 3; 4]. При этом реципиенту отводится ключевая роль в декодировании скрытой информации и восстановлении необходимых смысловых звеньев.

Цель статьи заключается в выявлении лингвистических средств передачи имплицитной информации в англоязычных медиатекстах. Материалом исследования послужили 45 проблемных статей из цифровых англоязычных авторитетных журналов (“The New Yorker”, “Time”, “Newsweek”, “The Spectator”) за 2025–2026 гг., охватывающих широкий тематический спектр актуальных вопросов общественной жизни (экономики, медицины, образования, науки и др.). Анализ семантики языковых единиц и специфики их функционирования позволяет интерпретировать высказывания и инферировать содержащийся в них имплицитный смысл с опорой на контекст.

Научная новизна работы заключается в систематизации языковых средств реализации имплицитности на материале современных англоязычных медиатекстов 2025–2026 гг. Особое внимание уделено анализу лексико-стилистических маркеров как наиболее значимых средств репрезентации имплицитных смыслов и их роли в формировании оценочного содержания медиатекста. Полученные результаты способствуют уточнению представлений о механизмах порождения и интерпретации имплицитного смысла, а также об особенностях его языковой объективации в современной медиакommunikации.

Обращаясь к генезису теоретических подходов, отметим, что в лингвистике сформировался целый ряд концепций, интерпретирующих феномен имплицитности. Так, представители теории «скрытой грамматики» усматривают имплицитные значения в грамматических формах [1, с. 134]. В данном случае имплицитность трактуется как формальная невыраженность отдельных элементов глубинной структуры высказывания.

В рамках семантико-морфологического направления имплицитность понимается как отсутствие формального выражения грамматических и лексико-грамматических категорий [5]. Ряд исследователей связывает имплицитность с семантическим и лексическим уровнями языка [6; 7, с. 23].

Нередко имплицитность сопоставляется с понятием *пресуппозиции*. Под последней понимаются фоновые знания и условия, обеспечивающие осмыс-

ленность и коммуникативную состоятельность высказывания [8, р. 120]. Однако имплицитность не тождественна пресуппозиции: если имплицитность связана с намеренным или вынужденным непрямым выражением смысла, то пресуппозиция опирается на уже известные адресату знания о языке, мире и ситуации общения.

Имплицитность находится в тесной корреляции с *импликацией*, поскольку идентификация имплицитных смысловых приращений в узуальных словоупотреблениях опирается на импликационные механизмы ассоциативного соотнесения концептов [9, с. 248].

С позиций когнитивной лингвистики имплицитность соотносится с процессами инференции, посредством которых адресат восстанавливает скрытые значения на основе языковой компетенции, контекстуальных маркеров и знаний о мире [10, с. 147]. Без подобных выводных операций зачастую невозможно устранить семантическую и структурную неоднозначность текста [11, с. 34; 12 р. 596].

В рамках лингвистики текста имплицитность понимается как дополнительный смысл, возникающий из соотношения элементов дискурса и реализуемый в контексте изображаемой ситуации [13, с. 103–104]. В этом же ключе имплицитность рассматривается как проявление подтекста, формируемого на основе фоновых знаний и культурных представлений носителей языка [14, с. 38–39].

Таким образом, комплексный анализ феномена имплицитности позволил исследователям выявить совокупность его системообразующих признаков, включающих ситуативную детерминированность, вариативность выбора языковых средств в процессе речепорождения, модальную обусловленность, тенденцию к семантической компрессии, а также уровневую интеграцию [15, с. 25].

В настоящей работе имплицитность трактуется как *коммуникативно-модусная* категория, обеспечивающая косвенную передачу эмоционально-оценочной информации и реализующаяся посредством широкого спектра разноуровневых языковых средств. В то же время имплицитность рассматривается как ситуативно обусловленное речекоммуникативное явление, сопутствующее процессу порождения и восприятия речи. Ситуативная имплицитность предполагает учет прагматических факторов, а также имплицитных субъективно-модальных смыслов, актуализирующих эмоционально-оценочное отношение говорящего к объекту речи.

Как показывают результаты исследования (выявлено 137 языковых единиц репрезентации имплицитности), в англоязычных проблемных статьях наиболее востребованными маркерами реализации имплицитности являются **лексико-стилистические** средства (49,6 %). Так, доминирование лексических средств свидетельствует о ведущей роли коннотативного потенциала лексических выразительных средств (метафор, сравнений, эпитетов), эмоционально-оценочной окраски слов и их семантической неоднозначности.

В качестве примера проанализируем следующий фрагмент из медиатекста, посвященного обсуждению статуса высшего образования и социальной функции учебных заведений: *The hard truth is that higher education in the United States is **at a turning point**... For many Americans, universities appear more like **fortresses** than forums* (Time, 17.10.2025). Как показывает анализ, в рамках микротекста семантическая структура фразеологизма *at a turning point* (в значении ‘на переломном этапе’) содержит отрицательно-оценочную сему (‘a point at which a decisive change takes place; critical point; crisis’) [16], которая указывает на существующий внутренний диссонанс и кризис в современной системе образования. В этом контексте весьма интересен и тот факт, что лексема *fortress*, теряя положительную окраску (‘a place or source of refuge or support’) [17], приобретает значение недостижимости, недостижимости, имплицитно растущую дистанцию между университетами и внешним миром.

Рассмотрим еще один отрывок из медиатекста, в котором речь идет о влиянии современных игрушек с искусственным интеллектом на психологическое состояние детей: *Whether they arrive as disembodied voices, avatars on a screen, or irresistibly plush toys, these products represent **a fundamental break** from every toy that came before: they talk, listen, and respond in ways that feel startlingly human... And unbeknownst to them, today's parents – **like the citizens of Troy facing that famous wooden horse at the city's gates** – are at risk of welcoming **a would-be gift**... We still have time to look inside **the teddy bear at ours*** (Time, 19.12.2025). В данном случае говорящий, нивелируя прямую отрицательную оценку, прибегает к иронической характеристике современных интерактивных игрушек: лексема *gift* ‘подарок’ используется в переносном смысле и намекает на нечто сомнительное и негативное; пояснительный эпитет *would-be* ‘потенциальный’ усиливает ироническую модальность высказывания и имплицитно идею о том, что событие принесет нежелательный результат в будущем; лексема *teddy bear* ‘плюшевый мишка’, традиционно ассоциирующаяся с безобидностью, комфортом и безопасностью, в данном контексте подвергается ироническому переосмыслению. Контраст между привычным образом детской игрушки и обсуждаемыми технологическими новшествами актуализирует имплицитный смысл потенциальной опасности, скрываемой за внешней привлекательностью и кажущейся безобидностью модернизированных игрушек. Одновременно обращает на себя внимание устойчивое выражение *a fundamental break* ‘коренной перелом’, эксплицирующее отрицательную модальную оценку текущего положения дел – стремительный рост и внедрение интерактивных, высокотехнологичных игрушек на рынке. Примечательно также использование сравнения, основанного на обращении к прецедентному тексту *like the citizens of Troy facing that famous wooden horse*, значение которого интерпретируется как ‘нечто угрожающее или опасное, при этом хитро замаскированное под что-либо привлекательное’. Таким образом, прием сравнения

выступает средством репрезентации имплицитного авторского неодобрения – потенциальной опасности современных игрушек, маскируемой их внешней привлекательностью и кажущейся пользой.

Продemonстрируем еще один фрагмент из медиатекста, в котором сообщается о тенденции к тотальной роботизации в обществе. Автор полагает, что обслуживание робота (его создание, обучение, поддержка и т.д.) обходится гораздо дешевле для государства, чем содержание ребенка: ***Bots are becoming cheaper than babies*** (Newsweek, 12.12.2025). Здесь имплицитное «токсичное» сравнение (*bots – babies*) реализовано через контраст ценностей: человек противопоставляется роботу, где робот описывается как более экономически выгодный вариант. Это создает скрытую негативную оценку общества, в котором человеческая жизнь становится экономическим объектом, а не социальной ценностью: *if you can make labor cheap by making robots cheaper, the birthrate arithmetic changes quickly* (Newsweek, 12.12.2025).

Синтаксические средства передачи имплицитной информации составляют 29,9 % и представлены преимущественно безличными предложениями, вставными конструкциями и риторическими вопросами.

Так, превалирование безличных предложений (с конструкцией *it/there is*) обусловлено высокой степенью остроты поднимаемых в англоязычных статьях проблем, что позволяет автору минимизировать явную корреляцию содержания высказывания с собственной личностной позицией.

Иллюстрацией к сказанному служит фрагмент из проблемной статьи, в которой утверждается, что принципы разнообразия, равенства и инклюзивности являются основополагающими для качественной медицины: *Diversity, equity, and inclusion (DEI) isn't wasteful. It is necessary for good medicine... It is a matter of life and death* (Time, 18.11.2025). В этом случае посредством безличных оборотов *It is necessary for good medicine. It is a matter of life and death* адресант имплицитно транслирует установку, важную для него самого: убеждение в необходимости придерживаться и развивать обозначенные концепции в медицине. Конструкции с местоимением *it* в роли формального подлежащего выступают в качестве косвенных дискурсивных маркеров и акцентируют внимание адресата на значимости поднятой проблемы, от решения которой зависит дальнейшая жизнь пациентов.

В следующем фрагменте статьи говорится о том, что сегодня медицинские решения все чаще принимаются вне традиционной системы здравоохранения: под влиянием социальных сетей, альтернативных источников информации, телемедицины и искусственного интеллекта, тогда как врач оказывается лишь финальным «подтверждающим звеном»: *But, today, many groups – A.I. startups, wellness influencers, longevity entrepreneurs, МАНА acolytes – are vying for medical authority, often by chipping away at that of doctors* (The New Yorker, 30.12.2025). Так, автор использует вставную конструкцию *A.I. startups, wellness influencers, longevity entrepreneurs, МАНА acolytes*, оформленную в виде обособленного перечисления. Имплицитный

смысл формируется, прежде всего, за счет лексического противопоставления перечисленных субъектов традиционному институту врачебной экспертизы, тогда как синтаксическая организация высказывания акцентирует внимание на множественности альтернативных источников медицинского авторитета и усиливает эффект их конкуренции с традиционной медициной. В подобных реалиях альтернативная медицинская экспертиза превратится в один из конкурирующих источников знания на рынке здоровья: ... *A.I. will make sophisticated medical advice – **the kind that has been limited by the availability of skilled practitioners** – costless and commonplace over the next decade* (The New Yorker, 30.12.2025). Здесь вставное предложение *the kind that has been limited by the availability of skilled practitioners*, служащее инструментом передачи внутренней речи говорящего, приобретает имплицитную негативную оценку того, что до сих пор система здравоохранения недостаточно обеспечена высококвалифицированными медицинскими специалистами.

Еще одним продуктивным средством актуализации имплицитности в рамках синтаксических средств выступают риторические вопросы, смысловая неявность которых обусловлена отсутствием коммуникативной установки на получение ответа. Во-первых, отказ от необходимости ответной реплики позволяет адресанту в вопросной форме актуализировать собственные размышления, идеи и убеждения в дискурсивном пространстве медиатекста: *The speed at which agentic AI has spread throughout the workforce accelerated over the past year... The most pressing question for the era ahead: **what will happen to human workers?*** (Time, 03.01.2026). Во-вторых, отсутствие буквального ответа способствует объединению реципиентов, разделяющих с автором схожие ценностные установки: *The platform has become a core technology around the world, relied on by governments and extended families alike. **What are we all doing there?*** (The New Yorker, 20.01.2026). Здесь риторический вопрос служит средством актуализации ключевой проблемы, рассматриваемой в статье, – феномена глобального распространения мессенджера *WhatsApp*.

Следует отметить, что в медиадискурсе риторический вопрос, реализуя аттрактивную и экспрессивную функции, способствует концентрации внимания аудитории и усилению прагматического эффекта высказывания: *Headed for 'the worst of all worlds' is not where any of us would wish to find ourselves at the start of the new year. But that was the phrase used by the CBI economist Alpesh Paleja to sum up the predictions of member businesses... **Whence cometh such pessimism?*** (The Spectator, 05.05.2025). Приведенный выше отрывок иллюстрирует функционирование архаизированного риторического вопроса *Whence cometh such pessimism?* 'Ну откуда же, скажите на милость, берется этот пессимизм?', который, с одной стороны, манифестирует тонкую скрытую иронию, с другой – подталкивает читателя к анализу источников экономического пессимизма – высоких налогов, денежно-кредитной политики, нестабильности рынков, сокращения расходов и др. Говоря-

щий с помощью архаизированной формы создает эмоционально напряженную атмосферу, характеризующуюся пессимистическими ожиданиями и отсутствием веры в улучшение экономической конъюнктуры в будущем.

Нередко при помощи риторического вопроса адресант транслирует побуждение к действию, которое оказывается ненавязчивым, имплицитным: ***Why we must pull the plug on superintelligence?*** (The Spectator, 05.10.2025). ***Is it possible to stay within the rhythm of one's own life, and somehow find it novel again?*** (Time, 13.01.2026); репрезентирует субъективно-оценочную интерпретацию конкретного явления: ***What happens when AI surpasses humans?*** (The Spectator, 14.11.2025); усиливает эмоциональный тон высказывания, имплицитно утверждая или отрицая: ***Could 2025 be a good year for UK equities – or don't you care...?*** (The Spectator, 28.01.2025). ***What happens when a bad-tempered, distractible doofus runs an empire?*** (The New Yorker, 19.01.2026).

И, наконец, обратимся к **морфологическим** средствам, демонстрирующим наименьшую частотность (20,5 %), что указывает на их вспомогательный характер в экспликации имплицитности. По нашим наблюдениям, имплицитность на уровне морфологии выражается, главным образом, через стилистические приемы использования местоимений, прилагательных и наречий, категории времени, а также категориальные значения наклонения и модальности.

Несмотря на ограниченность морфологических форм, зафиксированы характерные случаи реализации имплицитности посредством личных местоимений *you, we* в обобщенном значении и их производных (*your, our, us*). Так, в следующем фрагменте из медиатекста утверждается, что ведущие медицинские университеты США по-прежнему осуществляют отбор с учетом расовой принадлежности, что, по мнению автора, препятствует развитию равных стартовых возможностей для кандидатов и сохранению единых профессиональных требований: ***Being a good doctor doesn't come from your race. It comes from your training, your knowledge and your ability to empathize... And the patient... cares far more about whether you know what you're doing than what box you checked on your admissions application*** (The Spectator, 21.07.2025). Адресант посредством *you/your* апеллирует к общечеловеческому опыту, профессионализму как универсальной ценности, невзначай приглашая реципиента к сопереживанию и эмоциональному отклику. В следующем предложении ***We should not be afraid to say what common sense tells us*** (The Spectator, 21.07.2025) личное местоимение *we* и его производное *us* выполняют функцию переноса авторских рассуждений на потенциального адресата, при этом обобщенное *we* интерпретируется как коллективное «каждый разумный человек».

Установлено, что в проблемных медиатекстах усиление имплицитно-смыслового потенциала высказывания достигается за счет активного использования усилительных наречий, выражающих высокую степень интенсивности признака (*terribly, awfully, fearfully, absurdly, too* и др.).

Подтверждением вышеуказанного положения служат следующие примеры: *They know that it is next to impossible to buy a house in this economy, and that AI is **dreadfully** impacting the job market...* (Time, 29.11.2025). *The animals have room... – a big improvement over the tiny wire boxes in which they would have been forced to live their entire lives in the past. But they still don't appear **terribly** happy* (Time, 11.11.2025). *One side displays computer re-creations of the accident, showing how **terribly** fragile life can be* (Time, 29.11.2025). Усилительные наречия не только интенсифицируют эмоционально-оценочный компонент высказывания, но и актуализируют дополнительные смысловые импликации. Так, наречие *dreadfully*, усиливая отрицательную оценку воздействия искусственного интеллекта на рынок труда, способствует актуализации дополнительных смыслов, связанных с возможными социальными и экономическими последствиями технологических изменений. В свою очередь, наречие *terribly*, интенсифицируя семантику лексем *happy* и *fragile*, повышает их коммуникативную значимость и способствует инференции дополнительных смыслов, связанных с неудовлетворительным положением животных и уязвимостью человеческой жизни. Тем самым рассматриваемые интенсификаторы усиливают прагматический потенциал высказывания и способствуют актуализации дополнительных смыслов, выходящих за пределы их непосредственного лексического значения.

Рассмотрим еще один отрывок, в котором говорящий с помощью наречия *too* избегает эксплицитного выражения критической оценки: *New York is **too** fast. ... It is **too** slow. ... It is **too** empty. ... It is **too** full... Yet people continue to flock here* (The New Yorker, 05.05.2025). Здесь наречие *too*, обладающее усилительно-выделительной функцией, участвует в конструировании целостного оценочного поля города Нью-Йорк и имплицитно сигнализирует о противоречивой природе мегаполиса, заставляя читателя почувствовать дисбаланс городской жизни.

Анализ показывает, что значительным прагматическим потенциалом обладает функционирование различных временных форм в одном контексте. Так, противопоставление прошедшего и настоящего/будущего времен может указывать на трансформацию реальной ситуации или актуализировать причинно-временную корреляцию между текущими событиями и предшествующим опытом: *The old system **was** far from perfect, but a less demanding Progress 8 backed up by nebulous nonsense like 'civic engagement' and 'climate' **is not going** to help kids in places like Selston* (The Spectator, 07.11.2025). Так, имплицитный смысл высказывания формируется на основе противопоставления предшествующего и прогнозируемого состояния образовательной системы. При этом данное противопоставление получает языковое выражение посредством различных временных форм: прошедшего времени глагола *to be* и конструкции *to be going to*, обозначающей предполагаемое будущее. Использование указанных морфологических средств способствует актуализации сомнения в эффективности проводимой реформы и позволяет

имплицитно представить ожидаемые последствия изменений в образовательной политике как потенциально неблагоприятные для дальнейших образовательных возможностей и перспектив учащихся.

Особым прагматическим эффектом обладает неоднократное употребление говорящим длительных форм глагола. В следующем фрагменте из медиатекста, посвященном роли метана в изменении климата, высокая частотность продолженных глагольных форм настоящего времени *is contributing, is experiencing* используется для создания эмоциональной напряженности высказывания: *Scientists say methane **is contributing** to much of the extraordinary near-term warming the world **is experiencing**. The last two years were **the warmest** in recorded history and 2025 is on track to join the list as among **the hottest*** (Newsweek, 19.11.2025). Кроме того, наличие форм прилагательных в превосходной степени *the warmest, the hottest*, репрезентирующих уровень качества отрицательной оценки, косвенно фокусирует внимание реципиента на проблеме выбросов метана, которые представляют значительный риск для окружающей среды из-за их высокого потенциала в глобальном потеплении.

Исследовательский интерес вызывает использование категории наклонения в условных конструкциях, служащих средством актуализации прогнозируемых сценариев развития ситуации. В проблемных медиатекстах условные предложения первого типа употребляются для представления потенциальных последствий как вероятных и практически осуществимых. Благодаря этому автор получает возможность косвенно выразить оценку происходящих процессов и актуализировать дополнительные имплицитные смыслы, связанные с возможными результатами описываемых событий.

В следующем высказывании автор посредством условного предложения первого типа, оформленного глаголами в форме изъявительного наклонения, моделирует вероятный сценарий развития ситуации и тем самым косвенно ориентирует читателя на аналитическое осмысление проблемы неэффективности постепенных реформ: *If officers with a serious history of misconduct **continue to carry** a badge and gun, it **won't matter** how much piecemeal reform we try to enact* (Newsweek, 02.02.2025). Имплицитность в данном случае реализуется посредством системы пресуппозиций: офицеры, имеющие нарушения в послужном списке, продолжают выполнять служебные обязанности и представляют угрозу; реформы предпринимаются, но носят фрагментарный характер. Благодаря условной конструкции *If officers with a serious history of misconduct continue to carry a badge and gun, it won't matter how much piecemeal reform we try to enact* причинно-следственная связь между существующими недостатками системы и ограниченной эффективностью реформ представляется как вероятная и логически обоснованная, что позволяет автору косвенно выразить критическую оценку сложившейся ситуации без прямого призыва к конкретным действиям.

Заслуживают внимания случаи использования сослагательного наклонения, выступающего средством репрезентации гипотетических и альтерна-

тивных сценариев: *If MPs were paid more, Britain might attract a higher calibre of candidate – the sort typically found in the private sector – who, while more expensive, would ultimately deliver better results for the country* (The Spectator, 27.01.2026). Вышеприведенный фрагмент представляет собой условное предложение второго типа, оформленное с использованием форм сослагательного наклонения (*were paid, might attract, would deliver*), что придает ему гипотетический и ирреальный характер. Благодаря этому автор не утверждает наличие причинно-следственной связи между уровнем оплаты труда парламентариев и эффективностью государственного управления напрямую, а представляет ее в качестве вероятного сценария. Имплицитно при этом актуализируется представление о том, что существующая система материального стимулирования может ограничивать приток более квалифицированных специалистов в политическую сферу. Дополнительный прагматический эффект создается за счет эпистемической модальности, выраженной глаголом *might*, который снижает категоричность высказывания и побуждает адресата самостоятельно соотнести предлагаемый сценарий с возможными последствиями для качества государственного управления.

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что категория имплицитности предстает одной из наиболее сложных и разноаспектных текстовых категорий, определяющей особенности коммуникации в медиасреде. Имплицитность рассматривается как неотъемлемый компонент смыслового содержания медиатекста и предполагает скрытую репрезентацию значения языкового выражения, непосредственно соотносясь с высказыванием или текстом в целом. Проведенный анализ демонстрирует, что установленные лингвистические средства реализации имплицитности обладают значительным когнитивно-прагматическим потенциалом, выражая помимо своего основного значения множественные индивидуально и контекстно обусловленные дополнительные смыслы. Интегративная функция подобных дискурсивных единиц проявляется в их значимости в структурно-содержательной организации медиатекста, его сюжетного развертывания и формировании нарративных стратегий, раскрытии ключевой смысловой линии текста. С учетом вышеизложенного, извлечение имплицитной информации осуществляется через взаимодействие лингвистических и экстралингвистических факторов, интерпретацию эксплицитно выраженных коммуникативных элементов, что делает имплицитность одним из ключевых инструментов воздействия и постижения целостного смысла медиатекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Старикова, Е. Н.* Имплицитная предикативность в современном английском языке / Е. Н. Старикова. – К. : Вища школа, 1974. – 142 с.
2. *Bach, K.* Conversational implicature / K. Bach // *Mind and language* / ed. Basil Blackwell. – Vol. 9. – No. 2. – 1994. – P. 124–162.

3. *Bertolet, R.* Where do implications come from? / R. Bertolet // *Canad. journal of philosophy*. – 1983. – Vol. 13. – No. 2. – P. 181–191.
4. *Bird, G.* Explicature, implicature and implicature / G. Bird // *Pragmatik: implikaturen und sprechakte* / ed.: E. Rolf. – Opladen : Westdeutscher Verlag. – 1997. – P. 72–91.
5. *Whorf, B. L.* Language, thought, and reality: selected writings of Benjamin Lee Whorf / B. L. Whorf ; introduction by John B. Carroll ; foreword by Stephen C. Levinson. – 2nd ed. – Cambridge, MA : MIT Press, 2012. – 448 p.
6. *Никитин, М. В.* Лексическое значение слова / М. В. Никитин. – М. : Высшая школа, 1983. – 127 с.
7. *Бондарко, А. В.* Эксплицитность/имплицитность выражения смыслов в общей системе категоризации семантики / А. В. Бондарко // *Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность/имплицитность выражения смыслов: материалы междунар. науч. конф.* – Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. – С. 22–33.
8. *Fillmore, Ch. J.* Types of lexical information / Ch. J. Fillmore // *Studies in syntax and semantics* / ed.: F. Kiefer. – Dordrecht : Reidel. – 1969. – P. 109–137.
9. *Приходько, А. И.* Семантика и прагматика оценки в современном английском языке : монография / А. И. Приходько. – Запорожье : ЗГУ, 2004. – 321 с.
10. *Масленникова, А. А.* Скрытые смыслы и способы их актуализации / А. А. Масленникова // *Актуализация предложения*. – СПб : Изд-во С.-Петерб. ун-та. – 1997. – Т. 1 : Категории и механизмы / редкол.: А. В. Зеленщиков (отв. ред.). – С. 145–187.
11. *Краткий словарь когнитивных терминов* / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
12. *Kirkeby, O. F.* Cognitive science / O. F. Kirkeby // *The Encyclopedia of language and linguistics* / ed. R. E. Asher. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1994. – P. 593–600.
13. *Арнольд, И. В.* Стилистика современного английского языка / И. В. Арнольд. – М. : Просвещение, 1990. – 300 с.
14. *Долинин, К. А.* Имплицитное содержание высказывания / К. А. Долинин // *Вопросы языкознания*. – 1983. – № 6. – С. 37–47.
15. *Старикова, Е. Н.* Виды скрытого означивания в английском языке / Е. Н. Старикова // *Содержательные аспекты языковых единиц* / редкол.: Е. Н. Старикова (отв. ред.) [и др.]. – Киев : Вища школа, 1982. – С. 25–30.
16. *Collins Dictionary* : [electronic dictionary]. – Glasgow, 2025. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/turning-point> (date of access: 16.06.2026).
17. *Collins Dictionary* : [electronic dictionary]. – Glasgow, 2025. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/fortress> (date of access: 16.06.2026).

Поступила в редакцию 15.06.2026

УДК 811.111'373.611

Милько Сабина Геннадьевна
старший преподаватель кафедры
теории и практики перевода
Белорусский государственный
университет
г. Минск, Беларусь

Sabina Milko
Senior Lecturer of the Department
of Theory and Practice of Translation
Belarusian State University
Minsk, Belarus
milko.sabina@mail.ru

ФОРМАЛЬНЫЕ КРИТЕРИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ КОМПОЗИТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ГРАФИЧЕСКИЙ, МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ И СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Статья посвящена анализу формальных критериев идентификации композитов в современном английском языке. Проблема разграничения сложных слов и словосочетаний остается одной из наиболее дискуссионных в англистике, что связано с переходным характером многих конструкций и отсутствием универсального диагностического признака. Цель работы заключается в рассмотрении графического, морфологического и синтаксического критериев и определении их роли в установлении статуса композита. Показано, что графический критерий отражает степень графической фиксации сложного слова, однако отличается высокой вариативностью и не обладает достаточной надежностью. Морфологический критерий связан с особенностями грамматического оформления компонентов, а синтаксический – со структурной цельностью и непроницаемостью композита. Делается вывод о необходимости комплексного подхода к идентификации композитов, основанного на взаимодействии нескольких формальных признаков.

Ключевые слова: *комполит; словосложение; графический критерий; морфологический критерий; синтаксический критерий; идентификация композитов.*

FORMAL CRITERIA FOR IDENTIFYING ENGLISH COMPOUNDS: GRAPHIC, MORPHOLOGICAL, AND SYNTACTIC ASPECTS

The article examines formal criteria for identifying compounds in contemporary English. The distinction between compounds and word combinations remains one of the most debated issues in English linguistics due to the transitional nature of many constructions and the lack of a universal diagnostic feature. The aim of the study is to analyse graphic, morphological, and syntactic criteria and determine their role in identifying compound structures. The graphic criterion reflects the degree of graphic fixation of compounds but is characterized by considerable variation. The morphological criterion concerns the grammatical behaviour of components, while the syntactic criterion relates to the structural integrity and inseparability of compounds. The study concludes that compound identification requires a comprehensive approach based on the interaction of several formal criteria.

Key words: *compound; compounding; graphic criterion; morphological criterion; syntactic criterion; compound identification.*

Развитие английского языка характеризуется активным пополнением словарного состава за счет процессов словообразования, среди которых особое место занимает словосложение.

Актуальность изучения композитов определяется их когнитивной функцией: соединение двух или более основ позволяет выражать комплексные понятия в сжатой форме. В этом контексте Г. О. Винокур указывал, что потребность в сложных словах обусловлена не только необходимостью номинации новых объектов, но и стремлением объединить в рамках одной лексической единицы несколько смысловых компонентов [1, с. 45].

Проблема разграничения сложных слов и словосочетаний остается одной из наиболее дискуссионных в англистике. В английском языке идентификация композитов особенно затруднена в случаях раздельного написания. Формальные признаки – графические, морфологические и синтаксические – позволяют установить цельнооформленность таких единиц и отличить их от свободных сочетаний.

Объектом настоящего исследования выступает композит английского языка как формально-структурная единица. Цель работы – системное рассмотрение трех формальных критериев (графического, морфологического и синтаксического) и выявление их роли в разграничении композитов и словосочетаний.

Особенности дефиниции композита. Композит, или сложное слово, традиционно трактуется как результат словосложения и образует особый класс языковых единиц, отличающихся внутренней неоднородностью и особой ролью в системе языка. Словосложение является одним из ведущих способов словообразования, обеспечивающим регулярное пополнение словаря новыми единицами. Как отмечает Е. Н. Бортничук, словосложение в современном английском языке относится к числу наиболее продуктивных способов словообразования, а сложные слова, образованные путем соединения двух или более полнозначных основ, представляют собой единое целое и новое понятие, не сводимое к сумме значений составляющих компонентов [2, с. 127–128].

Наряду с признанием продуктивности словосложения остается дискуссионным вопрос о дефиниции композита. В постсоветской лингвистической традиции акцент, как правило, делается на структурной природе данного явления. Так, Р. Г. Маковой определяет сложное слово как единицу, «располагающую рядом черт словосочетания (не присущих простому слову), из которых главная и обязательная – наличие минимум двух корней (лексических центров)» [3, с. 15]. В то же время А. О. Шишolina рассматривает композит прежде всего как дериват, подчеркивая, что «его словообразовательная структура предполагает несколько – две или более – производящих (мотивирующих) основ» [4, с. 49]. Оба подхода фиксируют многокомпонентную природу композита, однако по-разному расставляют акценты между структурой и деривацией.

Ранее было предложено уточненное определение, объединяющее указанные подходы: «композит – это лексическая единица, образованная путем соединения двух или более основ, которые сохраняют свою семан-

тическую самостоятельность, но функционируют как единое целое» [5, с. 94–95]. Данное определение является рабочим для настоящей статьи, поскольку позволяет рассматривать композит одновременно как результат словообразования и как формально цельную единицу.

Критерии идентификации композитов. Несмотря на относительную устойчивость дефиниции композита в современной лингвистике, его практическая идентификация по-прежнему остается дискуссионной. Это обусловлено тем, что композиты находятся на границе слова и словосочетания. В связи с этим было предложено несколько критериев, направленных на разграничение сложных слов и свободных сочетаний.

Так, Е. А. Градалёва выделяет пять основных критериев идентификации композитов: фонетический, орфографический, морфологический, синтаксический и семантический [6, с. 16]. В отечественной традиции базовым свойством композита считается цельнооформленность, однако каждый из ее признаков обладает ограниченной диагностической силой [7, с. 159]. При этом исследователи сходятся во мнении, что ни один из указанных признаков не может рассматриваться как универсальный. Орфография характеризуется вариативностью, ударение не всегда стабильно, а формальная изоляция компонентов может нарушаться в пограничных случаях.

Схожие выводы представлены и в англоязычной морфологической традиции. Л. Бауэр, анализируя N+N-конструкции, показывает, что такие критерии, как орфография, ударение, синтаксическая изоляция компонентов, координация и тест замены головного существительного местоимением *one*, не обеспечивают согласованного разграничения композитов и словосочетаний [8, р. 78]. Обобщая этот вывод, Л. Бауэр, Р. Либер и И. Плаг подчеркивают, что не существует надежного и теоретически нейтрального набора процедур, позволяющего однозначно определить статус конкретной конструкции [9, р. 4].

Идентификация композитов требует учета совокупности критериев. В настоящей статье рассматриваются графический, морфологический и синтаксический признаки. Их анализ позволяет выявить ограничения и противоречия, возникающие при разграничении композитов и свободных словосочетаний.

Графический критерий идентификации сложного слова традиционно рассматривается как внешний признак его лексической и структурной цельности [10, с. 142; 6, с. 16–17]. В английском языке графический критерий нередко коррелирует со степенью лексикализации: выбор между слитным, дефисным или раздельным написанием может сигнализировать о различных стадиях формирования цельной лексемы. Как подчеркивает Е. А. Градалёва, «написание слитно или через дефис говорит о том, что перед нами сложное слово <...>. Если единица имеет раздельное написание, следует обратиться к другим критериям» [6, с. 16]. Таким образом, графический образ слова выступает в качестве первичного, но не самодостаточного ориентира при идентификации композитов.

Вместе с тем в современной лингвистике графический критерий признается одним из наиболее неустойчивых и вспомогательных, особенно применительно к английскому языку [11]. Это обусловлено вариативностью графического оформления. Одна и та же единица может быть представлена в трех вариантах – раздельно, через дефис или слитно (*flower pot*, *flower-pot*, *flowerpot*), причем выбор написания нередко определяется редакционной традицией, а не системными лингвистическими принципами [12, р. 96; 13, р. 7; 8]. Дополнительным фактором выступает зависимость графического оформления от длины слова: краткие композиты чаще имеют слитное написание, тогда как более протяженные образования сохраняют раздельное оформление независимо от их акцентной структуры [8].

Отсутствие жесткой корреляции между графической формой и статусом языковой единицы подчеркивается и в классификации И. В. Арнольд, выделяющей три основных типа написания сложных слов: раздельное (*air line*), дефисное (*air-line*) и слитное (*airline*). При этом дефис, по ее наблюдению, может выполнять не только структурную, но и разграничительную функцию, облегчая восприятие синтаксически усложненных образований [7, с. 171]. Аналогичную позицию занимает О. Д. Мешков, подчеркивая принципиальную ограниченность графического признака: раздельное написание не позволяет однозначно судить о статусе единицы, тогда как слитное оформление может рассматриваться как относительно надежный индикатор сложного слова. В целом орфография фиксирует лишь частный аспект цельнооформленности и не может использоваться как самостоятельный критерий идентификации композитов [14, с. 65–87].

Специфическая проблема графической идентификации возникает при анализе так называемых «нестойких» сложных слов типа *stone wall* или *Sunday school* [10, с. 133, 160]. Несмотря на семантическую спаянность и устойчивость номинации, такие образования сохраняют графическую раздельнооформленность, что делает их статус дискуссионным и требует привлечения иных критериев [10, с. 160; 6, с. 15–16]. Теоретическим основанием подобной вариативности служит концепция постепенного перехода от словосочетания к сложному слову, разработанная Г. Паулем. Ученый подчеркивает, что данный переход носит непрерывный характер и не допускает проведения четкой границы между синтаксическими и лексическими единицами, вследствие чего орфография современных языков отражает системные колебания между слитным, дефисным и раздельным написанием [15, S. 328–329]. Показательны в этом отношении конструкции типа *Sunday school* ‘воскресная школа’, которые, обладая семантической цельностью, сохраняют графическую и фонетическую раздельнооформленность и тем самым занимают промежуточное положение между сложным словом и словосочетанием [7, с. 160–161].

Таким образом, графическое оформление лишь вторично отражает процессы, происходящие в живой речи, и коррелирует с иными фор-

мальными признаками, в частности с акцентной структурой, лишь частично [12, р. 99]. В силу этого графический критерий не обладает самостоятельной диагностической надежностью и может использоваться только в сочетании с морфологическими и синтаксическими показателями, подтверждающими цельность и лексический статус анализируемой единицы [12, р. 97; 6, с. 18].

Морфологический критерий идентификации сложного слова в английском языке опирается на представление о его цельнооформленности, противопоставляемой раздельнооформленности словосочетания. В классической трактовке А. И. Смирницкого цельнооформленность предполагает наличие общего грамматического оформления, охватывающего всю структуру сложного слова, тогда как в словосочетании каждый компонент сохраняет собственное грамматическое оформление [10, с. 33–35]. В силу слабой развитости словоизменения в английском языке данный признак не всегда имеет четкое формальное выражение, однако он сохраняет диагностическую значимость при разграничении сложных слов и синтаксических групп.

Сущность морфологического критерия заключается в том, что в составе композита объединяются не словоформы, а морфологически неоформленные основы. Данный признак проявляется в случаях, когда первый компонент не функционирует как самостоятельное слово и не реализует присущие ему грамматические категории, выступая исключительно в форме основы. Так, Е. А. Градалёва приводит пример *pony-mad (teenagers)* ‘подростки, помешанные на пони’, подчеркивая, что «в первом компоненте выступает основа, а не слово (иначе первый компонент был бы во множественном числе)» [6, с. 16]. Цельнооформленность композита в данном случае обеспечивается именно использованием немодифицированной основы *pony* ‘пони’, что отличает подобные образования от свободных словосочетаний.

Аналогичную позицию занимает М. Хаспельмат, отмечая, что при словосложении комбинируются основы лексем, а не их флективные формы; вследствие этого грамматические показатели не распространяются на отдельные компоненты, а соотносятся с целым словом. Данное положение подтверждается нормативными моделями английского словосложения: так, в слове *lipstick* ‘губная помада’ первый компонент не оформляется во множественном числе несмотря на предметную двусторонность обозначаемого объекта, что свидетельствует об утрате им грамматической самостоятельности и функционировании в статусе основы [12, р. 142]. Тем самым морфологическая цельнооформленность композита проявляется в отсутствии флексий у модифицирующего компонента и в «стирании» его грамматического значения [10, с. 33–35].

Дополнительным проявлением морфологической цельнооформленности является распределение грамматических показателей на уровне всей конструкции. В ряде английских сложных существительных нормативная форма множественного числа оформляет не финальный элемент, а семан-

тическое ядро структуры (*sisters-in-law* 'сёстры жены (или мужа); золовки / свояченицы'), что отражает внутреннюю иерархию компонентов. Вместе с тем фиксируемая в узусе форма *sister-in-laws* 'сёстры жены (или мужа); золовки / свояченицы', хотя и рассматривается как ненормативная, указывает на тенденцию к переразложению конструкции по более регулярной модели с финальным суффиксом. Как отмечают М. Хаспельмат и А. Симс, суффикс множественного числа семантически соотнесен со всей единицей, и форма *sister-in-laws* 'сёстры жены (или мужа); золовки / свояченицы' возможна только при трактовке сочетания как композита [12, р. 194]. Таким образом, даже отклонения от нормативного грамматического оформления отражают восприятие конструкции как морфологически цельной.

Вместе с тем применение морфологического критерия осложняется тем, что в английском языке форма основы существительного нередко совпадает с формой единственного числа самостоятельного слова. Это особенно заметно в раздельнооформленных N + N-образованиях типа *toy shop* 'магазин игрушек' и *car park* 'автомобильная стоянка'. Первые компоненты *toy* и *car* семантически соотносятся с множеством обозначаемых объектов, однако не получают самостоятельного показателя множественного числа. Это позволяет рассматривать их как основы существительных, функционирующие в составе композита. Вместе с тем само совпадение основы с формой единственного числа не является достаточным основанием для однозначного разграничения сложного слова и синтаксического сочетания. Общая проблема определения статуса подобных раздельнооформленных N + N-образований рассматривается Е. В. Рыжкиной в связи с так называемой «проблемой *stone wall*» [16, с. 71].

Морфологическая неоднозначность возникает также при определении статуса адъективного первого компонента. Для разграничения сложных слов и сочетаний прилагательного с существительным используются дополнительные диагностические тесты, учитывающие синтаксическое поведение первого компонента. Так, А. И. Смирницкий предлагает рассматривать первый компонент как прилагательное, а соответствующее образование – как словосочетание, если выполняется хотя бы одно из следующих условий:

- 1) возможна модификация наречием степени (*a very wet day* 'очень дождливый день', но не *a very small talk* 'очень светская беседа');
- 2) допустимо присоединение однородного определения с союзом *and* 'и' (*warm and sunny day* 'теплый и солнечный день', но не *white and red admiral* 'белый и красный адмирал (вид бабочки)');
- 3) первый компонент допускает образование степеней сравнения (*wetter day* 'более дождливый день', но не *smaller talk* 'более светская беседа') [10, с. 114–125].

Применение данных тестов демонстрирует тесную связь морфологического статуса первого компонента с синтаксическим поведением всей конструкции.

По наблюдению И. В. Арнольд, критерии разграничения сложного слова и словосочетания не являются абсолютными и предполагают существование переходной зоны. В качестве смежного диагностического признака она выделяет структурную целостность: элементы сложного слова не допускают перестройки, перефразирования или раздвигания без утраты тождественного значения, тогда как для свободного сочетания подобные преобразования возможны [7, с. 169–171, 174–176].

Существенное уточнение морфологического критерия содержится в работах О. Д. Мешкова, который подчеркивает принципиальную ограниченность изолированного применения формальных тестов при идентификации сложного слова. Анализируя оппозицию «сложное слово – словосочетание», исследователь показывает, что тесты дополнения, расширения и подстановки нередко приводят к противоречивым результатам и не отражают сущностных характеристик исследуемых единиц. Так, слово *blackbird* ‘черный дрозд’, обладая признаками сложного слова (объединяющее ударение, целостность номинации), допускает подстановку компонентов (*red bird* ‘красная птица’, *yellow bird* ‘желтая птица’), что формально сближает его со словосочетанием. Подобные случаи демонстрируют, что возможность или невозможность подстановки компонентов не может рассматриваться как надежный диагностический признак. В связи с этим О. Д. Мешков настаивает на необходимости опоры на принцип цельнооформленности и совокупность морфологических, семантических и фонетических характеристик, а не на изолированные операциональные приемы [14, с. 67–75].

Таким образом, морфологический критерий позволяет выявить внутреннюю цельнооформленность композита и особенности распределения грамматических показателей, однако в пограничных случаях не дает однозначного результата. Поэтому его необходимо соотносить с другими уровнями языковой организации, прежде всего с синтаксическим критерием.

Синтаксический критерий идентификации сложного слова основывается на степени соответствия анализируемой единицы моделям построения словосочетаний и на характере синтаксических операций, допустимых по отношению к ее компонентам. Если объединение лексических элементов выходит за рамки нормативных синтаксических структур или демонстрирует ограничения, не характерные для свободных сочетаний, такая единица квалифицируется как сложное слово. Анализ синтаксического критерия у О. Д. Мешкова позволяет говорить о его асимметричном характере: нарушение норм словосочетания рассматривается как веский аргумент в пользу квалификации единицы как сложного слова, тогда как формальное соответствие этим нормам само по себе не исключает композитного статуса [17, с. 67–75, 118–129]. Этот тезис особенно значим для английского языка, в котором широко представлены структуры, формально сходные со словосочетаниями, но обладающие признаками цельности.

В современной лингвистике синтаксический критерий концептуально опирается на принцип лексической целостности (*lexical integrity principle*), согласно которому синтаксические правила не имеют доступа к внутренней структуре слова [18; 12]. В рамках данной концепции композит рассматривается как «синтаксический атом» (*syntactic atom*), то есть неделимая единица, компоненты которой не подлежат тем синтаксическим манипуляциям, которые допустимы в пределах свободного словосочетания [18; 19].

Одним из ведущих операциональных признаков синтаксической цельности композита выступает его непроницаемость, или неразделимость (*inseparability*). В отличие от словосочетания, структура сложного слова исключает возможность интерполяции дополнительных определений или модификаторов между его компонентами [12, р. 193–194; 13, р. 11]. Так, в адъективную группу *black bird* ‘черная птица’ возможно включение модификатора (*black ugly bird* ‘черная уродливая птица’), тогда как в композите *blackbird* ‘черный дрозд’ подобная вставка невозможна без разрушения лексемы [13, р. 12]. Синтаксическая неделимость композита коррелирует с фиксированностью порядка компонентов: как подчеркивает Р. Г. Маковей, «в сложном слове порядок следования компонентов строго фиксирован: от его перестановки меняется смысл» [3, с. 15]. Сходную позицию занимает И. В. Арнольд, отмечая, что «элементы сложного слова, в особенности если оно отличается идиоматичностью, не могут быть переставлены или соединены каким-нибудь другим образом и сохранить то же значение» [7, с. 174].

Существенным диагностическим приемом синтаксической идентификации выступают трансформационные тесты. Так, сочетания герундия и существительного, как правило, не допускают синтаксических преобразований, характерных для словосочетаний, что позволяет рассматривать их как композиты (*sleeping bag* ‘спальный мешок’, *running track* ‘беговая дорожка’). Напротив, структуры с причастием I и существительным, например *freezing compartment* ‘морозильное отделение’, допускают перестановку и предикативное развертывание (*the compartment freezes* ‘отделение замерзает’), что указывает на их синтаксическую расчлененность. Невозможность аналогичной трансформации в отношении *sleeping bag* ‘спальный мешок’ (**bag sleeps* ‘мешок спит’ – аграмматично) подтверждает его статус как сложного слова [6, с. 17].

Важным проявлением синтаксической целостности является невозможность независимой модификации компонентов композита. В соответствии с принципом лексической целостности синтаксический модификатор может относиться только к сложному слову в целом, но не к его отдельным элементам [18, р. 106]. Л. Бауэр отмечает, что в конструкции *swollen river-bed* ‘разлившееся русло реки’ прилагательное характеризует всю единицу, даже если семантически оно соотносится с рекой [8, р. 73]. Невозможность

индивидуальной модификации первого компонента подтверждает утрату им синтаксической самостоятельности и его функционирование в составе композита как связанной основы [18, p. 106; 10, с. 121].

Дополнительным синтаксическим критерием служит невозможность замены ядерного компонента композита про-формой *one*. Если в словосочетании подобная замена нормативна, например, *a red house and a green one* ‘красный дом и зеленый (дом)’, то в сложном слове она приводит к аграмматичности: **a watch-maker and a clock one* ‘часовщик и часовой (мастер)’ (аграмматично) [18, p. 35, 111; 8, p. 77]. Это ограничение объясняется действием конвенции «стирания скобок» (Bracket Erasure Convention), в результате которой внутренняя структура слова становится недоступной для синтаксических операций замещения [18, p. 99]. Аналогичные выводы подтверждаются тестами на эллипсис и интерпозицию, при которых компоненты композита не подлежат опущению или разделению [12, p. 193–195].

Особую сложность для синтаксической идентификации представляют *phrasal compounds* (фразовые композиты), в которых первый компонент может иметь форму полноценной синтаксической конструкции (*over-the-fence gossip* ‘сплетни через забор’). Несмотря на наличие внутренней синтаксической структуры, такие образования функционируют в предложении как единые лексические единицы, что подтверждается их синтаксической непроницаемостью и невозможностью модификации отдельных элементов фразы-модификатора [13, p. 207; 17, с. 106–107; 11, p. 8]. В отечественной традиции подобные образования нередко обозначаются как *string compounds* (строковые композиты) [20, с. 71, 214] или *quotation compounds* (цитатные композиты) [7, с. 122], что подчеркивает их пограничный характер.

Пограничные случаи синтаксической идентификации подробно анализируются также в работах А. И. Смирницкого и Х. Гигериха. А. И. Смирницкий сопоставляет *shipwreck* ‘кораблекрушение’ и *the wreck of a ship* ‘крушение корабля’, указывая на грамматическое и лексическое единство первого и аналитическую расчлененность второго [10, с. 33–34]. Х. Гигерих, в свою очередь, рассматривает конструкции типа *stone wall* ‘каменная стена’, *speech sound* ‘звук речи’, которые формально сохраняют признаки словосочетаний, но демонстрируют ограничения, характерные для композитов [18, p. 125–133]. Эти наблюдения подтверждают, что синтаксический критерий не всегда позволяет провести жесткую границу и требует соотнесения с морфологическими и лексическими параметрами.

Таким образом, синтаксический критерий фиксирует степень структурной цельности композита и его отклонение от норм свободного словосочетания. Вместе с тем его диагностическая ценность раскрывается в полной мере лишь при взаимодействии с морфологическими и семантическими признаками, что особенно важно при анализе пограничных образований.

Проведенный анализ показал, что графический, морфологический и синтаксический критерии отражают разные стороны структуры композита и обладают различной диагностической ценностью. Графический критерий отражает степень графической цельнооформленности сложного слова, однако высокая вариативность написания в английском языке существенно ограничивает его надежность как самостоятельного признака. Морфологический критерий выявляет внутреннюю связанность компонентов и особенности распределения грамматических категорий, что позволяет более последовательно разграничивать композиты и свободные словосочетания. Синтаксический критерий фиксирует структурную изоляцию композита, проявляющуюся в невозможности перестановки компонентов, интерпозиции служебных элементов и применения трансформационных тестов, характерных для словосочетаний.

Сопоставление трех критериев выявило их частичную несогласованность и наличие пограничных случаев, что подтверждает ограниченность каждого признака при его изолированном применении. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости комплексного подхода к идентификации композитов, основанного на учете взаимодействия формальных критериев.

Настоящая работа дополняет ранее проведенный анализ фонетических признаков композитов и создает теоретическую основу для дальнейшего исследования семантического критерия и проблемы идиоматичности. В совокупности это позволяет приблизиться к формированию целостной модели идентификации композитов в современном английском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Винокур, Г. О.* О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии / Г. О. Винокур // Труды Института истории, философии и литературы. – М., 1938. – Т. 5. – С. 3–54.
2. *Бортничук, Е. Н.* Словообразование в современном английском языке : учеб. пособие / Е. Н. Бортничук, И. В. Василенко, Л. П. Пастушенко ; под ред. Ю. А. Жлуктенко. – Киев : Вища школа, 1988. – 261 с.
3. *Маковей, Р. Г.* Соотношение сложного слова и словосочетания / Р. Г. Маковей // Вестник Харьковского национального автомобильно-дорожного университета. – 2009. – № 45. – С. 14–18.
4. *Шишolina, А. О.* Типология новейших композитов русского языка / А. О. Шишolina // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2016. – № 4 (192). – С. 49–52.
5. *Баркович, А. А.* Фонетические критерии идентификации композитов английского языка / А. А. Баркович, С. Г. Милько // Труды БГТУ. Сер. 4, Принт- и медиатехнологии. – 2025. – № 1 (291). – С. 93–100.

6. Градалёва, Е. А. Способы разграничения сложных слов и словосочетаний английского языка / Е. А. Градалёва // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2015. – № 10 (163). – С. 15–19.
7. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка : учеб. пособие / И. В. Арнольд. – 2-е изд., перераб. – М. : ФЛИНТА ; Наука, 2012. – 376 с.
8. Bauer, L. When is a sequence of two nouns a compound in English? / L. Bauer // English Language and Linguistics. – 1998. – Vol. 2, № 1. – P. 65–86.
9. Schäfer, M. The Semantic Transparency of English Compound Nouns / M. Schäfer. – Berlin ; Boston : De Gruyter Mouton, 2018. – 311 p.
10. Смирницкий, А. И. Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1998. – 260 с.
11. Benczes, R. Creative Compounding in English: The Semantics of Metaphorical and Metonymical Noun–Noun Combinations / R. Benczes. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2006. – 245 p.
12. Haspelmath, M. Understanding Morphology / M. Haspelmath, A. D. Sims. – 2nd ed. – London ; New York : Routledge, 2010. – 366 p.
13. The Oxford Handbook of Compounding / eds. R. Lieber, P. Štekauer. – Oxford : Oxford University Press, 2009. – 712 p.
14. Мешков, О. Д. Словосложение в современном английском языке / О. Д. Мешков. – М. : Высшая школа, 1985. – 176 с.
15. Paul, H. Prinzipien der Sprachgeschichte / H. Paul. – 8. Aufl. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1968. – 450 S.
16. Рыжкина, Е. В. «Проблема stonewall» в неологическом описании / Е. В. Рыжкина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 627. – С. 71–81.
17. Мешков, О. Д. Семантические аспекты словосложения английского языка / О. Д. Мешков. – М. : Наука, 1986. – 198 с.
18. Giegerich, H. J. Lexical Structures: Compounding and the Modules of Grammar / H. J. Giegerich. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2015. – 300 p.
19. Spencer, A. Morphological Theory: An Introduction to Word Structure in Generative Grammar / A. Spencer. – Oxford : Blackwell, 1991. – 480 p.
20. Микоян, А. С. Малый синтаксис как средство разграничения стилей / А. С. Микоян, С. Г. Тер-Минасова. – М. : МГУ, 1982. – 214 с.

Поступила в редакцию 11.03.2026

УДК 811.111'42:62 + 811.161.1'42:62

Швец Галина Геннадьевна

аспирант кафедры фонетики и практики
английской речи
Белорусский государственный университет
иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Halina Shvets

PhD Student of the Department
of Phonetics and English Speech Practice
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
lili-70@inbox.ru

ЖАНР ТЕХНИЧЕСКОГО ЗАДАНИЯ В АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНОМ ИНФОКОММУНИКАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ: УНИВЕРСАЛЬНОЕ И УНИКАЛЬНОЕ

В статье изложены результаты сравнительно-сопоставительного анализа жанра технического задания (ТЗ) в инфокоммуникационном дискурсе на русском и английском языках в структурно-композиционном, семантико-прагматическом и лексико-грамматическом аспектах с выявлением общих и специфических характеристик. Выявлено, что англоязычные ToR (*Terms of Reference*) ориентированы на процессуальное описание и верификацию результатов проекта, русскоязычные ТЗ – на формальный контроль выполнения и соблюдение предписаний, что обусловлено различиями континентальной и прецедентной правовых традиций.

Ключевые слова: *техническое задание; инфокоммуникационный дискурс; макроструктура; мезоструктура; микроструктура; модальность долженствования; международные стандарты.*

THE GENRE OF TERMS OF REFERENCE IN ENGLISH AND RUSSIAN INFOCOMMUNICATION DISCOURSE: THE UNIVERSAL AND THE UNIQUE

The article presents the results of a comparative analysis of the technical specification (TS) genre in infocommunication discourse in Russian and English, focusing on structural-compositional, semantic-pragmatic, and lexical-grammatical aspects, with the aim of identifying common and specific characteristics. The study shows that English-language Terms of Reference tend to emphasize procedural description and verifiability of project results, while Russian-language ones focus on formal oversight and regulatory compliance. These differences are rooted in the contrasting logics of the civil-law and common-law legal systems.

Key words: *Terms of Reference; infocommunication discourse; macrostructure; mesostructure; microstructure; deontic modality; international standards.*

Согласно традиционному определению, ТЗ представляет собой «документ, содержащий исходные данные для проектирования и строительства сооружений, изготовления оборудования, приборов и технологической оснастки, проведения проектно-изыскательских работ и т. д.» [1, с. 41]. Техническое задание выполняет важные функции: фиксирует требования к создаваемому продукту, определяет порядок взаимодействия заказчика и исполнителя, а также закрепляет цель проекта, состав работ, ожидаемый результат и рас-

пределение ответственности. Поэтому техническое задание входит в систему письменных жанров инфокоммуникационного дискурса, обслуживающего разработку и эксплуатацию соответствующих систем [2; 3]. При подготовке документа учитываются государственные и межгосударственные стандарты, а также нормы законодательства страны, в которой реализуется проект [4; 5].

Следует отметить, что русскоязычному термину *техническое задание* соответствует несколько англоязычных коррелятов: *Request for Proposal*, *Statement of Work*, *Technical Specification*, *Technical Requirements*, *Terms of Reference*. Несмотря на кажущееся тождество их семантики, эти аналоги различаются по своему назначению. *Request for Proposal* применяется при выборе исполнителя проекта. *Statement of Work* описывает состав работ, этапы и сроки их выполнения. *Technical Specification* и *Technical Requirements* сосредоточены преимущественно на технических параметрах продукта.

Для настоящего исследования в качестве основного англоязычного соответствия выбран термин *Terms of Reference*, так как по набору выполняемых функций он ближе всего к русскоязычному техническому заданию. Такое ограничение позволяет сопоставлять русско- и англоязычные тексты жанра ТЗ и не объединять в одном корпусе ToR с узкими инженерными спецификациями или конкурсной документацией.

Следует отметить, что лингвистические особенности жанра технического задания на русском языке уже рассматривались на материале строительной документации (А. С. Козонова [6]), документации консультационных фирм (В. А. Шубенкова [7]) и инженерной документации (Н. В. Куркан [8]). Однако сопоставление русскоязычных ТЗ и англоязычных ToR именно в инфокоммуникационной сфере с установлением общих и специфических характеристик не было в фокусе внимания зарубежных и отечественных исследователей. Данное обстоятельство обуславливает актуальность предпринятого нами исследования, цель которого заключается в установлении общих и специфических характеристик англо- и русскоязычных ТЗ в инфокоммуникационном дискурсе на макро- (композиционно-структурном), мезо- (смысло-прагматическом) и микро- (лексико-грамматическом) уровнях.

Теоретической основой исследования выступили работы по жанроведению Дж. М. Свейлза [9], В. К. Бхатиа [10; 11; 12], Н. Н. Трошиной [13], А. Ф. Лаго и Д. Ф. Льюрет [14], дающие методологический ключ к анализу текстовой структуры, коммуникативных целей и институционального контекста профессиональных документов, а также исследования в области инженерного подхода к формулированию требований (К. Поль [15]; К. Вигерс и Дж. Битти [16]; С. Робертсон и Дж. Робертсон [17]; А. ван Ламсверде [18]; Э. Халл, К. Джексон и Дж. Дик [19]), дополненные положениями международных стандартов [20; 21]. Модель речевого жанра Т. В. Шмелёвой [22], используемая в работе для анализа мезоструктуры, была выбрана в силу ее

системности и полноты, позволяющей охватить коммуникативную цель, образы адресанта и адресата, диктумное содержание и временную перспективу жанра.

Материал исследования составили 40 технических заданий: 20 русскоязычных и 20 англоязычных. В данный корпус вошли документы, опубликованные в 2011–2024 гг. на порталах государственных закупок, официальных сайтах компаний и ресурсах международных организаций. Общий объем материала составил около 340 000 словоупотреблений.

При отборе учитывались три условия: принадлежность документа к инфокоммуникационной сфере, наличие основных структурных разделов и возможность подтвердить его происхождение по официальным источникам. В выборку были включены ТЗ, которые связаны с системами связи, видеонаблюдением и ИКТ-инфраструктурой.

Обработка материала проходила в несколько этапов. Сначала проводились контент-анализ лексико-грамматических единиц и дискурс-анализ текстов. Затем фиксировалась абсолютная частотность исследуемых показателей и рассчитывалось их среднее количество на одну страницу. Для корпусной обработки использовалась программа AntConc, а статистическая значимость различий проверялась с помощью критерия χ^2 .

Следует отметить, что единого шаблона технического задания не существует, а требования к его составлению закреплены в нескольких нормативных документах. Вместе с тем общая макроструктура ТЗ остается достаточно устойчивой. Различия обычно касаются состава, объема и расположения отдельных разделов.

Его *макроструктура* конституируется следующими функциональными блоками.

1. Введение (Introduction) формирует рамки документа, раскрывает сущность проекта, его принципы и стандарты.

2. Общие сведения (General information) содержат информацию об участниках, условиях, объекте работ. В англоязычных ToR данный раздел значительно более содержателен и включает описание текущей ситуации (current situation) и рисков (assumptions & risks), что подтверждается средним объемом этого раздела: 3,2 страницы в англоязычных ToR по сравнению с 1,8 в русскоязычных ТЗ.

3. Цели и области применения (Objectives and areas of application) представляют цель и назначение проекта. В англоязычных ToR цели преимущественно описываются через измеримые результаты, которые должен обеспечить подрядчик: например, *Logging of 99 % of user tickets and system faults/failures and timely resolution of all issues raised* 'Регистрация 99 % пользовательских обращений и системных сбоев, а также своевременное устранение всех выявленных проблем' [23, p. 48]. В русскоязычных документах назначение чаще связывается с функциональными характери-

ками системы, сети, устройства, услуги или процесса: *Назначением работ является развитие межведомственного электронного взаимодействия при предоставлении государственных и муниципальных услуг в электронной форме в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе, в том числе за счёт развития базовой инфраструктуры „Электронного правительства“* [24, с. 13].

4. Глоссарий и ключевые понятия (Glossaries and key concepts) содержит основные термины проекта. В англоязычных ToR к ним относятся *Contractor* ‘подрядчик’, *Expected Deliverables* ‘ожидаемые результаты’, *Assumptions* ‘исходные предположения’ и *Risks* ‘риски’ [23, р. 48–49]. В русскоязычных ТЗ используются, например, сокращения СМЭВ – «система межведомственного электронного взаимодействия» и ЕСИА – «единая система идентификации и аутентификации» [24, с. 4].

5. Функциональные и нефункциональные требования (Functional and non-functional requirements) являются ключевым блоком в структурно-композиционной архитектонике ТЗ. В английских ToR функциональные требования оформляются как сценарии использования и последовательности действий, например: *Servers shall be tested in a separate environment before application of updates* ‘Серверы должны быть протестированы в отдельной среде до установки обновлений’ [23, р. 48]. В русскоязычных ТЗ функциональные требования представлены перечнем характеристик, выраженных преимущественно отглагольными существительными (*архивирование, унификация, выгрузка, визуализация* [24, с. 25]). Например, в перечне функций указаны «выгрузка данных из формы в формат PDF» и «визуализация сведений об электронной подписи» [24, с. 25].

6. Требования к интерфейсам (Interface requirements) описывают взаимодействие компонентов системы. В англоязычных ToR соответствующие требования часто содержат конкретные названия протоколов и их версий, например: *Support SNMPv3, SSHv2 and SSL for secure management and 802.1x for NAC integration* ‘Поддержка SNMPv3, SSHv2 и SSL для безопасного управления и 802.1x для интеграции с NAC’ [25, р. 6]. Частотность подобных технологических обозначений в англоязычных текстах в три раза выше, чем в русскоязычных ТЗ. В русскоязычных документах чаще используются общие формулировки, например: «Требования к разработке адаптеров межведомственного взаимодействия» [24, с. 24].

7. Требования к документации (Documentation Requirements) определяют состав отчетных материалов, форму их представления, количество, сроки передачи и порядок утверждения. В англоязычных ToR документация определяется как самостоятельный результат проекта – *deliverables*, связанный с отдельными этапами выполнения работ и процедурами согласования. В русскоязычных ТЗ содержание раздела о документационном обеспечении жестко привязано к требованиям государственных стандартов и регламентирует порядок последующей приемки выполненных работ. Так,

согласно положению ГОСТ 34.602-2020, в данном разделе неукоснительно присутствует «перечень подлежащих разработке документов» [5, с. 7], а также регистрируется вид и количество документации, требования к ее содержанию и правила применения ЕСКД (Единая система конструкторской документации) и ЕСПД (Единая система программной документации).

8. Перечень сопроводительных документов (List of accompanying documents) включает руководства, схемы и прочую сопутствующую документацию. В английских ToR этот перечень, как правило, не выделяется в отдельную рубрику, а включается в предыдущий раздел о документационном обеспечении.

9. Этапы и сроки выполнения (Stages and deadlines) определяют периодизацию проекта, включая даты выполнения отдельных работ, контрольные точки и ожидаемые результаты каждого этапа.

10. Планы работ и критерии приемки (Work plans and acceptance criteria) регламентируют порядок проверки и принятия результатов проекта. Контроль в англоязычных ToR строится вокруг критериев приемки и тестовых процедур, которые могут сопровождаться ссылками на международные стандарты IEEE (Institute of Electrical and Electronics Engineers) и ISO (International Organization for Standardization). Русскоязычные документы, напротив, связывают приемку с формализованными актами и установленным порядком контроля.

11. Приложения (Appendices) включают вспомогательные материалы (таблицы, схемы, протоколы).

Мезоструктура текстов жанра ТЗ как семантико-прагматическая организация текста включает коммуникативную цель, образ адресанта, диктумное (событийное) содержание, образ адресата и временную перспективу.

Коммуникативная задача технического задания заключается в налаживании взаимодействия между заказчиком и исполнителем для разработки итогового инфокоммуникационного продукта в соответствии со строго заданными параметрами, что определяет его императивный и информативный характер. Номинация адресанта в тексте осуществляется, как правило, двумя способами: прямым указанием наименования организации-заказчика либо в случаях, когда ТЗ выступает приложением к договору, лексемами *Client* (для большинства проектов), *Procuring Entity* (для тендеров и госзакупок) или *Customer* (для коммерческих заказов). Диктумное содержание жанра представляет собой запрос на создание продукта на основе комплекса предъявляемых требований, причем композиция документа выстраивается таким образом, чтобы максимально детально представить всю последовательность выполнения. Образ адресата, в свою очередь, всегда конкретизируется в лице организации-исполнителя, фиксируемой в разделе *Contractor* 'Исполнитель' или 'Подрядчик'; при отсутствии прямого наименования (в тендерной документации или договорных приложениях) профессиональная принадлежность адресата к инфокоммуникативному сообществу

эксплицируется через отраслевую терминологию. Отношения между адресантом и адресатом носят директивный характер: заказчик формулирует требования без доказательной аргументации, а исполнитель, будучи высококвалифицированным специалистом, воспринимает предписания как руководство к действию, что принципиально отличает ТЗ от жанров научного дискурса, предполагающих развернутое обоснование. Временная перспектива жанра охватывает как прошлое (инициальные устные переговоры, идентификация адресата-исполнителя в рамках договорных отношений), так и будущее, которое реализуется в порождении реактивных жанров – конструкторской документации, отчета, уведомления, акта приема, – прямо фиксируемых в заключительных разделах ТЗ.

Количественный анализ *микроструктуры* англо- и русскоязычных ТЗ с использованием корпусного инструмента AntConc и критерия χ^2 выявил устойчивые различия в частотности языковых маркеров. В грамматическом оформлении англоязычных ToR доминируют пассивные конструкции (12,3 на страницу против 5,1 в русскоязычных ТЗ), например: *User satisfaction survey after resolution shall **be** automatically **sent** to the user and monitored* ‘После устранения проблемы пользователю автоматически **направляется** опрос удовлетворенности, результаты которого подлежат мониторингу’ [23, р. 48], тогда как в русскоязычных текстах чаще встречаются активные предикативные формы настоящего времени (*Система **обеспечивает** выполнение следующих основных процессов* [24, с. 18]), и маркеры деонтической модальности (4,2 против 2,8 на страницу) [26] (*Система, после проведения работ по настоящему Техническому заданию, **должна** быть устойчива по отношению к программно-аппаратным ошибкам* [24, с. 25]). Для русскоязычных ТЗ характерно активное использование инфинитивных глагольных форм совершенного вида (*выполнить, разработать, настроить, обеспечить*), что подчеркивает императивный характер жанра: *В рамках данной задачи необходимо **разработать** и **настроить** [...] исходящие запросы документов и сведений* [24, с. 38]. В свою очередь англоязычные ToR характеризуются высокой частотностью прямых ссылок на конкретные протоколы и версии по сравнению с русскоязычными (*SNMPv3, Modbus TCP* – 0,9 против 0,3 на страницу), что свидетельствует о значительной технической детализации требований в англоязычных ТЗ по сравнению с русскоязычными. Для русскоязычных ТЗ характерна ссылка преимущественно на государственные стандарты (ГОСТ – 0,2 на страницу), тогда как для англоязычных ToR – на международные (IEC, IEEE, ITU-T – 0,8 на страницу). Все приведенные различия статистически значимы ($p < 0,05$).

Выявленные расхождения в жанровой организации русско- и англоязычных ТЗ на мезо- и микроуровнях обусловлены, на наш взгляд, экстралингвистическими факторами – различиями правовых систем сопоставляемых профессиональных сообществ [27; 28]. Континентальное право, доминирующее в русскоязычной правовой традиции, характеризуется

кодифицированностью, верховенством писаного закона и ведущей ролью государства, что предопределяет нормативно-прескриптивный характер русскоязычных ТЗ в сфере инфокоммуникационных систем с их ориентацией на формальную регламентацию, детализированные процедуры, ссылки на ГОСТ и минимизацию неоднозначности. Напротив, прецедентное право, лежащее в основе англо-американской правовой системы, опирается на судебный прецедент как источник права, отличается гибкостью, открытостью и акцентом на индивидуальные договоренности сторон, что находит отражение в согласовательной стратегии англоязычных ТЗ, ориентированных на процессуальное описание, измеримость результатов и верифицируемость через критерии приемки и тестовые процедуры, а не на исчерпывающую кодификацию предписаний.

Таким образом, при общности структурно-композиционной организации различия между ТЗ на сопоставляемых языках в сфере инфокоммуникационных систем проявляются на мезо- и микроуровне. В англоязычных ТЗ преобладает ориентация на процедуру и верификацию итогов, соотносимая с контрактно-прескриптивной моделью управления проектами «инженерный контракт → управляемый результат». Русскоязычные ТЗ отражают административно-командную модель «нормативный договор → контролируемое исполнение» с фиксацией обязанностей участников, формализованным регламентом и отсылками к государственным стандартам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краткий словарь видов и разновидностей документов / отв. ред. А. С. Малитиков. – М. : ВНИИДАД, 1974. – 80 с.
2. Голованова, Е. И. Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий / Е. И. Голованова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 1 (292). – С. 32–35.
3. Кошкарлова, Н. Н. Соотношение понятий дискурс, подъязык, регистр в исследованиях профессиональной коммуникации / Н. Н. Кошкарлова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 31 (322). – С. 53–54.
4. ГОСТ 19.201–78. Единая система программной документации. Техническое задание. Требования к содержанию и оформлению. – М. : Стандартинформ, 2010. – 4 с.
5. ГОСТ 34.602–2020. Информационные технологии. Комплекс стандартов на автоматизированные системы. Техническое задание на создание автоматизированной системы. – М. : Стандартинформ, 2020. – 12 с.
6. Козоногова, А. С. Лингвистические и экстралингвистические особенности текста технического задания на английском и русском языках / А. С. Козоногова // Молодой ученый. – 2023. – № 52 (499). – С. 372–374.

7. *Шубенкова, В. А.* Особенности разработки технического задания / В. А. Шубенкова, Р. Ф. Карачурина // Экономика и социум. – 2013. – № 4-2 (9). – С. 999–1002.
8. *Куркан, Н. В.* Письменные жанры инженерной коммуникации в дискурсивном аспекте (на материале русского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Куркан Наталия Владимировна ; Нац. исслед. Томск. политех. ун-т. – Новосибирск, 2022. – 24 с.
9. *Swales, J. M.* Genre Analysis: English in Academic and Research Settings / J. M. Swales. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – 260 p.
10. *Bhatia, V. K.* Analysing Genre: Language Use in Professional Settings / V. K. Bhatia. – London : Longman, 1993. – 246 p.
11. *Bhatia, V. K.* Worlds of Written Discourse: A Genre-Based View / V. K. Bhatia. – London : Continuum, 2004. – 248 p.
12. *Bhatia, V. K.* Critical Genre Analysis: Investigating Interdiscursive Performance in Professional Practice / V. K. Bhatia. – London : Routledge, 2017. – 232 p.
13. *Трошина, Н. Н.* Коммуникативная стратегия и стилистическая структура текста / Н. Н. Трошина // Проблемы эффективности речевой коммуникации. – М. : ИНИОН, 1989. – С. 134–150.
14. *Felices Lago, Á.* New Applications of Genre Analysis to Technical Manuals: The Perspective of Bhatian and Lassen Models / Á. Felices Lago, D. Fernández Lloret. – Lewiston, N.Y. : Edwin Mellen Press, 2012. – 156 p.
15. *Pohl, K.* Requirements Engineering: Fundamentals, Principles, and Techniques / K. Pohl. – Heidelberg : Springer, 2010. – 813 p.
16. *Wieggers, K. E.* Software Requirements / K. E. Wieggers, J. Beatty. – 3rd ed. – Redmond : Microsoft Press, 2013. – 672 p.
17. *Robertson, S.* Mastering the Requirements Process: Getting Requirements Right / S. Robertson, J. Robertson. – 3rd ed. – Upper Saddle River : Addison-Wesley, 2012. – 576 p.
18. *Lamsweerde, A. van.* Requirements Engineering: From System Goals to UML Models to Software Specifications / A. van Lamsweerde. – Chichester : John Wiley & Sons, 2009. – 712 p.
19. *Hull, E.* Requirements Engineering / E. Hull, K. Jackson, J. Dick. – 3rd ed. – London : Springer, 2011. – XVIII, 207 p.
20. ISO/IEC/IEEE 29148:2018. Systems and Software Engineering – Life Cycle Processes – Requirements Engineering. – Geneva : ISO, 2018. – 92 p.
21. IEEE Std 830-1998 (superseded). IEEE Recommended Practice for Software Requirements Specifications. – New York : IEEE, 1998. – 38 p.
22. *Шмелёва, Т. В.* Модель речевого жанра / Т. В. Шмелёва // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. – Вып. 1. – С. 88–98.
23. Southern African Development Community Secretariat (SADC Secretariat). Terms of Reference: Engagement of ICT Consulting Firm to Provide ICT Support Services to SADC Secretariat. – Gaborone, 2022. – URL: <https://www.sadc.int/>

- sites/default/files/2023-10/ICT%20-%20TERMS%20OF%20REFERENCE%20OF%20ICT%20SUPPORT%20SERVICES%202022.pdf (date of access: 01.08.2026).
24. Техническое задание на выполнение работ по развитию базовой инфраструктуры «Электронного правительства» Республики Крым и города федерального значения Севастополь // Подкомиссия по использованию информационных технологий при предоставлении государственных и муниципальных услуг Правительственной комиссии по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности. – М., 2016. – 50 с. – URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/prilozhenie-16-k-protokolu-tz-kryim.pdf> (дата обращения: 01.08.2026).
25. Securities and Exchange Board of India. Terms of Reference (TOR) and Bill of Material (BOM) for Revamp of Enterprise-wide Integrated IT Network Infrastructure (SITNET) at SEBI. – Mumbai, 2021. – URL: https://www.sebi.gov.in/sebi_data/commondocs/dec-2021/AnnexureVITermsofReference_p.pdf (date of access: 01.08.2026).
26. Туганова, С. В. Деонтическое значение модального вспомогательного слова «должен / must» в русских и английских прескриптивных юридических текстах / С. В. Туганова // Филология и культура. – 2018. – № 4 (54). – С. 88–95.
27. David, R. Major Legal Systems in the World Today: An Introduction to the Comparative Study of Law / R. David, J. E. C. Brierley. – 3rd ed. – London : Stevens, 1985. – XVI, 624 p.
28. Zweigert, K. An Introduction to Comparative Law / K. Zweigert, H. Kötz ; transl. by T. Weir. – 3rd ed. – Oxford : Oxford University Press, 1998. – 708 p.

Поступила в редакцию 04.08.2026

ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81

Гутовская Марина Степановна

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой
германского языкознания
Белорусский государственный
университет
г. Минск, Беларусь

Marina Gutovskaya

Doctor of Philology, Full Professor,
Head of the Department
of Germanic Linguistics
Belarusian State University
Minsk, Belarus
marina-gutovskaya@yandex.by

Шайбакова Дарья Вадимовна

аспирант кафедры
германского языкознания
Белорусский государственный
университет
г. Минск, Беларусь

Darya Shaibakova

PhD Student at the Department
of Germanic Linguistics
Belarusian State University
Minsk, Belarus
ShaibakovaDV@yandex.by

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА СГЕНЕРИРОВАННЫХ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ЭКСПЕРТАМИ И БОЛЬШИМИ ЯЗЫКОВЫМИ МОДЕЛЯМИ¹

Статья посвящена оценке качества научных статей, сгенерированных большими языковыми моделями (БЯМ), в сопоставлении с антропогенными статьями двух жанров (общетеоретического и научно-исследовательского) посредством интегративной лингводискурсивной методики исследования продуктов искусственного текстопорождения. Материалом послужили двенадцать текстов: два антропогенных текста научных статей (общетеоретическая и научно-исследовательская) и тексты, сгенерированные пятью БЯМ (DeepSeek-V4, Gemini 3 Flash, GigaChat 2 Ultra, ChatGPT-5.3 Instant, Alice AI LLM) на базе представленных в антропогенных статьях данных. Оценка проводилась экспертами-лингвистами и БЯМ-оценщиками по двадцати пяти критериям (общезыковым и дискурсно-специфичным) с последующим сопоставлением полученных показателей. Выявлена асимметрия экспертной и машинной оценок, зависимость качества генераций от жанра и архитектуры модели, установлена иерархия изучаемых БЯМ по качеству порождаемых текстов. Показано, что общезыковая правильность является необходимой, но недостаточной основой для создания полноценного академического текста; наиболее уязвимы параметры, требующие эпистемической позиции, – глубина аргументации, доказательность и личный вклад автора. Современные БЯМ успешно имитируют внешние жанровые признаки, однако не достигают содержательной глубины, что ставит вопрос о разработке дискурсно-ориентированных подходов к оценке академических текстов.

¹ Исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы «Возможности больших языковых моделей в современной лингвистике: теоретико-методологические и прикладные решения» (номер государственной регистрации 20262323) в задании «Современные информационные технологии в лингвистических исследованиях» подпрограммы «Языкознание» государственной программы научных исследований «Социально-экономическая, политическая и национально-культурная безопасность белорусской государственности» (2026–2030 гг.).

Ключевые слова: *искусственное текстопорождение; большая языковая модель; экспертная оценка; автоматическая оценка; критерии качества сгенерированного контента.*

QUALITY ASSESSMENT OF GENERATED SCIENTIFIC ARTICLES BY EXPERTS AND LARGE LANGUAGE MODELS

This paper presents a comparative assessment of the quality of scientific articles generated by large language models (LLMs) against human-authored texts representing two genres – general theoretical and research-oriented – using an integrative linguo-discursive methodology for studying artificial text generation products. The research material comprised twelve texts: two human-written scholarly articles (one theoretical and one empirical) and texts generated by five LLMs (DeepSeek-V4, Gemini 3 Flash, GigaChat 2 Ultra, ChatGPT-5.3 Instant, and Alice AI LLM) based on the data provided in the human-authored sources. Evaluation was carried out by expert linguists and by LLM-as-a-judge systems across twenty-five criteria encompassing both general linguistic and discourse-specific parameters, followed by a comparative analysis of the obtained scores. The study reveals a significant asymmetry between human and machine assessments, demonstrates the dependence of generation quality on genre and model architecture, and establishes a hierarchy of the examined LLMs in terms of the quality of the texts they produce. It is shown that general linguistic correctness is a necessary but insufficient foundation for producing a fully-fledged academic text; the most vulnerable parameters are those requiring an epistemic stance – depth of argumentation, evidential substantiation, and authorial contribution. Modern LLMs successfully emulate external genre markers, yet fall short of substantive depth, thereby raising the question of developing discourse-oriented assessment approaches for academic texts.

Key words: *artificial text generation; large language model; expert evaluation; automated evaluation; quality criteria for generated content.*

Расширение возможностей больших языковых моделей (БЯМ) в задаче генерации связного, стилистически выдержанного текста ставит перед лингвистикой вопрос, выходящий за пределы технической оценки производительности систем искусственного интеллекта (ИИ): насколько искусственно созданный текст (ИСТ) соответствует требованиям, предъявляемым к тексту определенного жанра, и какова мера его качественного тождества или расхождения с естественно созданным текстом (ЕСТ). По данным исследования, охватившего более 1,1 миллиона рецензируемых публикаций на платформах arXiv, bioRxiv и в журналах Nature за 2020–2024 годы, доля текстов, демонстрирующих признаки участия БЯМ в их подготовке, достигает 22 % в области компьютерных наук и 9 % в работах по математике, при этом зафиксирована устойчивая положительная динамика данного показателя [1]. На этом фоне особую остроту приобретает проблема качества ИСТ именно в научном дискурсе, который требует содержательной глубины, аргументированности и авторской ответственности за истинность утверждений.

Существенное затруднение при оценке качества ИСТ создает расхождение между автоматическими метриками и лингвистической экспертизой. Традиционные количественные показатели (BLEU, ROUGE, BERTScore) фиксируют

поверхностные статистические закономерности и слабо коррелируют с оценками квалифицированных читателей [2]. Экспертная же оценка, как правило, носит интуитивный характер, а согласованность работы рецензентов при анализе дискурсно-стилистических характеристик ИСТ остается низкой [3]. Стремление совместить автоматические решения с гибкостью человеческого суждения привело к распространению метода БЯМ-как-судья (LLM-as-a-Judge), в котором языковая модель выступает оценщиком качества ИСТ [4; 5]. Однако достоверность подобной практики применительно к текстам высокой жанровой сложности, к которым относится научная статья, остается предметом дискуссии и требует эмпирической проверки, сопоставимой по строгости с экспертной лингвистической оценкой.

Решению этой задачи отвечает интегративная лингводискурсивная методика исследования продуктов искусственного текстопорождения, предполагающая на одном из этапов реализации многокритериальную оценку ИСТ по двум классам параметров – общезыковым (лексико-семантическим и грамматическим) и дискурсно-специфичным (ориентированным на жанровую специфику научного текста) [6]. К оценке представлены 12 текстов: 2 ЕСТ и 10 ИСТ. Антропогенную основу корпуса составили общетеоретическая статья Т. Ф. Плехановой «От лингвистики текста к лингвистике дискурса» и научно-исследовательская статья М. С. Гутовской и Д. В. Шайбаковой «Организация образных представлений о знании в русской и английской фразеологии: концептуальные метафоры и метафорические модели». На базе двух ЕСТ с помощью специализированных промптов каждая из пяти исследуемых БЯМ – DeepSeek-V4, Gemini 3 Flash, GigaChat 2 Ultra, ChatGPT-5.3 Instant, Alice AI LLM – сгенерировала по одной имитации.

К оценке были привлечены квалифицированные эксперты-лингвисты (Е. С. Астапкина – кандидат филологических наук, доцент кафедры германского языкознания Белорусского государственного университета; Л. М. Длюбарская – преподаватель кафедры английского языка Лицея им. Ф. Э. Дзержинского Белорусского государственного университета; Т. В. Никитенко – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой теории и практики перевода Белорусского государственного университета) и эффективные БЯМ (Grok 4.1, Qwen2.5-Max, Claude Sonnet 4.6), выступающие в роли автоматизированных судей. В целях организации слепого эксперимента тексты исследовательского корпуса представлялись на оценку с кодовой нумерацией: 07 и 11 – антропогенные статьи; 01, 03, 04, 06, 12 – генерации на основе общетеоретической статьи; 02, 05, 08, 09, 10 – генерации на основе научно-исследовательской статьи. Такой алгоритм позволил получить количественно сопоставимые показатели качества генерации, выявить характер расхождений между человеческим и машинным восприятием текста и установить, по каким параметрам академического письма современные БЯМ достигают нормы, а по каким – систематически от нее отклоняются.

Обсуждение

Прежде чем обратиться к покритериальному анализу, рассмотрим обобщенные показатели, характеризующие каждый текст в совокупности. Для каждого текста вычислены: средняя экспертная оценка ($E_{average}$), средняя оценка БЯМ-оценщиков ($L_{average}$), общая средняя оценка текста ($O_{average}$), абсолютная разница между двумя видами оценки ($D_{average}$) и относительная разница в процентном выражении ($D_{\%}$). Каждый из 25 критериев оценивался экспертами и БЯМ-оценщиками по пятибалльной шкале, максимально возможный итоговый балл составил 125 (25 критериев $\times$ 5 баллов). Показатель $E_{average}$ вычислялся как среднее арифметическое суммарных баллов трех экспертов-лингвистов; $L_{average}$ – как среднее арифметическое суммарных баллов трех БЯМ-оценщиков; $O_{average}$ определялся как среднее арифметическое между средней экспертной оценкой и средней оценкой БЯМ-оценщиков; $D_{average}$ – как разность между средней экспертной оценкой и средней оценкой БЯМ-оценщиков; $D_{\%}$ – как отношение абсолютной разницы к общей средней оценке текста, выраженное в процентах. Высококачественными текстами считались те, показатель $O_{average}$ которых составил ≥ 100 баллов; удовлетворительными – $O_{average}$ от 75 до 99 баллов; низкокачественными – $O_{average} < 75$ баллов. Границы уровней качества определены путем перевода балла $O_{average}$ в процентную шкалу с шагом в 20 %: значению 125 баллов соответствуют максимальные 100 %, 100 баллов – 80 % от максимума, 75 баллов – 60 %. Такое деление (≥ 80 % – высококачественный, 60–79 % – удовлетворительный, < 60 % – низкокачественный текст) соответствует широко используемой логике построения уровней шкал оценивания [7]. Показатели текстов приводятся с указанием категории качества: В – высококачественный, У – удовлетворительный, Н – низкокачественный (табл. 1).

Таблица 1

Итоговые показатели оценки текстов исследовательского подкорпуса

Код	Текст / источник	$E_{average}$	$L_{average}$	$O_{average}$	$D_{average}$	$D_{\%}$	Категория
01	ChatGPT-5.3 Instant / статья Т. Ф. Плехановой	93,0	93,3	93,2	-0,3	0,32	У
02	DeepSeek-V4 / статья М. С. Гутовской, Д. В. Шайбаковой	122,7	105,7	114,2	+17,0	14,9	В
03	Gemini 3 Flash / статья Т. Ф. Плехановой	119,3	99,0	109,2	+20,3	18,6	В
04	Alice AI LLM / статья Т. Ф. Плехановой	86,3	91,0	88,6	-4,7	5,3	У

Окончание таблицы 1

05	Alice AI LLM / статья М. С. Гутовской, Д. В. Шайбаковой	85,3	82,0	83,7	+3,3	3,9	У
06	DeepSeek-V4 / статья Т. Ф. Плехановой	111,3	108,3	109,8	+3,0	2,7	В
07	ECT – Т. Ф. Плеханова	101,3	108,0	104,7	–6,7	6,4	В
08	ChatGPT-5.3 Instant / статья М. С. Гутовской, Д. В. Шайбаковой	86,3	91,0	88,7	–4,7	5,3	У
09	GigaChat 2 Ultra / статья М. С. Гутовской, Д. В. Шайбаковой	113,3	89,0	101,2	+24,3	24,0	В
10	Gemini 3 Flash / статья М. С. Гутовской, Д. В. Шайбаковой	121,7	101,7	111,7	+20,0	17,9	В
11	ECT – М. С. Гутовская, Д. В. Шайбакова	125,0	113,3	119,2	+11,7	9,8	В
12	GigaChat 2 Ultra / статья Т. Ф. Плехановой	104,0	90,0	97,0	+14,0	14,4	У

Ни один из двенадцати текстов не получил квалификации «низкокачественный». Наименьший показатель $O_{average}$ зафиксирован для текста с кодом 05 (Alice AI LLM на научно-исследовательскую статью М. С. Гутовской, Д. В. Шайбаковой) – 83,7 балла, – что соответствует нижней половине удовлетворительного диапазона. То есть рассмотренные БЯМ в той или иной мере освоили структурно-стилистическую специфику научного дискурса и способны достаточно правдоподобно воспроизводить тексты теоретической и исследовательской направленности. Из двенадцати текстов семь отнесены к категории высококачественных. В порядке убывания $O_{average}$:

1. Статья М. С. Гутовской, Д. В. Шайбаковой (119,2 балла);
 2. DeepSeek-V4 / статья М. С. Гутовской, Д. В. Шайбаковой (114,2 балла);
 3. Gemini 3 Flash / статья М. С. Гутовской, Д. В. Шайбаковой (111,7 балла);
 4. DeepSeek-V4 / статья Т. Ф. Плехановой (109,8 балла);
 5. Gemini 3 Flash / статья Т. Ф. Плехановой (109,2 балла);
 6. ECT – статья Т. Ф. Плехановой (104,7 балла);
 7. GigaChat 2 Ultra / статья М. С. Гутовской, Д. В. Шайбаковой (101,2 балла).
- Пять текстов охарактеризованы как удовлетворительные:
8. GigaChat 2 Ultra / статья Т. Ф. Плехановой (97,0 баллов);

9. ChatGPT-5.3 Instant / статья Т. Ф. Плехановой (93,2 балла);
10. ChatGPT-5.3 Instant / статья М. С. Гутовской, Д. В. Шайбаковой (88,7 баллов);
11. Alice AI LLM / статья Т. Ф. Плехановой (88,6 баллов);
12. Alice AI LLM / статья М. С. Гутовской, Д. В. Шайбаковой (83,7 балла).

В числе высококачественных текстов оказались пять ИСТ. Два ИСТ – DeepSeek-V4 (код 06, $O_{average} = 109,8$) и Gemini 3 Flash (код 03, $O_{average} = 109,2$) на материале статьи Т. Ф. Плехановой – по общей оценке превосходили соответствующий ЕСТ-эталон (код 07, $O_{average} = 104,7$). Данное наблюдение, вероятнее всего, объясняется ориентированностью ИСТ на полное соответствие стандартам академического письма, тогда как ЕСТ Т. Ф. Плехановой – произведение с выраженной авторской позицией, которая не всегда совпадает со строгими конвенциями жанра. ЕСТ научно-исследовательской статьи не превосшла ни одна из БЯМ: разрыв между лучшим ИСТ (код 02, DeepSeek-V4, $O_{average} = 114,2$) и ЕСТ (код 11, $O_{average} = 119,2$) составляет 5 баллов.

Среднее $O_{average}$ пяти ИСТ на базе научно-исследовательской статьи равно 99,9 балла – на 19,3 балла ниже ЕСТ. Для общетеоретической статьи разрыв между средним $O_{average}$ ИСТ (99,56) и ЕСТ (104,7) существенно меньше – 5,14 балла. Превосходство антропогенного авторства сохраняется в наибольшей степени применительно к исследовательским текстам, а при создании теоретических статей БЯМ демонстрируют результаты, более сопоставимые с уровнем профессионального ученого. Данная закономерность коррелирует с природой знания, воплощенного в каждом из двух рассматриваемых жанров. Обзорно-теоретическая статья в значительной мере опирается на обобщение и анализ существующих научных публикаций, с чем ИИ-системы справляются весьма успешно. Исследовательская же статья требует аналитической интерпретации оригинальных эмпирических данных и демонстрации авторского вклада – того, что современные БЯМ воспроизводят менее качественно.

Обратимся к показателям $E_{average}$, $L_{average}$, $D_{average}$ и $D\%$, чтобы выявить характер расхождений между двумя типами оценщиков. Согласно принятому в методике критерию ($|D\%| > 10\%$), значимые расхождения между оценками экспертов и БЯМ выявлены для пяти текстов (в порядке убывания $|D\%|$):

1. GigaChat 2 Ultra / статья М. С. Гутовской, Д. В. Шайбаковой, $|D\%| = 24,0\%$;
2. Gemini 3 Flash / статья Т. Ф. Плехановой, $|D\%| = 18,6\%$;
3. Gemini 3 Flash / статья М. С. Гутовской, Д. В. Шайбаковой, $|D\%| = 17,9\%$;
4. DeepSeek-V4 / статья М. С. Гутовской, Д. В. Шайбаковой, $|D\%| = 14,9\%$;
5. GigaChat 2 Ultra / статья Т. Ф. Плехановой, $|D\%| = 14,4\%$.

Во всех пяти случаях $E_{average} > L_{average}$. Это обнаруживает закономерность: БЯМ более взыскательны, нежели эксперты, при оценке наиболее успешных ИСТ (4 из 5 обозначенных текстов ранее отнесены к категории высококачественных).

В список дважды попали генерации GigaChat 2 Ultra и Gemini 3 Flash, т. е. данные модели способны создавать тексты, которые эксперты-лингвисты склонны оценивать существенно выше, чем БЯМ. Это позволяет предположить, что данные модели создают тексты высокого качества, нюансы которых лучше улавливаются при автоматическом анализе, но менее заметны лингвистам. DeepSeek-V4 попала в перечень однократно и с небольшим расхождением ($|D\%| = 14,9\%$), поэтому аналогичный вывод для нее неправомерен. Генерации Alice AI LLM и ChatGPT-5.3 Instant значимых расхождений не показали. Вероятно, они содержат достаточное количество артефактов, которые одинаково заметны обеим категориям оценщиков. Умеренное (среднее) качество текста порождает согласие, а высокое качество, достигнутое некоторыми БЯМ, порождает разногласие между типами оценщиков.

Для ЕСТ М. С. Гутовской и Д. В. Шайбаковой $D\%$ составляет 9,8 %, приближаясь к десятипроцентному порогу значимости расхождений. Эксперты присвоили тексту максимальный балл ($E_{average} = 125$), тогда как средняя оценка БЯМ составила 113,3. Данное соотношение указывает на предел восприятия БЯМ-оценщиков. Они избегают слишком высоких оценок, удерживая диапазон 82–108 баллов (табл. 1), что соответствует оценкам «хорошо» и «очень хорошо», но никогда – «превосходно». Показатель $L_{average} = 113,3$ – наиболее высокий из всех оцененных текстов. Ни один научный текст не оценивается БЯМ на высший балл в целях избегания риска ошибочного завышения, которое могло быть истолковано как некомпетентность.

Среди пяти БЯМ выявлена иерархия по показателю $O_{average}$, воспроизводимая применительно к генерациям на оба ЕСТ (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Ранжирование БЯМ по показателю $O_{average}$

Модель	O_{avg} (статья Т. Ф. Плехановой)	O_{avg} (статья М. С. Гутовской, Д. В. Шайбаковой)	Среднее O_{avg}	% от макс.	Ранг
DeepSeek-V4	109,8	114,2	112,0	89,6 %	1
Gemini 3 Flash	109,2	111,7	110,45	88,4 %	2
GigaChat 2 Ultra	97,0	101,2	99,1	79,3 %	3
ChatGPT-5.3 Instant	93,2	88,7	90,95	72,8 %	4
Alice AI LLM	88,6	83,7	86,15	68,9 %	5

DeepSeek-V4 занимает первое место со средним $O_{average} = 112$ (89,6 %), минимально опережая Gemini 3 Flash – 110,45 (88,4 %). Данные БЯМ практически эквиваленты по эффективности при решении задачи порождения академических текстов, стабильно порождают высококачественные тексты

независимо от типа исходной статьи. Обе БЯМ применяют расширенные режимы обработки информации – «Глубокое мышление» (DeepSeek-V4) и «Deep research» в сочетании с «Думающей» моделью (Gemini 3 Flash), – что может свидетельствовать о значимой роли многошагового рассуждения БЯМ при создании академического текста.

GigaChat 2 Ultra занимает третью позицию ($O_{average} = 99,1; 79,3 \%$). Разрыв между GigaChat 2 Ultra и лидирующей парой составляет около 12–13 баллов, что существенно отделяет качество генераций DeepSeek-V4 и Gemini 3 Flash от следующих в иерархии БЯМ. Четвертую и пятую позиции занимают ChatGPT-5.3 Instant ($O_{average} = 90,95; 72,8 \%$) и Alice AI LLM ($O_{average} = 86,15; 68,9 \%$). Оба этих показателя соответствуют удовлетворительному качеству. Обе БЯМ используют режим «Рассуждать», что указывает на зависимость между глубиной механизмов рассуждения при генерации и итоговым качеством текста. Вероятной причиной отставания двух БЯМ может быть относительно небольшая величина их контекстного окна и ориентация на «живое» общение с пользователем в форме чата, коротких вопросов и ответов. Перечисленные факторы могли значительно повлиять на длину и качество выдач данных БЯМ в жанре научной статьи.

При сопоставлении средних значений межмодельная вариативность существенно различается в зависимости от типа исходного текста. Для общетеоретической статьи диапазон $O_{average}$ составляет $109,8 - 88,6 = 21,2$ балла; для научно-исследовательской статьи – $114,2 - 83,7 = 30,5$ балла. Ведущие системы (DeepSeek-V4, Gemini 3 Flash) при работе с исследовательской статьей демонстрируют высокие результаты, тогда как системы следующих уровней (Alice AI LLM, ChatGPT-5.3 Instant) проявляют более выраженное отставание, нежели при работе с теоретическим текстом. Тем не менее, ни в одном случае не зафиксировано изменения позиций при переходе от одного объекта генерации (общетеоретической статьи) к другому (научно-исследовательской статье). DeepSeek-V4 и Gemini 3 Flash неизменно превосходят GigaChat 2 Ultra, который, в свою очередь, неизменно превосходит ChatGPT-5.3 Instant и Alice AI LLM.

Для обнаружения особенностей ИСТ, которые являются преимуществами или, наоборот, недостатками генераций БЯМ, вычислены показатели E_{kAv} (средняя оценка всех экспертов по одному критерию) и L_{kAv} (средняя оценка всех БЯМ по одному критерию) для десяти ИСТ корпуса. Критерии, по которым осуществлялась оценка, ранжировано представлены в табл. 3 и зашифрованы с помощью обозначений O (общезыковые) и D (дискурсно-специфичные), порядковых номеров самих критериев и краткого описания содержания критерия. Критерии ранжированы по показателю E_{kAv} , определенному методикой как диагностический показатель характерных слабостей искусственного дискурса, доступных человеческому восприятию (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Ранжированный список критериев по среднему значению E_{kAv}
(по совокупности 10 ИСТ)

Ранг	Критерий	E_{kAv}	L_{kAv}	Δk
1	Д10 – корректность научных цитат	2,96	3,24	-0,28
2	Д13 – личный вклад автора	3,38	2,47	+0,91
3	Д3 – оформление (таблицы, ссылки)	3,54	3,30	+0,24
4	Д15 – глубина раскрытия темы	3,63	3,18	+0,45
5	Д2 – информативность, доказательность	3,73	2,97	+0,76
6	Д11 – фактическая точность	3,93	3,30	+0,63
7	О5 – отсутствие однотипных идей	3,96	3,04	+0,92
8	О3 – лексическое разнообразие	3,97	2,52	+1,45
9	О6 – синтаксическое разнообразие	4,00	2,85	+1,15
10	Д7 – коммуникативно-стилистическое соответствие	4,06	3,91	+0,15
11	О4 – терминологическая точность	4,23	4,32	-0,09
12	Д9 – отсутствие логических ошибок	4,27	3,54	+0,73
13	О7 – семантическая точность	4,30	3,90	+0,40
14	Д14 – отсутствие второстепенной информации	4,33	4,16	+0,43
15	О1 – отсутствие лексических повторов	4,34	3,35	+0,99
16	О2 – отсутствие тавтологии	4,34	3,68	+0,66
17	Д5 – соответствие научному стилю	4,34	4,19	+0,15
18	Д1 – научность темы	4,36	4,38	-0,02
19	Д6 – стилистическая чистота	4,37	4,33	+0,04
20	Д4 – композиционная структура	4,38	4,65	-0,27
21	Д12 – членение на абзацы	4,43	4,35	+0,08
22	О8 – грамматическая правильность	4,49	4,65	-0,16
23	Д8 – объективность изложения	4,64	4,51	+0,13
24	О9 – орфографическая грамотность	4,71	4,68	+0,03
25	О10 – пунктуационная грамотность	4,77	4,29	+0,48

Полученное распределение двадцати пяти позиций допускает выделение четырех качественно различных зон.

Зона критического дефицита ($E_{kAv} < 3,5$) включает два критерия: корректность научного цитирования (Д10) и демонстрация личного вклада автора (Д13). Это те аспекты, которые наиболее последовательно отмечаются лингвистами-оценщиками как недостатки представленных к анализу текстов. Зона повышенной уязвимости ($3,5 \leq E_{kAv} < 4,0$) включает шесть критериев – внешнее оформление научного аппарата (Д3), глубину раскрытия темы (Д15), информативность и доказательность (Д2), фактическую точность (Д11), отсутствие однотипных идей (О5) и лексическое разнообразие (О3). Эти аспекты отмечаются среди недостатков ИИ менее закономерно, и их появление в конкретной генерации зависит скорее от архитектурных особенностей БЯМ и сложности задания. Из упомянутых восьми позиций шесть принадлежат дискурсно-специфичной группе критериев и две – общеязыковой. ИСТ в большей мере страдают от неспособности соответствовать специфике научного дискурса, а не от некомпетентности в области владения языком.

Зона функционального освоения ($4,0 \leq E_{kAv} < 4,5$) охватывает тринадцать критериев. Восемь из тринадцати попавших сюда параметров относятся к дискурсно-специфичной группе: коммуникативно-стилистическое соответствие (Д7), отсутствие логических ошибок (Д9) и второстепенной информации (Д14), соответствие научному стилю (Д5), научность темы (Д1), стилистическая чистота (Д6), композиционная структура (Д4) и логичное членение на абзацы (Д12). Оставшиеся пять критериев зоны относятся к общеязыковой группе: синтаксическое разнообразие (О6), терминологическая точность (О4), семантическая точность (О7), отсутствие лексических повторов (О1) и тавтологии (О2). Таким образом, БЯМ способны удерживать научную тематику, выдерживать стилистику, композиционно организовывать текст и избегать большинства грубых логических сбоев. Однако их лексическая и синтаксическая вариативность оценивается человеком умеренно и при этом вызывает повышенную критику со стороны БЯМ-оценщиков (Δk по О3, О6, О1, О5).

Зона уверенного освоения со значением $E_{kAv} \geq 4,5$ включает четыре критерия – отсутствие грамматических ошибок (О8), объективность и абстрагированность изложения (Д8), орфографическую (О9) и пунктуационную (О10) грамотность. Эти параметры, в большинстве своем общеязыковые, освоены БЯМ практически безупречно с точки зрения человека-эксперта, и именно по ним между человеческой и машинной оценками достигается максимальное согласие. По орфографии (О9) расхождение Δk составляет всего +0,03, по объективности (Д8) +0,13, по грамматике (О8) оно и вовсе отрицательно (-0,16), а значит, машинная оценка здесь даже несколько выше экспертной. Более заметный разрыв по пунктуации (+0,48) все равно остается далеким от значений, характерных для лексико-синтаксических критериев. Такая согласованность свидетельствует о том, что языковая и стилевая пра-

вильность – те качества, где способности БЯМ и ожидания академического сообщества практически совпадают. Однако это не следует интерпретировать как полноценное владение академическим дискурсом. Это прежде всего способность БЯМ воспроизводить поверхностные особенности текста, сформированные в результате обучения на массивах выверенных письменных источников.

Столбец Δk фиксирует в количественных показателях разницу между экспертной и машинной строгостью оценки. Преобладание положительных значений Δk (18 из 25) подтверждает большую строгость БЯМ-оценщиков и их особую чувствительность к тем параметрам текста, которые обусловлены статистической природой порождения. Максимальное положительное расхождение зафиксировано для критерия ОЗ «лексическое разнообразие» ($\Delta k = +1,45$), за ним следует Об «синтаксическое разнообразие» ($\Delta k = +1,15$) и О5 «отсутствие однотипных идей» ($\Delta k = +0,92$). Все три показателя принадлежат к группе общеязыковых и отражают вариативность речевого оформления. Тогда как человек-эксперт помещает эти же критерии в нижнюю часть зоны функционального освоения (E_{kAv} от 3,96 до 4,00), БЯМ-оценщик проявляет здесь экстремальную требовательность. БЯМ обладает большей восприимчивостью к повторяемости n-грамм, однообразию синтаксических конструкций и повторяемости одной и той же информации, присущих ее собственным генерациям. Эксперт может не замечать или не воспринимать данные аспекты как критический недостаток.

Отрицательные значения Δk , указывающие на большую снисходительность БЯМ по сравнению с человеком, образуют небольшую группу критериев, связанных с формальной нормативностью и фундаментальными параметрами научного текста. Наиболее показателен здесь критерий Д10 «корректность научных цитат» ($\Delta k = -0,28$), который идет первым в зоне критического дефицита по вердикту экспертов ($E_{kAv} = 2,96$), но получает от БЯМ более высокую оценку ($L_{kAv} = 3,24$). Данный феномен указывает на известную уязвимость БЯМ – неспособность верифицировать фактическое существование источника и релевантность цитируемого фрагмента. При проверке БЯМ оценивают скорее формальное правдоподобие библиографической записи и ее интеграцию в текст, но не ее истинность, тогда как эксперт фокусируется на обратном.

Помимо анализа двух рядов оценок (экспертной и машинной) методологически оправдан и анализ их объединения. Для каждого текста по двадцати пяти критериям вычислен сводный покритеиальный показатель как среднее арифметическое между E_{kAv} и L_{kAv} . Табл. 4 демонстрирует усредненные покритеиальные показатели 10 ИСТ исследовательского корпуса по общеязыковым и дискурсно-специфичным критериям, расположенным в порядке возрастания сводного балла с принятыми обозначениями – О (общеязыковые критерии) и Д (дискурсно-специфичные).

Ранжированный список 25 критериев по сводному показателю

Ранг	Критерий	Сводный балл
1	Д13 – личный вклад автора	2,94
2	Д10 – корректность научных цитат	3,13
3	О3 – лексическое разнообразие	3,26
4	Д2 – информативность, доказательность	3,38
5	Д15 – глубина раскрытия темы	3,43
6	О6 – синтаксическое разнообразие	3,45
7	Д3 – оформление научного аппарата	3,46
8	О5 – отсутствие однотипных идей	3,52
9	Д11 – фактическая точность	3,64
10	О1 – отсутствие лексических повторов	3,86
11	Д9 – отсутствие логических ошибок	3,93
12	Д7 – коммуникативно-стилистическое соответствие	4,00
13	О2 – отсутствие тавтологии	4,04
14	О7 – семантическая точность	4,12
15	Д14 – отсутствие второстепенной информации	4,26
16	Д5 – соответствие научному стилю	4,29
17	О4 – терминологическая точность	4,30
18	Д6 – стилистическая чистота	4,38
19	Д1 – научность темы	4,40
20	Д12 – членение на абзацы	4,42
21	Д4 – композиционная структура	4,53
22	О10 – пунктуационная грамотность	4,57
23	О8 – грамматическая правильность	4,59
24	Д8 – объективность изложения	4,60
25	О9 – орфографическая грамотность	4,72

Наименее успешным для соблюдения критерием становится личный вклад автора (Д13), который даже с учетом более высокой экспертной оценки (3,38) под влиянием оценки БЯМ ($\Delta k = +0,91$) становится самым проблемным аспектом генераций. Следом идет корректность научных цитат (Д10) – единственный критерий, для которого отрицательное расхождение не смогло вывести его из зоны дефицита, а наоборот, подтвердило неспособность модели распознавать фиктивные ссылки. В этой же группе оказываются информативность и доказательность (Д2), глубина раскрытия темы (Д15)

и оформление научного аппарата (Д3), т. е. практически вся архитектура научной аргументации. На противоположном полюсе с максимальным сводным баллом (4,72) находится орфографическая грамотность (О9), объективность изложения (Д8), грамматическая правильность (О8) и пунктуационная грамотность (О10). Этим подтверждается наблюдение о том, что ИСТ относительно успешно имитирует внешние признаки научного стиля, но не совсем успешно справляется с аспектами, которые требуют субъектности и содержательной глубины.

Нижняя зона критического дефицита ($< 3,5$ балла) сильно расширяется – с двух критериев по E_{kAv} до семи по сводному показателю (к Д10 и Д13 присоединяются О3, Д2, Д15, О6, Д3), т. е. равновзвешенное участие машинной оценки более чем втрое увеличивает число дефицитарных параметров. Однако верхняя зона уверенного освоения ($\geq 4,5$ балла), вопреки логике общего понижения значений при подключении более строгого оценщика, не сокращается, а, напротив, расширяется с трех позиций (Д8, О9, О10) до пяти: к ним присоединяются композиционная структура (Д4) и отсутствие грамматических ошибок (О8) – два критерия, для которых Δk отрицателен и для которых исходная экспертная оценка была изначально близка к порогу (4,38 и 4,49 соответственно).

Промежуточное положение зоны функционального освоения (сводные баллы от 4,00 до 4,49) также претерпевает качественную трансформацию. Если в экспертной оценке эта зона включала 13 критериев, в том числе многие общеязыковые показатели (О1, О2, О3, О5, О6), то теперь она сокращается до девяти. В функциональной зоне остаются преимущественно дискурсно-специфичные критерии: коммуникативно-стилистическое соответствие (Д7), отсутствие второстепенной информации (Д14), соответствие научному стилю (Д5), стилистическая чистота (Д6), научность темы (Д1) и членение на абзацы (Д12). Иными словами, жанровая адекватность на среднем уровне признается удовлетворительной обеими сторонами, но не до конца освоенной. Из общеязыковых параметров здесь удерживаются лишь те, по которым наблюдалось либо минимальное расхождение (терминологическая точность, семантическая точность), либо по которым машинная строгость не была экстремальной (отсутствие тавтологии).

Средний сводный балл по всей совокупности критериев составляет около 3,97, что ощутимо ниже среднего экспертного ($\approx 4,14$) и выше среднего машинного ($\approx 3,80$). Там, где качество текста определяется алгоритмически верифицируемыми правилами (орфография, грамматика, композиция), сводная оценка максимальна. В измерениях, требующих интенциональности, ответственности за истинность высказывания, содержательной новизны и индивидуального авторского голоса, она опускается до критических значений.

Покритериальный анализ показал, что наиболее резкие ранговые перестановки при переходе от экспертной оценки к сводному показателю кон-

центрируются в общеязыковой группе критериев. Для выявления закономерностей, определяющих различие в восприятии языковой и дискурсной нормы, необходимым становится обобщение данных на уровне критериальных групп. Сопоставление средних значений по совокупности десяти анализируемых в исследовании ИСТ для двух классов критериев – общеязыковых (О1–О10) и дискурсно-специфичных (Д1–Д15) – представлено в табл. 5.

Т а б л и ц а 5

Сравнение групп критериев по совокупности 10 ИСТ

Группа	E_{kAv}	L_{kAv}	Δk
Общеязыковые (О1–О10)	4,311	3,728	+0,583
Дискурсно-специфичные (Д1–Д15)	4,023	3,765	+0,258

С точки зрения экспертов, общеязыковая компетентность ИСТ оценивается значительно выше, нежели дискурсно-специфичная: средняя экспертная оценка для группы общеязыковых критериев составляет 4,311 против 4,023 для дискурсно-специфичных, т. е. разрыв достигает 0,288 балла. В восприятии человека-эксперта основные проблемы академического ИСТ сосредоточены прежде всего в области следования жанрово-дискурсивной специфике, а владение языковой нормой мыслится как более освоенная область. Иначе распределяются приоритеты среди БЯМ-оценщиков. Для них средняя оценка обеих групп практически равна: L_{kAv} для общеязыковых критериев (3,728) оказывается немного ниже, чем для дискурсно-специфичных (3,765). Ключом к пониманию этого расхождения служит средняя разность оценок Δk . Для общеязыковой группы она составляет +0,583, что более чем вдвое превышает аналогичный показатель для дискурсно-специфичной группы (+0,258). Это следствие того, что среднее значение Δk для общеязыковой группы (+0,583) более чем вдвое превышает среднее значение для дискурсно-специфичной группы (+0,258). БЯМ-оценщики требовательны к лексико-синтаксической текстуре текста, тогда как в оценке жанрово-дискурсивной адекватности их позиция значительно ближе к экспертной.

Данная закономерность имеет когнитивно-технологическую интерпретацию. Большая языковая модель, будучи по своей природе статистическим генератором, обладает чувствительностью к закономерностям лексической сочетаемости, синтаксического варьирования и распределения n-грамм. Оценивая чужую генерацию, БЯМ в значительной степени проецирует на нее те критерии, которые усвоены ею в ходе обучения на текстовых массивах, и потому фиксирует малейшие отклонения от ожидаемого языкового разнообразия как существенный дефект. Напротив, распознавание дискурсно-жанровой адекватности требует не столько статистической, сколько содер-

жательно-нормативной компетенции – способности соотнести текст с эталонными текстами жанра. В этой области способности БЯМ-оценщика и человека-эксперта, как показывают средние значения, сближаются, однако природа этой близости амбивалентна: модель не столько глубже понимает дискурс, сколько проявляет меньшую чувствительность к его тонким нарушениям, которые эксперт распознает точнее.

Усреднение оценок по всей совокупности текстов несколько нивелирует индивидуальные различия между БЯМ, каждая из которых обладает набором сильных и слабых сторон. В связи с этим выполнено усреднение экспертных оценок (E_{kAv}) по двум генерациям для каждой из пяти моделей. Результаты этого усреднения сведены в табл. 6, где для каждой модели указаны средний балл по общеязыковой группе критериев (О-группа), средний балл по дискурсно-специфичной группе (Д-группа) и разрыв между ними (О–Д).

Т а б л и ц а 6

Профили БЯМ по группам критериев (E_{kAv})

Модель	О-группа	Д-группа	Разрыв О–Д
Gemini 3 Flash	4,82	4,81	0,01
DeepSeek-V4	4,73	4,65	0,08
GigaChat 2 Ultra	4,64	4,17	0,47
ChatGPT-5.3 Instant	3,52	3,36	0,16
Alice AI LLM	3,85	3,13	0,72

Оценки Gemini 3 Flash и DeepSeek-V4 находятся в зоне уверенного и высокого освоения по обеим группам критериев. Для Gemini 3 Flash разрыв О–Д составляет всего 0,01 балла, что свидетельствует о практически идеальной сбалансированности языковой и дискурсно-жанровой компетенций в восприятии экспертов. DeepSeek-V4 демонстрирует высокий уровень (4,73 и 4,65 соответственно) с более заметным, но все еще минимальным разрывом в 0,08 балла. Эти БЯМ проявили себя как системы, владеющие лексико-синтаксическими ресурсами языка и способные соблюдать правила научного дискурса.

Оценки ChatGPT-5.3 Instant (3,52 по О-группе и 3,36 по Д-группе) располагаются на границе зоны повышенной уязвимости, а разрыв О–Д в 0,16 балла фиксирует незначительную склонность к более низкой дискурсной компетентности. ChatGPT-5.3 Instant в данном случае не достигает порога зрелого академического текстопорождения ни в языковом, ни в жанровом отношении.

GigaChat 2 Ultra получает высокую оценку по общеязыковым критериям (4,64), однако ее дискурсно-специфичная оценка падает до 4,17, что фор-

мирует разрыв в 0,47 балла. БЯМ владеет нормами языка, но уступает в глубине раскрытия темы, информативности, корректности оформления научного аппарата и параметрах, связанных с прагматикой академического жанра. Такой набор черт указывает на то, что сильная БЯМ сама по себе не гарантирует адекватности порождаемого научного текста.

Еще более отчетливо эта закономерность проявлена у Alice AI LLM. При приемлемой общеязыковой оценке 3,85 дискурсно-специфичная группа опускается до 3,13, давая максимальный среди всех моделей разрыв в 0,72 балла. Alice AI LLM – случай удовлетворительной языковой компетенции без дискурсной состоятельности. Текст порождается грамотно и разнообразно с точки зрения языка, но мало соответствует требованиям, предъявляемым к научной публикации. Это пример того, как владение системой языка и владение знаниями об особенностях жанра могут существовать автономно.

Общеязыковая компетенция, освоенная изученными БЯМ на уровне орфографической, грамматической и пунктуационной нормы, выступает необходимым, но не достаточным условием качественного академического текстопорождения. Дефицитарными оказываются параметры, требующие содержательной, а не формальной ответственности за высказывание (глубина раскрытия темы, доказательность, корректность научного цитирования, выраженность личного авторского вклада). Это та зона, где востребована эпистемическая позиция говорящего, по определению недоступная ИИ-системе.

Повышенная требовательность БЯМ к лексико-синтаксическому разнообразию при одновременной неспособности верифицировать фактическую достоверность и подлинность цитируемых источников указывает то, что БЯМ-оценщик распознает текст как соответствие усвоенному статистическому шаблону, тогда как эксперт-лингвист оценивает его как претендующее на истинность высказывание. Построенная типология БЯМ по соотношению общеязыковых и дискурсно-специфичных показателей демонстрирует, что данные измерения качества генерации относительно независимы, а степень их рассогласования может служить индикатором дискурсивной зрелости системы. Установлена уязвимость существующих методов оценки именно в отношении наиболее качественных генераций (чем ближе сгенерированный текст к жанровому эталону, тем хуже он поддается распознаванию). Проблема оценки ИСТ выходит за рамки лингвистической задачи и становится частью более широкого вопроса – обеспечения безопасности академической среды в условиях, когда ИСТ становится все более убедительным.

Совокупность полученных данных подтверждает продуктивность интегративной лингводискурсивной методики как инструмента, способного зафиксировать расхождение между ЕСТ и ИСТ, распределение зон уверенного освоения, функциональной адекватности и критического дефицита по конкретным лингвистическим параметрам. Дальнейшая перспектива иссле-

дования связана с расширением корпуса за счет иных жанров, что позволит установить, в какой мере выявленные закономерности носят универсальный характер или, напротив, обусловлены спецификой русскоязычного академического дискурса и привлеченных для анализа БЯМ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Liang, W.* Quantifying large language model usage in scientific papers / W. Liang, Y. Zhang, Z. Wu [et al.] // *Nature Human Behaviour*. – 2025. – Т. 9. – № 12. – P. 2599–2609.
2. *Schmidtova, P.* Automatic metrics in natural language generation: a survey of current evaluation practices / P. Schmidtova, S. Mahamood, S. Balloccu [et al.] // *Proceedings of the 17th International Natural Language Generation Conference*. – 2024. – P. 557–583.
3. *Van Miltenburg, E.* How reproducible are fluency ratings of generated text? / E. Van Miltenburg, A. Braggaar, N. Braun [et al.] // *Proceedings of the Fourth Workshop on Human Evaluation of NLP Systems*. – 2024. – P. 132–144.
4. *Fu, X.* How reliable is multilingual LLM-as-a-judge? / X. Fu, W. Liu // *Findings of the Association for Computational Linguistics: EMNLP 2025*. – 2025. – P. 11040–11053.
5. *Wei, H.* Systematic evaluation of LLM-as-a-judge in LLM alignment tasks: explainable metrics and diverse prompt templates / H. Wei, S. He, T. Xia [et al.] // *arXiv preprint arXiv:2408.13006*. – 2024.
6. *Гутовская, М. С.* Интегративная лингводискурсивная методика исследования продуктов искусственного текстопорождения / М. С. Гутовская, Д. В. Шайбакова // *Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология*. – 2026. – № 2. – С. 32–40.
7. *Mueller, J.* The Authentic Assessment Toolbox: Enhancing Student Learning through Online Faculty Development / J. Mueller // *Journal of Online Learning and Teaching*. – 2005. – № 1. – URL: <http://jfmueLLer.faculty.noctrl.edu/toolbox/rubrics.htm> (date of access: 07.04.2026).

Поступила в редакцию 07.07.2026

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.111

Алексеевко Янина Алексеевна

аспирант,
преподаватель кафедры зарубежной
литературы
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Yanina Aliakseyenka

PhD Student,
Lecturer of the Department of Foreign Literature
Belarusian State University
Minsk, Belarus
Alexeenko_1999@mail

ФИКЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ У. ШЕКСПИРА В АНГЛОФОННОМ
ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XXI ВЕКА

Статья посвящена специфике ревизии жизни и творчества У. Шекспира в англофонной историко-биографической прозе XXI в. Раскрываются предпосылки мифологизации личности драматурга и компоненты биографического мифа об У. Шекспире. Устанавливаются ключевые составляющие шекспировского кода и формы его репрезентации в литературе. Выявляются особенности жанровой динамики в англоязычном историко-биографическом дискурсе на пересечении постмодернизма и метамодернизма.

Ключевые слова: *англофонная литература; биографический миф; жанровая динамика; историко-биографический дискурс; метамодернизм; постмодернизм; фикционализация; шекспировский код.*

FICTIONALIZATION OF W. SHAKESPEARE'S PERSONALITY
IN THE ANGLOPHONE HISTORICAL AND BIOGRAPHICAL DISCOURSE
OF THE 21ST CENTURY

The article deals with the specifics of the revision of W. Shakespeare's life and works in the Anglophone historical and biographical fiction of the 21st century. The prerequisites for the mythologizing of the playwright's personality and the components of Shakespeare biographical myth are revealed. The key components of the Shakespearean code and the forms of its literary representation are defined. The features of genre dynamics in the English-language historical and biographical discourse at the intersection of postmodernism and metamodernism are identified.

Key words: *Anglophone literature; biographical myth; fictionalization; genre dynamics; historical and biographical discourse; metamodernism; postmodernism; Shakespeare code.*

В условиях глобализации и кризиса идентичности в XXI в. намечается универсальная тенденция к реконструкции в литературе большого исторического нарратива. В начале нового тысячелетия актуализируется поиск опоры в прошлом и стремление к ремифологизации важных в контексте национальной истории событий и персоналий. Наследие У. Шекспира (*William Shakespeare*, 1564–1616), неразрывно связанное с елизаветинской эпохой, является одной из главных составляющих национального самосознания и литературной традиции в англоязычном пространстве, частью

культурного кода стран Великобритании, США, Австралии, Индии, Канады. На протяжении нескольких веков англоязычные литераторы и иные деятели культуры обращаются к осмыслению жизни и творчества классика в различных формах в рамках интертекстуальной игры с английской литературной традицией и художественной реализации биографического мифа об У. Шекспире (в исторических и биографических романах, литературно-критических эссе, пересказах и адаптациях шекспировских сюжетов, мюзиклах, популярных сериалах, кино и т. д.).

Исторически мифологизации личности драматурга способствуют следующие факторы: большое количество пробелов в сведениях о его личной жизни (полное отсутствие информации о нескольких годах в его биографии), исключительный статус творческого наследия классика в рамках западного литературного канона, романтический культ гения и викторианский культ Шекспира (феномен бардопоклонничества), распространение концепций антишекспиризма и популяризация конспирологических теорий, влияние мировоззренческих и эстетических принципов постмодернизма. Возникновение антистратфордианских теорий наблюдается в XVIII в., активное развитие идеи получают во второй половине XIX в.

Основой биографического мифа о писателе всегда выступают реальные факты из жизни, подкрепленные сохранившимися документальными свидетельствами. Биографический миф может быть результатом как осознанной фикционализации собственного образа (в автобиографиях / мемуарах, романах-автофикциях и т. д.), так и многочисленных интерпретаций его жизни и творчества другими литераторами [1]. *Биографический миф об У. Шекспире* – это закреплённый в массовом сознании динамичный образ драматурга, который непрерывно переосмысливается и дополняется с учетом динамики культурного процесса. Он включает достоверно известные сведения о жизни драматурга; собирательный образ классика, формирующийся в результате фикционализации его жизни (в том числе членов его семьи – прежде всего, Э. Хэтэуэй, сына Хамнета, ряда современников, например, К. Марло (*Christopher Marlowe*, 1564–1593), Ф. Бэкона (*Sir Francis Bacon*, 1561–1626), Э. Ланьер (*Aemilia Lanyer*, 1569–1645), вымышленных возлюбленных, родственников и т. д.) с целью заполнить биографические лакуны; реалии елизаветинской эпохи, с которой неразрывно связано наследие У. Шекспира; антистратфордианские теории, объединяющие фигуры барда и его современников; рецепцию творчества сквозь призму биографического подхода.

Биографический миф об У. Шекспире является частью *шекспировского кода*. Шекспировский код составляют компоненты биографического мифа об У. Шекспире и совокупность его научных и художественных интерпретаций; шекспировский канон и шекспировский интертекст (в широком смысле вбирает в себя и поле интермедиальных взаимодействий с пьесами и сонетами в других видах искусства); историко-культурный контекст елизаветинской эпохи (творческое наследие старших и младших современников

У. Шекспира; корпус значимых в контексте английской действительности XVII в. персоналий, событий и локаций, научных достижений, религиозных воззрений, языковых особенностей, специфики повседневной жизни); элементы диалога и полемики с драматургом и его творческими методами в литературно-критических работах последующих эпох.

На разных этапах литературного процесса актуализируются те или иные компоненты шекспировского кода. Для романтизма в контексте культа гения важен, в первую очередь, биографический миф об У. Шекспире, подчеркивается исключительное значение его личности и творчества для английской литературы (достаточно вспомнить о викторианском феномене бардопоклонничества, который критикует Б. Шоу на рубеже XIX–XX вв.). Параллельно в реалистической парадигме жизненный путь драматурга раскрывается в историческом контексте, поскольку классик воспринимается, прежде всего, как выдающийся представитель славной елизаветинской эпохи. В противовес культу Шекспира с XIX в. систематически выдвигаются антистратфордские теории, в центре которых также находятся личность драматурга и детали его биографии. Авторы «новой биографии» начала XX в. фокусируются на внутреннем мире известной персоналии и стремятся к созданию достоверного психологического портрета елизаветинца, отказываются от детальной реконструкции исторического и литературного контекста XVII в., концентрируя внимание на отдельных периодах в биографии.

До второй половины XX в. писатели ориентируются на факты в попытке воссоздать творческий путь и образ классика в документальных биографиях, исторических романах, литературных биографиях и портретах, беллетризованных биографиях. В рамках постмодернизма У. Шекспир – это, прежде всего, текст в широком смысле слова, культурный код, центр западного литературного канона, а не личность и субъект истории. Шекспировский канон подвергается деконструкции, шекспировский интертекст становится формой и одновременно результатом игры с английской традицией. На рубеже XX–XXI вв. наблюдается синтез сохраняющих значимость принципов постмодернизма с новыми идеями и тенденциями, что отмечают Т. Красавченко [2], Б. Проскурин [3], Л. Хабибуллина [4] и др. В конце прошлого столетия возникает необходимость в иных мировоззренческих и эстетических установках, которые отвечали бы вызовам общества на рубеже веков (о «смерти» постмодернизма исследователи, в том числе Л. Хатчеон, говорят с 1980-х гг.) [5]. Г. Лушникова и Т. Осадчая подчеркивают, что в настоящее время на постсоветском пространстве не существует общепринятого определения данного явления: «Изучая новую пост-постмодернистскую литературу, исследователи находятся в поиске термина для ее обозначения. Среди наиболее часто встречающихся можно назвать “поздний пост-модернизм”, “постпостмодернизм”, “метамодернизм”, “новая искренность” и другие. Приставка “пост” в “постмодернизме” означает и сохранение установок модернизма, и его критику. Пост-постмодернизм, в свою очередь, делает

попытку реконструкции того, что было подвергнуто деконструкции в постмодернизме, при этом также сохраняя многие его установки» [6, с. 125]. Наиболее удачным термином для обозначения зарождающейся художественной системы и особенностей взаимодействия ее компонентов с постмодернистской парадигмой считается вариант «метамодернизм», который закрепился в западном литературоведении, – он подчеркивает пограничный, двойственный, характер современной культуры и ее тесную связь с предшествующей эпохой [7].

В основе постмодернистского мировоззрения лежат принципы глобальной иронии и тотального деконструктивизма, установка на плюрализм истин и невозможность объективного постижения мира, идея об ускользающей идентичности и стремление к универсализму, отказ от концепции «большой истории», утрата доверия к общепринятым историческим нарративам, представления о нелинейности времени и циклической концепции истории. В литературе эти концепции реализуются через активное использование темпоральных сдвигов, приемов проспекции и ретроспекции, особенно в историографической метапрозе; деконструкцию жанрового канона, пародирование и эксперименты с формульными жанрами массовой литературы в рамках игры с традицией и читательскими ожиданиями [8]. В рамках метамодернизма наблюдается возврат к онтологическим проблемам общечеловеческого масштаба (принятие различных взглядов на реальность, акцент на межличностных отношениях и внутреннем мире человека, актуализация вопроса о способах преодоления травматического опыта; использование приемов реализма для максимально достоверного и объективного изображения реальности, в том числе исторической, возврат к миметическому воссозданию действительности – детализация описаний, динамичность персонажей, социокультурный контекст).

Новая культурная парадигма отличается стремлением к созданию целостной картины мира, актуализацией категорий индивидуального и национального на фоне глобализации и кризиса как личной, так и коллективной идентичности (обращение к личностям и событиям, имеющим важное значение в контексте национальной культуры и истории), поиском причинно-следственных связей между событиями прошлого и настоящим. Метамодернизм реабилитирует веру в «большие нарративы» (метанарративы), что не предполагает объективность в изображении исторических реалий, подчеркивается субъективность авторской интерпретации общеизвестных фактов, событий и персоналий (свободное смешение факта и вымысла в художественном произведении для заполнения фактических лакун). В литературе XXI в. происходит ревизия жанров, жанровый синтез в историко-биографическом дискурсе обусловлен стремлением писателей к реконструкции образа исторической фигуры с учетом контекста эпохи, установкой на диалог и игру с читателем [9]. Игра, характерная для пост-

модернизма, остается одним из ключевых мировоззренческих принципов и способов организации художественной действительности в соответствии с авторскими интенциями.

Для метамодернистской литературы исключительную значимость имеет диалог с читателем: взаимодействие компонентов триады «автор – текст – читатель» обеспечивается игрой с читательскими ожиданиями посредством жанровой формы. В XXI в. жанр воспринимается как подвижная и открытая система, чем обеспечивается жанровая динамика в рамках литературного процесса: различные формы взаимодействуют в соответствии с тенденциями времени и авторскими интенциями. Жанровый синтез – один из доминирующих художественных приемов в новейшей литературе, определяющий фактор и инструмент жанровой динамики на стыке постмодернизма и метамодернизма. Он подразумевает слияние нескольких жанровых парадигм внутри одного произведения, что приводит к равноценному обмену составляющими и размыванию границ между ними, затрудняет жанровую атрибуцию текста [10].

В представлении М. Бахтина жанр – это высказывание, рождающееся из единства темы, композиции и стиля [11]. Согласно Н. Лейдерману, жанр – это не что иное, как мировоззренческая модель, которая предполагает взаимодействие содержания и формы, которое раскрывается только в процессе рецепции [12]. Если художественное произведение – это определенный образ мира, то жанр – это способ миромоделирования. Если текст – это высказывание (действие), дискурс – совокупность таких высказываний, объединенных ситуацией и интенциями участников коммуникации, то жанр – это тип высказывания в рамках того или иного дискурса, отличающийся заданными функциями и соответствующей формой. И. Силантьев, рассматривая отношения между дискурсом, текстом и жанром, приходит к следующему выводу: «В принципе, дискурс как таковой идентифицируется в общем коммуникативном поле культуры и социальной деятельности постольку, поскольку реализует свою особенную, ему свойственную коммуникативную стратегию – некую общую и в то же время специализированную коммуникативную цель и соответствующие ей дискурсивные средства. <...> Важно другое: коммуникативная стратегия дискурса выступает доминантой, своего рода “гипер-интенцией” по отношению к интенциональным характеристикам жанров (напомним, типов высказываний), составляющих целое дискурса» [13, с. 81]. Так, под *историко-биографическим дискурсом* понимается корпус художественных текстов (как в синхронической, так и в диахронической перспективе), для которых характерны близкие стратегии фикционализации исторической действительности в контексте выбранной эпохи, общие формы рецепции жизни и творчества известной персоналии и схожие жанровые черты.

Так, в настоящее время, на стыке постмодернистской и метамодернистской художественных парадигм, реализуется комплексный подход

к феномену У. Шекспира (личность, эпоха и интертекст воспринимаются как единое целое). Воплощение биографического мифа об У. Шекспире и фикционализация его личности в историко-биографическом дискурсе сопровождается равноправным слиянием компонентов ряда жанровых форм в соответствии с авторскими интенциями. Жанровые модификации историко-биографической прозы, к примеру, представлены в следующих романах об У. Шекспире: альтернативной истории «Покоренная Британия» (*Ruled Britannia*, 2002) Г. Тертлдава, беллетризованной биографии «Завещание Шекспира» (*Will*, 2007) К. Раша, детективе «Сердце тигра» (*A Tiger's Heart*, 2009) Ю. К. Айреса («Код Шекспира» Дж. Андервуда), историографическом метаромане «Бастард г-на Шекспира» (*Mr. Shakespeare's Bastard*, 2010) Р. Б. Райта, экзофикции «Уильям и Сюзанна: тайны семьи Шекспира» (*William and Susanna: Shakespeare's Family Secrets*, 2016) Л. С. Пембрук, хронофантастике «Небеса» (*The Heavens*, 2019) С. Ньюман, неоисторическом романе «Хамнет» (*Hamnet*, 2020) М. О'Фаррелл. Под *жанровыми модификациями* историко-биографической прозы понимаются не столько фиксированные жанровые разновидности исторического и биографического романов, сколько постепенные структурные и функциональные преобразования традиционных жанровых форм, обусловленные тенденциями литературного процесса и спецификой жанровой динамики в определенной культурно-исторической ситуации [14].

Авторы новейших романов об У. Шекспире не выдвигают новые теории касательно жизни и творчества классика – они представляют свою точку зрения на известные факты и теории, предлагают индивидуально-авторские интерпретации биографического мифа об английском драматурге, моделируют персонажей и ситуации в заданном историческом контексте. *Фикционализация* в данном случае предполагает воплощение документального материала (исторических событий и биографических сведений) в литературном произведении, смешение элементов факта и вымысла в той или иной степени в пределах отдельно взятого художественного универсума или дискурса.

Современные англоязычные писатели стремятся не только создать целостный образ драматурга и заполнить биографические лакуны, но и отразить атмосферу елизаветинской эпохи в рамках фикционализации личности и истории в историко-биографической литературе. Комплексный подход к реализации шекспировского кода в современной англофонной литературе способствует жанровой динамике за счет соединения черт историографической и биографической прозы с использованием жанровых форм детектива, триллера, любовного романа, «попаданческой» разновидности фантастики (изменения затрагивают все уровни поэтики – усложняются нарративные стратегии, сюжетно-композиционная организация, хронотоп, разделение на элитарную и массовую литературу нивелируется).

Наблюдается синтез приемов «элитарной» и «массовой» литературы. Изначально подобная дифференциация была весьма условной и имела конвенциональную природу, поскольку в рамках различных эпох и направлений на периферии литературного процесса оказывались те или иные жанры в зависимости от доминирующих тенденций, в том числе и сам исторический роман считался разновидностью несерьезной литературы. В историко-биографической прозе читателями распознается не только «интеллектуальный» пласт в виде шекспировского кода (для чего местами требуется филологическая подготовка и определенная доля начитанности), но и знакомые и понятные жанровые стратегии. Классификация историко-биографических романов о драматурге, таким образом, носит прикладной и отчасти условный характер, поскольку на данном этапе литературного процесса неустойчивые и абстрактные дифференциальные признаки жанров свободно смешиваются в рамках одного литературного произведения. Критериями для выделения жанровой доминанты могут служить авторская интенция (биографический миф или исторический нарратив как сюжетный стержень), степень фактографичности (преобладание документальной составляющей или вымысла), выбор нарративной стратегии.

Таким образом, фикционализация личности У. Шекспира в англофонном историко-биографическом дискурсе XXI в. на пересечении постмодернистской и метамодернистской парадигм (жанровый синтез, интертекстуальная игра, апелляция к общекультурным ценностям, игра с литературной традицией, авторская интерпретация истории в контексте множественности истин, преобладание вымышленной составляющей, реконструкция эпохи) способствует установлению связей между традицией и современностью, укреплению национального самосознания и коллективной идентичности, активизации диалога культур в мировом пространстве (которое не ограничивается англоговорящими странами). Индивидуально-авторские формы репрезентации биографии и истории определяют тенденции дальнейшего развития литературы в русле жанровой динамики, обеспечивают активное вовлечение читательской аудитории в литературный процесс посредством синтеза интеллектуальной прозы и достижений массовой жанровой литературы.

Установка на пересмотр истории, ремифологизацию событий и персоналий с учетом новой парадигмы субъекта, постмодернистская ориентация на множественность возможных версий известных событий, метамодернистская «новая искренность» обуславливают появление в XXI в. синкретической историко-биографической прозы, в центре которой находится У. Шекспир как комплексный культурный феномен (яркий пример – рецепция наследия драматурга в форме экзофикции, которая предполагает реализацию биографического мифа в контексте национального прошлого и культурной традиции). Фикционализация личности драматурга в англофонной литературе XXI в. предполагает синтез различных форм биографической и исторической прозы – от беллетризованной биографии и историографического метаромана

до жанров «массовой» литературы: детектива – конспирологического, исторического, искусствоведческого; (шпионского) триллера; «попаданческой» разновидности хронофантастики; любовного романа.

Соединение различных жанров происходит за счет авторской игры с компонентами различных уровней текста – 1) сюжета (акцент на межличностных отношениях и внутренних конфликтах, отказ от панегиричности, раскрытие переживаний героев на фоне большой истории); 2) хронотопа (нелинейность и отступление от принципа хронологической точности в изложении событий, наличие нескольких временных пластов и основных мест действия, что непосредственно влияет на усложнение композиции); 3) системы персонажей (психологизация образов реальных и вымышленных героев посредством внутренних монологов, исповедальных элементов, диалогов, сновидений); 4) нарратива (присутствие нескольких рассказчиков, зачастую ненадежных, чередование повествования от первого и третьего лица). Наблюдается общая тенденция к усложнению идейно-тематического наполнения и сюжетно-композиционной организации историко-биографической прозы о мифологизированной персоналии, имеющей исключительное значение в контексте связей между прошлым и современностью и выступающей в качестве носителя национального культурного кода и коллективной памяти.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хамидуллина, Г. Л.* Понятие биографического мифа в отечественном литературоведении / Г. Л. Хамидуллина, Ю. А. Шанина // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. – 2022. – Т. 2. – № 1 (62). – С. 75–78.
2. *Красавченко, Т. Н.* Постмодернизм мертв? Дискуссии в англоязычной критике (обзор) / Т. Н. Красавченко // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение : Реферативный журнал. – 2018. – № 3. – С. 207–217.
3. *Проскурин, Б. М.* Реализм? Модернизм? Постмодернизм? ПостПостмодернизм? Размышления о современной британской прозе / Б. М. Проскурин // Вестник Пермского университета. – Вып. 6(12). – С. 209–214.
4. *Хабибуллина, Л. Ф.* Метамодернизм в романе И. Макьюэна «Невыносимая любовь» (“Enduring love”, 1997) / Л. Ф. Хабибуллина // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2023. – Т. 8. – № 1. – С. 96–107.
5. *Hutcheon, L. A.* Poetics of Postmodernism. History, theory, fiction / L. Hutcheon. – New-York ; London : Routledge, 1992. – 288 p.
6. *Лушникова, Г. И.* Тенденции метамодернизма в современной литературе (на материале романа Дэйва Эггерса «Сфера») / Г. И. Лушникова, Т. Ю. Осадчая // Слово.ру : балтийский акцент. – 2022. – Т. 13. – № 3. – С. 124–141.

7. Аккер, Р. Метамодеpнизм. Истoричнoсть, Аффект и Глубина после постмoдеpнизма / Р. Аккер ; пер. с англ. В. М. Липки ; вступит. ст. А. В. Павлова. – М. : РИПОЛ классик, 2020. – 342 с.
8. Скорoпанoва, И. С. Русская постмoдеpнистская литература: Новая философия, новый язык / И. С. Скорoпанoва. – СПб. : Невский прoстор, 2002. – 415 с.
9. Duff, D. Modern Genre Theory / D. Duff. – Harlow : Longman, 2000. – 287 p.
10. Соколова, Е. В. Метаморфoзы жанра в современной литературе : сб. науч. тр. / Е. В. Соколова ; сост.: Н. Т. Пахсарьян, А. А. Ревякина. – М. : ИНИОН РАН, 2015. – 262 с.
11. Бахтин, М. М. Сoбpание сoчинений / М. М. Бахтин // Теория романа (1930–1961 гг.). – М. : Языки славян. культур, 2012. – Т. 3. – С. 9–178.
12. Лейдeрман, Н. Л. Пpоблема жанра в модернизме и авангарде (Испытание жанра или испытание жанром?) / Н. Л. Лейдeрман // Литературoведческие термины (материалы к словарю). – 2008. – С. 14–177.
13. Силантьев, И. В. Дискурс и жанр / И. В. Силантьев // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2010. – Т. 9. – № 6. – С. 78–83.
14. Тынянов, Ю. Н. Поэтика. Истoрия литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов ; [предисл. В. Каверина ; АН СССР, Отд-ние литературы и яз., Комис. по истории филол. наук, Науч. совет по истории мировой культуры]. – М. : Наука, 1977. – 574 с.

Поступила в редакцию 15.03.2026

УДК 821.11/.16-321.9:39(045)

Вербицкая Юлия Сергеевна

аспирант, преподаватель кафедры
белорусской филологии
и зарубежной литературы
Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Yuliya Viarbitskaya

PhD Student, Lecturer of the Department
of Belarusian Philology and World Literature
Belarusian State University of Foreign Languages
Minsk, Belarus
yuliya.viarbitskaya@gmail.com

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА В ЛИТЕРАТУРЕ ЖАНРА ФЭНТЕЗИ

В статье исследуются способы репрезентации национального компонента в современной литературе жанра фэнтези на материале произведений британских (Д. У. Джонс, Т. Пратчетт), американских (Д. Гэблдон) и белорусских писателей (М. Латышкевич, К. Глинистая). Выявлены способы репрезентации национального компонента: прямое заимствование конкретных персонажей, сюжетов национального фольклора и мифологии; перенос исторических событий или лиц в фэнтезийный антураж, альтернативная история; использование особого национального хронотопа; интертекстуальная игра с произведениями, значимыми для национальной культуры; использование стереотипов, архетипов и концептов, присущих национальной культуре.

Ключевые слова: *фэнтези; национальный компонент; национальный хронотоп; интертекстуальность; британская литература; американская литература; белорусская литература.*

WAYS OF REPRESENTING THE NATIONAL COMPONENT IN FANTASY LITERATURE

The article explores ways of representing the national component in contemporary fantasy literature, drawing on works by British (Diana Wynne Jones, Terry Pratchett), American (Diana Gabaldon), and Belarusian writers (M. Latyshkevich, K. Glinistaya). The ways of representing the national component are identified: direct borrowing of specific characters, plots from national folklore and mythology; transfer of historical events or figures into a fantasy setting, alternative history; use of a distinctive national chronotope; intertextual play with works significant to the national culture; use of stereotypes, archetypes, and concepts inherent to the national culture.

Key words: *fantasy; national component; national chronotope; intertextuality; British literature; American literature; Belarusian literature.*

В современном мире, стремящемся к глобализации, писатели и читатели все больше обращаются к проблеме национального в попытке осмыслить собственную идентичность. Этот процесс затрагивает и литературу жанра фэнтези, так как этот жанр массовой литературы является одним из самых популярных среди читателей. Актуальность исследования обусловлена устойчивым интересом к проблеме национального в современной зарубежной и белорусской литературе. При этом в современном литературоведении

все более отчетливо проявляется потребность в систематизации конкретных приемов, посредством которых национальный колорит и ценностно-смысловые структуры переносятся в художественный текст, поскольку стихийное накопление отдельных наблюдений над творчеством конкретных писателей не дает целостного представления о механизмах этого переноса и не позволяет выработать единый аналитический инструментарий.

Под национальным компонентом художественного текста разные исследователи понимают различные аспекты национального. Так, З. Р. Зиннатуллина и Г. Р. Гайнуллина изучают национальный компонент в произведениях ирландских и татарских авторов опираясь на проблематику, мотивы и систему образов, а также использованные авторами художественные приемы [1]. О. С. Крюкова фокусируется на анализе национального менталитета, языка, ценностных ориентиров героев произведения, а также использования национальной символики (герб, гимн) [2]. Согласно В. Е. Канашаеву, к возможным элементам национального характера относят: «психологический склад», «душу нации», «особую комбинацию психических сил нации», «константы жизненных позиций, модели поведения, эмоции, настроения», «уклад национальной бессознательной духовности», «стереотипы мышления и поведения», «культуру нации», «предубеждение», «образ» и др. [цит. по 3, с. 43]. А. В. Шапкина использует понятия «национальной доминанты», «доминанты национального характера» при изучении проблемы национальной идентичности в произведениях А. К. Дойла (например, «джентльменство», с которым тесно связаны концепты «сдержанность», «патриотизм», «справедливость», «честная игра») [4]. М. В. Цветкова в макроконцепте «английскость» выделяет микроконцепты «чувство юмора», «традиция», «здравый смысл», «дом», «свобода», «честная игра», «джентльменство» [5]. Е. Н. Бетуганова пишет о повышенном интересе современной литературы к проблеме национальной идентичности, что выражается в отражении в ней «особенностей менталитета какого-либо этноса, его психологического портрета, моральных норм» [6, с. 12]. К. К. Султанов предлагает аксиологический подход к выявлению национального в литературе: через ценностные ориентиры, характерные для того или иного общества и отраженные в художественном произведении [7, с. 164]. В нашем исследовании под национальным компонентом мы понимаем совокупность элементов, которые отражают особенности конкретной нации: ее язык, обычаи, мифологию, исторические события и культурные реалии. Это может проявляться через образы, символы, сюжеты и художественные приемы.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении и систематизации способов репрезентации национального компонента в фэнтези-литературе. В качестве **материала** исследования были использованы произведения британских писателей Дианы Уинн Джонс и Терри Пратчетта, американской писательницы Дианы Гэблдон, а также белорусских писателей Маргариты Латышкевич и Катерины Глинистой. Д. У. Джонс и Т. Пратчетт являются

яркими представителями жанра фэнтези в Великобритании. Исследованию их работ посвящены монографии зарубежных исследователей фэнтези [8; 9; 10; 11]. При этом важно отметить, что книги Д. У. Джонс адресованы скорее детской и подростковой аудитории, а Т. Пратчетт знаменит своим циклом в жанре юмористического фэнтези для взрослых читателей. Д. Гэблдон – современная американская писательница. Ее серия книг «Чужестранка» (*Outlander*, 1991–2021) была переведена на множество языков мира, экранизирована и является современным образцом трансмиграционного (*portal-quest*) фэнтези. Современные белорусские авторы, в том числе М. Латышкевич и К. Глинистая, наследуют богатую литературную традицию фантастического в белорусской литературе, адаптируя национальное к требованиям жанра фэнтези. Книги упомянутых авторов представляются репрезентативными в аспекте преломления в них национально-специфических реалий, текстов, исторических событий, национальных стереотипов и др.

В данном исследовании используется комплексная методология, включающая элементы герменевтического, сравнительно-сопоставительного методов и стилистического и интертекстуального анализа художественного текста.

Для достижения поставленной цели необходимо решить задачи по выявлению уровней и способов репрезентации национального. Чтобы обеспечить системность анализа и логическую последовательность изложения, мы рассматриваем проблему комплексно: от структуры художественного текста (уровни репрезентации) к конкретным авторским инструментам (способы воплощения), а затем к определению функций, которые выполняет включение национального компонента в ткань романа.

В словаре-справочнике «Термины и понятия. Методы исследования и анализа текста» под редакцией Т. В. Жеребило указано, что с лингвистической точки зрения выделяют следующие уровни в структуре текста: 1) фонетический; 2) морфологический; 3) лексический; 4) синтаксический; 5) композиционно-синтаксический; 6) стилистический. Там же отмечается, что с литературоведческой точки зрения выделяют следующие уровни: 1) персонажей; 2) фабулы; 3) идей [12]. Н. Л. Лейдерман выделяет следующие уровни (слои) художественного произведения: концептуальный (идейно-тематический) уровень, уровень организации воображаемой («виртуальной») художественной реальности (внутренняя форма), уровень «материального образования» (внешняя форма, которая в литературе понимается как организация речевого сообщения) [13, с. 39]. Исходя из вышесказанного, мы выделяем следующие уровни художественного текста, на которых может проявляться национальный компонент: сюжетно-композиционный (использование национального для создания сюжетного каркаса), персонажно-образный (стереотипы относительно поведения и внешнего вида героев), идейно-тематический уровень (тематика и проблематика произведения), языковой уровень (фонографическая стилизация акцента или диалекта, национальная ономастика, безэквивалентная лексика).

Среди способов репрезентации национального в романах исследуемых нами авторов мы выделяем следующие:

- 1) прямое заимствование конкретных персонажей, сюжетов национального фольклора и мифологии;
- 2) перенос исторических событий или лиц в фэнтезийный антураж, альтернативная история;
- 3) использование особого национального хронотопа;
- 4) интертекстуальная игра с произведениями, значимыми для национальной культуры;
- 5) использование стереотипов, архетипов и концептов, присущих национальной культуре.

Так, Д. У. Джонс конструирует свой роман «Рыцарь на золотом коне» (*Fire and Hemlock*, 1984) обращаясь к шотландской легенде о прекрасном юноше Тэм Лине, и в числе персонажей ее романа оказывается главный герой легенды, представленный в реалиях современной Великобритании. Роман Д. У. Джонс «Ведьмина неделя» повествует о мире, который образовался вследствие того, что Гаю Фоксу все таки удалось взорвать Британский Парламент в 1605 году, то есть писательница на уровне сюжетопостроения обращается к знаковому событию английской истории (Пороховой заговор). Как указывает Е. С. Коршунова, «в Англии особенно любят отмечать день Гая Фокса. Этот праздник символизирует боязнь резких общественных перемен, выражая опять-таки консервативность взглядов» [14, с. 44]. Подобным образом, стихотворение «Песня» английского поэта-метафизика Джона Донна становится основой сюжета в романе Д. У. Джонс «Ходячий замок» и присутствует в тексте произведения в виде интертекстуальных включений. Главный герой книги Хоуэлл Дженкинс родом из Уэльса, и его речь содержит валлийские слова и выражения. В образе героя Кристофера Чанта (из цикла о Крестоманси, *Chrestomanci*, 1977–2006) обнаруживается такой микроконцепт макроконцепта «английскость», как «джентльменство». Кристофер всегда безупречно одет, его прическа и манеры всегда идеальны. Автор подчеркивает его аристократичность и безупречность: *Chrestomanci smiled and swept out of the room like a very long procession of one person* [15, p. 42]; *But, at that moment, the door opened and Chrestomanci came in, wearing a flowered silk dressing gown. It was a red and purple dressing gown, with gold at the neck and sleeves. It made Chrestomanci look amazingly tall, amazingly thin, and astonishingly stately. He could have been an emperor, or a particularly severe bishop* [15, p. 41]. При этом Крестоманси пытается передать джентльменский код своим воспитанникам: он требует от детей уважения к другим людям, независимо от их социального статуса или магических способностей.

Для произведений Т. Пратчетта в жанре фэнтези характерно обращение к творчеству У. Шекспира с целью актуализации классических текстов национальной литературы для современных читателей. Он строит повество-

вание на интертекстуальной игре с произведениями У. Шекспира («Макбет», «Гамлет», «Сон в летнюю ночь»). Чтобы приблизить речь персонажей к английскому языку эпохи У. Шекспира, Т. Пратчетт прибегает к стилизации – например, в романе «Вещие сестрички» он в отдельных сценах использует *thou, thee* вместо *you*. Для Т. Пратчетта также характерно использование особого британского юмора, построенного на игре слов, и воплощение в образах героев таких микроконцептов концепта «английскость», как «здравый смысл», «честная игра». Также необходимо отметить особый хронотоп романов, где автор воссоздает Лондон времен королевы Виктории.

В своем цикле произведений «Чужестранка» Д. Гэблдон воспроизводит социальный и культурный контекст Америки 18-го и 20-го веков. Важно отметить, что автор также отражает ценностные ориентиры американцев, выраженные в поведении героев. Америку 18-го века Д. Гэблдон вводит в повествование не случайно: именно эта эпоха становится ключевой для формирования американской нации, так как в 1775 году началась война за независимость США. В 18-м веке герои Д. Гэблдон являются обитателями американского фронта, вследствие этого она демонстрирует сложные условия, в которых им приходится жить, их общение с индейцами, все ужасы рабовладельческого и патриархального общества колониальной Америки. Мы также видим включение гэльского в речь персонажей у Д. Гэблдон, а также внимание к деталям быта, архитектуры и костюма шотландских горцев, которые играют значимую роль в романе, так как именно шотландцы, пережившие гонения в Великобритании, стали одними из первых, кто поселился в колонии Северная Каролина. Шотландцы, обитающие в 18-м веке (Джейми Фрейзер), носят национальную одежду и поют национальные песни, таким образом выражая свою национальную идентичность. Как пишет А. Е. Хорош, Д. Гэблдон использует такие детали шотландского быта, как валяние шерсти, изготовление виски, инструментальное пение [16, с. 134]. Однако, участвуя в Войне за независимость (и даже встречаясь с самим Джорджем Вашингтоном), герои начинают осознавать себя американцами, а один из героев (Йен Мюррей-младший) даже уходит жить в племя индейцев. Со специфическим американским хронотопом 18-го века связана репрезентация «американской мечты», так как герои видят, что именно в колониях они могут получить богатство и успех вне зависимости от своего социального статуса, ориентируясь только на упорство и труд.

Роман М. Латышкевич «Век людзей» (2025) – это эпическое фэнтези, действие которого разворачивается в вымышленном автором мире Вугеры. У М. Латышкевич среди пантеона богов упоминается Макош, славянская богиня, а из существ низшей мифологии – кадуки, кикиморы и др. Главный герой, Донай, имеет дар «відуша» – человека, способного видеть прошлое и будущее. Авторская характеристика персонажа выводит этот образ на еще более глубокий уровень: «–...ты ніколі не будзеш адзін, Ручай, – казалі Донаю аднекуль здалёк, і дзяржальна корда ў левай руцэ налілося сонечным

цяплом» [17, с. 905]. Метафорическое уподобление Доная ручью символизирует постоянство, непрерывность бытия и, главное, вечную память, которая питает его способность видеть прошлое и предсказывать будущее. Е. А. Ненадавец отмечает, что «ў беларусаў было шырока распаўсюджана ўяўленне аб тым, што водная прастора з'яўляецца мяжою паміж светам жывых і светам памерлых» [18, с. 107–108]. Подобным образом, проявление способностей Доная в романе напрямую связано с водным пространством: он ощущает воду вокруг себя в моменты, когда видит прошлое или будущее, уже умерших или еще живых. Это позволяет говорить о присутствии в романе мифологемы воды, характерной для белорусской фольклорной традиции. Кроме того, М. Латышкевич наделяет своих героев именами, в которых угадываются белорусские или славянские корни – Вельс, Ясь. Брат главного героя, Вельс, является волколаком, что также отсылает читателя к белорусскому фольклору.

Роман К. Глинистой «Калыханка для Мінска» (2026) представляет собой городское фэнтези, где волшебные существа интегрированы в реалии современного Минска. Автор создает свой вымышленный мир, основываясь на реальном мире, соответственно, она использует название города Минска и помещает происходящее в своем романе в знаковые места города – например, Лошицкий парк, Комаровский рынок, Ботанический сад, Немига и т. д. (например, ведьмы летают на шабаши в район современного Минска – Курасовщину). Она также вводит фигуру Всеслава Чародея, известного белорусского князя, с которым связан образ волколака. Таким образом автор воспроизводит верования древних белорусов. Как указывает исследовательница белорусской культуры Л. Г. Дуктова, образ волколака встречается как в белорусской литературе XIX–XX веков (Я. Борщевский, А. Кожедуб, Я. Купала и др.), так и в современной прозе белорусских авторов («След волколака» Л. Дайнеко и др.) [19, с. 59–125], т. е. здесь К. Глинистая и М. Латышкевич идут еще и в русле национальной литературной традиции. Сюжет романа К. Глинистой концентрируется на приключениях обережника (хранителя города Минска) по имени Максим. Кроме Всеслава Чародея, читатель встречается в романе и с другими героями, характерными для белорусской мифологии и фольклора (великан Менеск, жевжик, волколаки). Задача Максима как обережника сохранить равновесие между миром волшебных существ и бытием обычных людей в городе Минске.

Заимствование конкретных персонажей, сюжетов национального фольклора встречается как у британских и американских, так и у белорусских авторов. Перенос исторических событий или лиц в фэнтезийный антураж, использование альтернативной истории также встречается у британских, американских и белорусских авторов. Интертекстуальная игра с произведениями национальной культуры характерна в первую очередь для британского фэнтези. Специфический национальный хронотоп характерен для произведений всех перечисленных авторов, как и использование сте-

реотипов, архетипов и концептов, присущих национальной культуре. Как отмечает О. Н. Губская, использование мифологического архетипа может быть даже неосознанным, «продиктованным особенностью мышления творческого человека, сознание которого освоило и синтезировало множество культурных эпох» [20, с. 184].

Проведенный анализ позволил выделить ряд функций национального компонента в творчестве рассмотренных авторов. В частности, можно выделить миромоделирующую функцию (на этапе выстраивания фэнтезийного мира, заполнения его героями и событиями) – в романах К. Глинистой, М. Латышкевич, Т. Пратчетта, где национальное становится основой для построения вымышленного мира.

Далее можно говорить об идентификационной функции (когда на первый план выходит проблема национальной самоидентификации героя). Например, идентификационная функция имеет особое значение в романах Д. Гэблдон. Автор изначально строит свой художественный мир на бинарной оппозиции «свой – чужой», что проявляется уже в названии серии романов «Чужестранка» (*Outlander*). Главная героиня цикла, Клэр, будучи англичанкой XX века, выступает в роли «чужой» как в рамках Шотландии, так и Америки 18-го века. В то время как оппозиция «шотландское – английское» формирует ядро национального конфликта в первой половине цикла, по мере перемещения действия в Северную Америку повествование Д. Гэблдон смещает свой фокус на американские реалии, и здесь возникает оппозиция британцы – американцы, где американцами становятся все, кто не готов подчиняться британской власти, независимо от их национальной принадлежности.

Наконец, можно выделить функцию сохранения и актуализации исторической памяти, воскрешения забытых пластов национальной культуры. Она находит свое место у авторов британской, американской и белорусской литературы, так как все они стремятся воспроизвести забытые пласты национальной культуры и актуализировать историческую память. Помимо Войны за независимость, Д. Гэблдон также обращается к такому историческому событию, как Война регуляторов, которая достаточно мало изучается в американских школах вне Северной Каролины. Д. У. Джонс и Т. Пратчетт инкорпорируют в свои произведения значимые тексты национальной культуры, а М. Латышкевич и К. Глинистая воспроизводят верования древних белорусов.

Систематизация способов репрезентации национального компонента позволила выделить пять ключевых способов: прямое заимствование фольклора, переосмысление исторических событий, использование особого национального хронотопа, интертекстуальная игра и актуализация национальных стереотипов. На примере произведений Д. Гэблдон, Д. У. Джонс, Т. Пратчетта, М. Латышкевич и К. Глинистой показано, что национальный компонент выполняет не только декоративную роль (создание национального

колорита), но и следующие функции: миромоделирующую, идентификационную и функцию сохранения и актуализации исторической памяти, воскрешения забытых пластов национальной культуры. Таким образом, жанр фэнтези в современной литературе становится эффективным инструментом сохранения национальной идентичности в условиях глобализации. Если для британской традиции характерна интертекстуальная игра, а для американской – осмысление исторических переломов (фронтир, революция), то для белорусского фэнтези наиболее значимым оказывается обращение к низшей мифологии и фольклорным символам как способу сохранения преемственности культуры. Разработанный в статье аналитический инструментарий может быть использован для дальнейшего изучения национального компонента в литературе других стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гайнуллина, Г. Р.* Национальный компонент в современной ирландской и татарской литературах (на примере творчества Таны Френч и Равили Шайдуллиной-Мурат) / Г. Р. Гайнуллина, З. Р. Зиннатуллина // *Russian Linguistic Bulletin*. – 2025. – № 10 (70). – URL: <https://rulb.org/archive/10-70-2025-october/10.60797/RULB.2025.70.16> (дата обращения: 01.05.2026).
2. *Крюкова, О. С.* Национальная идентичность: повседневный и символический уровень в литературных примерах / О. С. Крюкова // *Вестник Восточно-Сибирской открытой академии*. – 2018. – № 27. – URL: <http://www.es.rae.ru/vsoa/201-1073> (дата обращения: 01.05.2026).
3. *Четвертакова, Ж. В.* Некоторые подходы к определению сущности и содержания национального характера / Ж. В. Четвертакова // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. – 2012. – Т. 12, № 1. – С. 41–45.
4. *Шапкина, А. В.* Романы А. К. Дойла «Белый отряд» и «Сэр Найджел»: проблема национальной идентичности : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Шапкина Анна Валерьевна ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2008. – 24 с.
5. *Цветкова, М. В.* Английское / М. В. Цветкова // *Межкультурная коммуникация : учеб. пособие* – 2001. – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/m_komm/02.php (дата обращения: 19.02.2026).
6. *Бетуганова, Е. Н.* Проблема национальной идентичности и ее отражение в малых жанрах кабардинской литературы / Е. Н. Бетуганова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2017. – №. 8-1 (74). – С. 11–14.
7. *Султанов, К. К.* Национальная литература: к вопросу о корреляции этнокультурного и аксиологического подходов / К. К. Султанов // *Проблемы сравнительного литературоведения и фольклористики Урало-Поволжья*. – 2018. – С. 160–177.

8. *Mendlesohn, F.* Diana Wynne Jones: The Fantastic Tradition and Children's Literature (Children's Literature and Culture) / F. Mendlesohn. – London : Routledge, 2005. – 280 p.
9. *Butler, Ch.* Four British fantasists : place and culture in the children's fantasies of Penelope Lively, Alan Garner, Diana Wynne Jones, and Susan Cooper / Ch. Butler. – Lanham : Scarecrow Press, 2006. – 326 p.
10. *Webb, C.* Fantasy and the Real World in British Children's Literature : The Power of Story / C. Webb. – London : Routledge, 2014. – 176 p.
11. *Marion, R.* Terry Pratchett's Narrative Worlds From Giant Turtles to Small Gods / R. Marion. – London : Palgrave Macmillan, 2018. – 269 p.
12. Жеребило, Т. В. Термины и понятия: Методы исследования и анализа текста: словарь-справочник / Т. В. Жеребило // Рефлексия. – 2012. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26508877_15553262.pdf (дата обращения: 01.05.2026).
13. *Лейдерман, Н. Л.* Теория жанра: Научное издание / Н. Л. Лейдерман. – Екатеринбург : Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник», 2010. – 904 с.
14. *Коршунова, Е. С.* Преломление художественных традиций Китая и Японии в современном искусстве Беларуси : дис. ... канд. философ. наук : 24.00.01 / Коршунова Елена Сергеевна ; Омск. гос. ун-т путей сообщения. – Омск, 2012. – 193 л.
15. *Jones, D.* Charmed Life / D. Jones. – New York : Bullseye Books, 1989. – 219 p.
16. *Хорош, А. Е.* Национальный характер как способ воплощения «шотландскости» в романах Д. Гэблдон «Чужестранка» и «Стрекоза в янтаре» / А. Е. Хорош // Современная англистика и американистика: актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : материалы Второй межвуз. науч-практ. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, посвящ. 70-летию Ольги Васильевны Афанасьевой, Москва, 23 апр. 2019 г. ; отв. ред. Л. Р. Зурабова. – М., 2019. – С. 129–134.
17. *Латышкевіч, М.* Век людзей / М. Латышкевіч. – Мінск : Папуры, 2025. – 924 с.
18. *Ненадавец, Я. А.* Вада як ачышчальна-засцерагальная сіла ў беларускім фальклоры / Я. А. Ненадавец // Этнокультурное развитие Беларуси в XIX – начале XXI в. : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Минск : БГУ, 2011. – С. 106–110.
19. *Дуктава, Л. Г.* Мастацкая анімалістыка ў беларускай літаратуры другой паловы XX ст. : манаграфія / Л. Г. Дуктава. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2009. – 184 с.
20. *Губская, О. Н.* Актуализация архетипа трикстера в романе М. Горьцкого «Виленские коммунары» / О. Н. Губская // Миф, фольклор, литература: эстетическая проекция мира. – Вроцлав : Фонд «Русско-польский институт», 2015. – С. 183–199.

Поступила в редакцию 20.05.2026

УДК 82.02

Гацкан Александра Анатольевна

аспирант отдела теории
и истории литературы
Института литературоведения
имени Янки Купалы
НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Aliaksandra Gatskan

PhD Student of the Department
of Theory and History of Literature
Institute of Literary Studies
named after Yanka Kupala
the National Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Belarus
imsanchesgatskan@gmail.com

МИФОЛОГИЗАЦИЯ И МИФОТВОРЧЕСТВО В ЛИТЕРАТУРЕ

Статья посвящена разграничению понятий *мифологизирование / мифологизация* и *мифотворчество* в рамках художественного произведения, продемонстрирована взаимосвязь этих терминов и их отличие. В статье также предложено решение трудностей, связанных с устоявшимися значениями терминов *мифотворчество* и *авторское мифотворчество*, путем введения термина *художественное мифотворчество*, который способен отразить современные литературные тенденции.

Ключевые слова: *авторское мифотворчество; демифологизация; мифологизация; мифологизирование; мифотворчество; ремифологизация; художественное мифотворчество.*

MYTHOLOGIZING AND MYTH MAKING IN LITERATURE

This article is dedicated to distinguishing the concept of mythologizing from the concept of myth-making within a literary work, to demonstrate how these terms are interrelated and how they are different. This article also proposes a solution to the difficulties connected to the established meanings of the terms “mythmaking” and “authorial mythmaking” by introducing the term “artistic mythmaking” which can reflect modern literary trends.

Key words: *authorial mythmaking; demythologization; mythologization; mythmaking; remythologization; artistic mythmaking.*

Термин *миф* имеет несколько значений: миф как фантастическое сказание о деяниях богов и героев, о происхождении мира (миф о 12 подвигах Геракла, космогонические мифы и т. д.); миф как что-то, не соответствующее действительности, не являющееся правдоподобным (теории заговора, городские легенды и т. д.); миф как осознанное и намеренное искажение действительности (реклама, фейковые новости и т. д.); миф, объединяющий в себе черты предыдущих типов мифа (национальный миф). Вследствие расширения значений, присваиваемых слову *миф*, существует разделение на традиционные мифы (чаще всего верования древних людей, в которые современный человек уже не верит) и мифы современные (те идеи, в которые некоторые современники могут верить).

Как термин *миф* имеет большое количество определений, выходящих за рамки сказаний о богах и героях в определенной культуре, так и понятия *мифологизация* (или *ремифологизация*) и *мифотворчество* употребляются в более чем одной сфере науки и культуры.

Так, широкое распространение имеет понятие *мифологизация истории*, под которым имеют в виду «процесс создания ненаучной версии прошлого, в основе которой лежит структура мифа: представление о “Золотом веке”, культуртрегерской и миссионерской роли, выполняемой предками данного этноса или группы; коварных врагах, присвоивших все достижения и территорию обитания, которая была намного шире; возвращение этой “славной старины”» [1, с. 225]. Мифологизация истории (особенно намеренное искажение и подделка документов, которые в будущем становятся историческими источниками) не является современным феноменом, однако пристальное изучение он получил в XX–XXI вв. (М. Блок, Э. Геллнер, Б. Андерсон, Э. Хобсбаум, В. Н. Шнирельман, И. М. Савельева, А. В. Полетаев и др.).

Приобретает также популярность термин *мифодизайн* как одно из проявлений мифотворчества, представляющий «из себя специализированную технологическую проектную деятельность в качестве универсальной социокультурной практики, ориентированной на человека» [2, с. 85]. В сфере образования мифодизайн исследуют с точки зрения изменения «базовых парадигмальных установок в системе современного образования» [2, с. 85], выхода «на совершенно новую систему ценностей и ориентиров» [2, с. 85], а также с точки зрения рекламы определенных учреждений образования и образовательных услуг (престижность обучения в том или ином учебном заведении, у того или иного педагога и т. д.).

Под мифологизацией в литературе, однако, понимается не искажение исторических фактов (но стоит заметить, что существует направление в фантастике под названием «альтернативная история», которое основано на изменении конкретных исторических фактов и выдвигании авторского мнения по поводу того, как изменилась бы наша реальность в том или ином случае. В рамках данного направления написаны следующие произведения: «Человек в высоком замке» (1962) Ф. К. Дика, «Годы риса и соли» (2002) К. С. Робинсона, «Первый год Республики» (1995) Л. Вершинина, «Вторая жизнь Наполеона» (1917) М. Первухина и т. д.), а намеренное использование мифологической образности или создание «художественной картины мира по законам мифомышления» [3, с. 91].

Рассматривая литературу, использующую мифологические образы, некоторые литературоведы выделяют упоминаемые выше термины *мифологизация* и *мифотворчество*. Так, Е. Е. Моттирони в своем диссертационном исследовании «Проблема мифа в романах Мишеля Турнье» предлагает использовать термин *мифологизирование* для всех форм «заимствований мифологических сюжетов, образов и структур» [3, с. 92], для имитации «специфики мифологической мысли, а под “мифотворчеством” – процессы

создания мифологической картины мира в качестве творческого образа действительности» [3, с. 92]. О. В. Ермоленко, однако, отмечает, что в литературоведении существует традиция отождествления мифотворчества и мифологизирования (так, Е. М. Мелетинский использует в своей работе «Поэтика мифа» термины *поэтика мифотворчества* и *поэтика мифологизирования* как синонимичные понятия), и приводит термин *авторское мифотворчество* как вариант для «выхода из сложившегося терминологического затруднения» [3, с. 92], указывая, что это понятие уже используется в фэнтези как «создание автором собственных мифоподобных образов и символов» [4, с. 190], «собственных мифологических систем» на основе народных верований [5, с. 30]. А. Ю. Перевезенцева также характеризует авторское мифотворчество в литературе как процесс выстраивания собственной мифологической системы, «пользуясь лишь логикой построения мифа, определенными законами мифологического времени и пространства» [6, с. 326].

Однако под *авторским мифом* чаще подразумевают создание писателем собственного мифологизированного образа: «Прежде всего, под авторским мифотворчеством мы подразумеваем мифологизацию в биографической литературе, где искусное переплетение правды и вымысла часто выглядит вполне естественным для читателя» [7, с. 45]. В работе В. В. Орехова «Миф о России во французской литературе XIX века» можно встретить следующую трактовку авторского мифа: «Автор авторского мифа бессознательно реализует в нем универсальные модели, подспудно присутствующие в коллективном сознании, точнее – подсознании. Он лишь выразитель коллективного. С другой стороны, коллективное бессознательно-художественное творчество должно иметь непосредственного выразителя» [8, с. 31], при этом приводится следующий пример: «Так, Стендаль, создавая в “Жизни Наполеона” новый вариант мифа о Наполеоне, делал оговорку, что это биографическое сочинение – “произведение двухсот или трехсот авторов” и что он сам, Стендаль, “лишь собрал те фразы, которые показались ему верными”» [8, с. 31–32]. Однако далее по тексту автор не разделяет понятия *авторский миф/мифотворчество* и *мифологизирование/мифологизация*, описывая сочинение А. де Кюстина «Россия в 1839 году»: «Целью автора было создать утрированную картину российских недостатков и, из политических соображений, усилить существующие во французском обществе антироссийские настроения. Выражаясь словами В. М. Пивоева, – оболванить массы. По существу, он просто-напросто должен был стать выразителем политического мифа о России, уже давно бытовавшего в обществе. <...> Но понятно, что маркиз де Кюстин не мог “обдуманно” использовать в сочинении схемы мифологического мышления, вроде: противопоставление “своего” и “чужого” пространства, развитие мифологемы антигероя (Николая I) и т. д. Он лишь интуитивно, или наитивно, наполнил конкретными образами архаические модели, существовавшие во французском общественном сознании, носителем которого он сам являлся» [8, с. 32–33].

Во избежание недопонимания при использовании термина *авторское мифотворчество* сама О. В. Ермоленко предлагает употреблять дефиницию *индивидуально-авторское мифотворчество*, обосновывая это тем, что она также уже использовалась в литературоведческих работах.

Однако термин *индивидуально-авторское* представляется перегруженным и сконцентрированным на личности автора, поскольку делает привязку к творцу еще сильнее и создает тем самым эффект синонимичности термину *авторское мифотворчество*. Возможно, это связано с сохранением слова *авторское* в определении. Так, термин ассоциируется скорее с индивидуальными особенностями авторского стиля писателя, чем со смысловым содержанием текста.

В связи с этим кажется более целесообразным введение термина *художественное мифотворчество*, где «художественное» отображает прямую связь «мифотворчества» со сферой искусства (художественное творчество, художественное образование, художественная гимнастика и т. д.). При этом слово *художественный* не синонимично *художнический*, которое подразумевает «относящийся к художнику, к занятию художника, свойственный, присущий художнику», которое уже было бы схожим с *авторским*.

Стоит отметить, что данный термин также можно встретить в литературоведческих трудах (С. Ю. Королёва «Художественный мифологизм в прозе о деревне 1970–90-х годов», С. М. Телегин «Литература и мифологическая революция», Р. И. Кабаков «“Повелитель колец” Дж. Р. Р. Толкина и проблема современного литературного мифотворчества» и т. д.).

Учитывая все вышеизложенное, стоит вернуться к разграничению терминов *мифологизация* и *художественное мифотворчество* в литературе:

1) под *мифологизацией* понимается использование традиционных мифологических образов (богов, героев, существ) и сюжетов;

2) под *художественным мифотворчеством* понимается создание писателем собственной мифологии в произведении (создание собственного пантеона богов, героев, существ), а также переосмысление автором традиционных мифологических образов и сюжетов.

Мифологизацию можно найти в литературных произведениях, дошедших до нас со времен древних цивилизаций. Так, в «Илиаде» и «Одиссее» Гомера, «Энеиде» Вергилия, «Метаморфозах» Овидия, «Эпосе о Гильгамеше» Син-леки-уннинни, «Махабхарате» Вьяса, из которых ученые формируют представления о верованиях определенных народов. Однако у этих произведений есть авторы, коллектив авторов или редакторы-составители, хотя и не всегда названные, что свидетельствует о художественных преобразованиях, которые в той или иной мере претерпевают записанные истории (например, художественные улучшения текстов от редакторов-составителей, неточная запись устных рассказов, происходившая до формирования методик сбора фольклора и создания диктофонов, авторские трансформации текста и т. д.), о вероятном художественном мифотворчестве.

Примерами мифологизации в литературе являются и упоминания отдельных мифологических образов. Среди них «Божественная комедия» Д. Алигьери (1321, 1472 – первая печатная публикация), «Гипнэротомехия Полифила» (1499, роман написан анонимно, в качестве предполагаемых авторов называются Ф. Колонна, Л. Б. Альберти, Л. Медичи и др.), «Похвала глупости» Э. Роттердамского (1511), «Корабль дураков» С. Бранта (1494), «Тарас на Парнасе» К. Вереницына (1889).

Мифологизацией является также использование не только отдельных мифологических образов, но и заимствование мифологических сюжетов целиком: «Андромеда» (1651), «Медея» (1635), «Золотое руно» (1661), «Эдип» (1659) П. Корнеля, «Андромаха» (1667), «Ифигения» (1674), «Федра» (1677) Ж. Расина, «Орест» (1783), «Полиник» (1783), «Антигона» (1783), «Агамемнон» (1783), «Меропа» (1783) В. Альфьери, «Орфей» (1781) Я. Б. Княжнина и т. д., а также более современные переосмысления: «Антигона» (1948) Б. Брехта, «Дедал» (1987), «Кассандра» (1947), «Орфей и...» (1948), «Некийя» (1947) Г. Э. Носсака, тетралогия «Атриды» («Ифигения в Дельфах» (1941), «Ифигения в Авлиде» (1943), «Смерть Агамемнона» (1944) и «Электра» (1944)) Г. Гауптмана, «Ифигения возвращается» (1948) И. Лангер, «Ифигения на свободе» (1992) Ф. Брауна.

Мифологизацию можно уловить в повторении мифологических мотивов, находящихся свое выражение в различных культурах и глубоко укоренившихся в человеческом сознании. Так, в «Превращении» Кафки присутствует мотив метаморфозы, превращения человека в иное живое существо или предмет. Мотив странствия, путешествия, во время которого героям необходимо преодолевать препятствия, является чрезвычайно распространенным не только в современной литературе: «Властелин колец» («Братство Кольца» (1954), «Две крепости» (1954), «Возвращение короля» (1955)) Дж. Р. Р. Толкина, «Удивительный волшебник из страны Оз» (1900) Л. Ф. Баума, «Симплициссимус» (1669) Г. Я. К. Гриммельсгаузена, «Хитроумный идадьго Дон Кихот Ламанчский» (1605) М. де Сервантеса и т. д. Мотив обряда инициации, перехода из детства к зрелости, можно найти в таких произведениях, как «Паломничество Чайльд-Гарольда» (1812–1818) Дж. Байрона, «Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим» (1850) Ч. Диккенса, «Жутко громко и запредельно близко» (2005) Дж. С. Фоера, «Над пропастью во ржи» (1951) Дж. Д. Сэлинджера, «Авантюры Прантиша Вырвича» (2017) Л. Рублевской, «Пятница, или Тихоокеанский лимб» М. Турнье (1967) и т. д.

Художественное мифотворчество проявляется в создании оригинальных сверхъестественных событий и существ. Так, к художественному мифотворчеству относится мифология Лавкрафта, частью которой являются как боги (Древние боги Ктулху, Азатот, Йог-Сотот, Ньярлатотеп и др.), так и вымышленные расы (старцы, шогготы, ми-го, глубоководные и т. д.). Стоит заметить, что источником для существ Г. Ф. Лавкрафт служат мифологии различных стран мира. Так, «Дагон» является западносемитским божеством

земледелия и плодородия, имена Азатот и Ньярлатотеп, вероятно, были созданы под влиянием древнеегипетской мифологии (древнеегипетский бог Тот; древнеегипетское слово *хотеп*, означающее «умиротворенный», «удовлетворенный», которое являлось частью имен: Аменхотеп, Ментухотеп, Рахотеп, Себекхотеп и т. д.), что свидетельствует также о мифологизации в творчестве Лавкрафта.

Подобное можно встретить и в произведениях других авторов. Так, Оно, существо из космоса без явной формы и имени из одноименного романа С. Кинга, является плодом мифотворчества писателя, однако факт того, что Оно питается страхом, сближает его с мифологическими существами, которые вызывают страх, такими как, например, мара. Похожим на Оно существом является боггарт – результат мифотворчества Дж. Роулинг, которая придала существующему мифологическому образу иные черты, а именно, способность превращаться в главный страх человека, перед которым он предстает (как и Оно). Еще одно существо, являющееся плодом художественного мифотворчества писательницы, – это дементор, пожирающий счастливые воспоминания своей жертвы, а также способный высосать душу (так называемый поцелуй дементора).

Художественным мифотворчеством является также авторское переосмысление мифологических персонажей и сюжетов. Так, элементы мифотворчества можно обнаружить во многих произведениях, которые были упомянуты при разборе мифологизации: особенно часто писатели XX в. стали использовать мифологические сюжеты и образы для иллюстрации потрясений их времени, что в свою очередь привело к неизбежной трансформации мифов. Легендарные войны становятся воплощением Первой или Второй мировой войны, а второстепенные или эпизодические персонажи – главными (К. Вольф «Кассандра»). Часто происходит демифологизация изначально сверхъестественных сюжетов: колдуны утрачивают свои магические силы, но приобретают прикладные знания (К. Вольф «Медая»), слухи о великих подвигах смешиваются со слухами о пьянстве и распутстве (М. Этвуд «Пенелопида») и т. д.

Таким образом, в связи с приведенными выше аргументами термин *художественное мифотворчество* может быть оптимальным для обозначения создания автором оригинальной мифологии. Как видно из приведенных примеров, мифологизация и мифотворчество являются связанными явлениями, часто встречающимися одновременно в контексте одного конкретного произведения: при создании авторской вселенной писатели так или иначе опираются на архетипы, лежащие в основе мифов. В то же время современная литература стремится к глубокому переосмыслению устоявшихся мифологических образов и сюжетов, к их трансформации под влиянием проблем современников, что приводит к мифотворчеству. Мифологизация и мифотворчество, хоть и имеют общие корни в литературе, являются раздельными понятиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Галиев, А. А.* Мифологизированная история как объект исследования / А. А. Галиева // Отан тарихы – Алматы : Ин-т истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, 2018. – № 3 (83). – С. 224–237.
2. *Калиниченко, С. С.* Мифодизайн как социокультурный феномен / С. С. Калиниченко, Р. Б. Квеско // Изв. Том. политех. ун-та. – Томск : Том. политех. ун-т, 2009. – Т. 314, № 6. – С. 85–89.
3. *Ермоленко, О. В.* «Мифотворчество» и «индивидуально-авторское мифотворчество»: проблема разграничения понятий / О. В. Ермоленко // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2020. – Т. 13, № 3. – С. 90–94.
4. *Кулакова, О. К.* Авторское мифотворчество в жанре фэнтези / О. К. Кулакова // Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. – 2010. – № 1. – С. 189–194.
5. *Валитова, В. А.* Репрезентация славянской мифологии в творчестве О. Громыко / В. А. Валитова // Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2015. – Т. 1, № 1. – С. 29–38.
6. *Перевезенцева, А. Ю.* Идеино-художественное своеобразие исторических романов М. Рено / А. Ю. Перевезенцева // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 2. – Ч. 1. – С. 323–328.
7. *Эмир-Велиева, Я. С.* Авторское мифотворчество в автобиографической и художественной прозе (на материале историко-литературного мифа о Н. И. Надеждине и Е. В. Сухово-Кобылиной). Статья 1 / Я. С. Эмир-Велиева // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. – 2015. – № 3 (11). – С. 44–51.
8. *Орехов, В. В.* Миф о России во французской литературе XIX века / В. В. Орехов. – Симферополь : Симферопол. гор. типография, 2008. – 200 с.

Поступила в редакцию 08.04.2025

УДК 821.161.3.09-1(043.3)

Калядка Святлана Уладзіміраўнадоктар філалагічных навук, дацэнт,
прафесар кафедры гісторыі і граматыкі
англійскай мовыБеларускі дзяржаўны ўніверсітэт
замежных моў
г. Мінск, Беларусь**Svetlana Kolyadko**Habilitation Doctor of Philology,
Associate Professor,
Professor of the Department of History
and Grammar of the English Language
Belarusian State University of Foreign Languages
Minsk, Belarus
kolyadko@list.ru

СУЧАСНЫ СТАН РАЗВІЦЦА ЛІТАРАТУРАЗНАЎЧАЙ ЭМАТЫЯЛОГІІ: ТЭАРЭТЫЧНЫЯ АСНОВЫ, МЕТАДЫ ДАСЛЕДАВАННЯ І МІЖДЫСЦЫПЛІНАРНЫЯ СУВЯЗІ

У артыкуле разглядаецца сучасны стан літаратуразнаўчай эматыялогіі як самастойнага навуковага напрамку, які вывучае прыроду, формы выражэння і функцыі эмоцыі ў мастацкім тэксе. Акрэсліваюцца тэарэтычныя асновы і метадалагічныя стратэгіі даследавання эматыўнасці, праводзяцца паралелі паміж аўтарскімі тэорыямі паэтычнай эмоцыі. Ажыццяўляецца параўнальны аналіз канцэпцый замежных даследчыкаў, а таксама агляд сучасных напрамкаў вывучэння эмоцыі: афектыўнай тэорыі, кагнітыўнай паэтыкі, псіхапаэтыкі, нейраэстэтыкі, фонацэнтрычнай паэтыкі і інш.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *літаратуразнаўчая эматыялогія; эматыўнасць; паэтычная эмоцыя; замежнае літаратуразнаўства; афектыўная тэорыя; кагнітыўная паэтыка; нейраэстэтыка; псіхапаэтыка.*

THE CURRENT STATE OF THE DEVELOPMENT OF LITERARY EMOTIOLOGY: THEORETICAL FOUNDATIONS, RESEARCH METHODS, AND INTERDISCIPLINARY CONNECTIONS

The article examines the current state of literary emotiology as an independent research field that studies the nature, forms of expression, and functions of emotion in a literary text. It outlines the theoretical foundations and methodological strategies for studying emotivity, drawing parallels between the author's theories of poetic emotion. A comparative analysis of the concepts of foreign scholars is carried out, as well as an overview of contemporary approaches to the study of emotion: affect theory, cognitive poetics, psychopoetics, neuroaesthetics, phonocentric poetics, and others.

K e y w o r d s: *literary emotiology; emotivity; poetic emotion; foreign literary studies; affect theory; cognitive poetics; neuroaesthetics; psychopoetics.*

Адной з актуальных задач тэорыі літаратуры з'яўляецца дакладнае тэрміналагічнае вызначэнне катэгорый эматыўнасці і эмацыянальнасці. Комплексны падыход да іх вывучэння патрабуе распрацоўкі сучаснай метадалогіі, якая адпавядае задачам літаратуразнаўчага аналізу паэтычнага твора. Метады інтэрпрэтацыі эматыўнасці ў каардынацыі з тэарэтычнай паэтыкай, кагнітыўным літаратуразнаўствам, рэцэптыўнай эстэтыкай і лінгвістыкай вызначаюць вектары новага даследчага напрамку – літаратуразнаўчай эматыялогіі, які абазначае паварот сучаснай навукі да Чалавека Пачуццёвага.

У беларускім літаратуразнаўстве цікавасць да катэгорыі эмоцыі абудзілася ў 1970-я гады. У працах Рыгора Семашкевіча, Варлена Бечыка, Алега Лойкі, Алы Кабаковіч асобныя згадкі пра эмоцыю і эмацыянальнасць змяшчаюцца, як правіла, у імпліцытнай форме, што патрабуе іх рэканструкцыі ў суцэльную канцэпцыю, адпаведную падыходам даследчыкаў другой паловы XX ст. да асэнсавання паэзіі і літаратурных працэсаў. Падчас аналізу мастацкіх твораў яны вылучаюць суадносіны эмацыянальнага і рацыянальнага, думкі і пачуцця, эмоцыі і інтэлекту як праблемныя дыяды. Аднак пасля гэтых даследаванняў цікавасць да эмацыянальна-пачуццёвай сферы асобы ў беларускім літаратуразнаўстве амаль не праяўлялася.

У расійскім друку з'яўляюцца асобныя артыкулы пра эмоцыю ў літаратуры, і ў 2023 годзе выходзіць зборнік “Скрозь слёзы. Руская эмацыянальная культура” [1], складзены па выніках канферэнцыі 2022 года ў Інстытуце рускай літаратуры (Пушкінскі Дом) РАН. У зборніку прадстаўлены розныя аспекты даследавання сязлівасці як феномена рускай культуры і літаратуры. У цэнтры ўвагі аўтараў – пытанне аб тым, наколькі спецыфічныя праявы эмоцый у Расіі, як яны мяняліся з цягам часу і як гэтая “сязлівасць” адлюстравалася ў літаратуры, мастацтве і сацыяльных практыках.

Сярод украінскіх даследчыкаў варта згадаць Святлану Крываручка і яе працу “Афект і рэфлексія: мадальнасці эмацыянальнага ў сучаснай украінскай паэзіі” (2023) [2], у якім увага канцэнтруецца на трох паняццях, адлюстраваных у тэме. Алена Ільчанка ў сваіх навуковых росшуках засяроджваецца на эмацыянальным інтэлекце аўтара, эмацыянальнай сферы персанажа і аўтара ва ўкраінскай і сусветнай прозе. Аксана Башкірава разглядае эмацыянальныя коды і афектыўныя тэхналогіі ва ўкраінскай прозе канца XX – пачатку XXI стагоддзя. Андрэй Гурдуз вывучае паэтыку эмоцый, драматычны канфлікт пачуццяў у драматургіі Лесі Українкі. Варта згадаць і калектыўную манаграфію Інстытута літаратуры імя Т. Г. Шаўчэнкі НАН Украіны “Эмоцыі і літаратура: антрапалагічны паварот” (2021) [3], якая ўключае раздзелы пра эмацыянальную культуру, афектыўныя наратывы, дзе эмоцыя ва ўкраінскай літаратуры разглядаецца ў кантэксце антрапалагічнага павароту. Як бачым, даследчыкі задзейнічалі ў вывучэнні эмоцыі метады псіхапаэтыкі, кагнітыўнай паэтыкі, гістарычнага аналізу, міждысцыплінарнага падыходу і інш., што сведчыць пра інтэграцыю праблематыкі эмоцыі ў розныя галіны гуманітарных ведаў.

Наша даследаванне “Літаратуразнаўчая тэорыя паэтычнай эмоцыі” (2018) [4] факусуецца на сферы бытавання эмоцыі ў паэтычным тэксце праз катэгорыі «эмацыянальнасць» (сфера аўтара) і «эматыўнасць» (сістэма тэкставых паказчыкаў), а таксама паняцці *эматыў*, *эमतэма*, *эматыўныя сродкі*. Трохкампанентная структура «аўтар – тэкст – чытач» утварае сэнсава-эстэтычнае адзінства для асэнсавання эматыўнасці. Канцэптuallyны вектар тэорыі: эмоцыя прысутнічае на ўсіх узроўнях арганізацыі паэтычнага тэксту.

Актуальнасць такога даследавання падмацоўваецца з'яўленнем у канцы XX – пачатку XXI ст. у замежным літаратуразнаўстве шэрагу манаграфій (П. Стоквел, Р. Цур, Л. Заншайн, П. Хоган, А. Палмер, М. Берк, П. Крысп, К. Эмат, Д. Гавінс, Р. Гібс, К. Гамільтан і інш.), прысвечаных ролі эмоцыі ў мастацкай літаратуры. У названых працах пераважаюць лінгвакультуралагічны, філасофскі, гістарычны, эстэтычны і іншыя падыходы. Дзякуючы міждысцыплінарнаму і міждыкурснаму падыходам у сучасным замежным літаратуразнаўстве з'яўляюцца даследаванні, аўтары якіх часта выступаюць спецыялістамі адразу ў некалькіх галінах. Іх працы апелююць не да асобных метадаў сумежных дысцыплін, а да ўсяго комплексу навуковага інструментарыю. Падставай для пошуку выступае не вузкая літаратуразнаўчае поле, а шырэйшы культурна-гістарычны кантэкст. Задачы навукі аб літаратуры абумоўліваюць зварот даследчыкаў да нетрадыцыйных метадаў, тэорый, падыходаў і гіпотэз, у тым ліку з прыцягненнем альтэрнатыўных эмпірычных даных.

Мастацкае чытанне і рэакцыі чытача ўсё часцей становяцца прадметам усебаковага вывучэння з далучэннем метадаў філасофіі, псіхалогіі, нейралогіі і іншых дысцыплін. Сярод замежных даследаванняў варта назваць працы Патрыка Колма Хогана “What Literature Teaches Us about Emotion” (“Што літаратура вучыць нас пра эмоцыю”) (2011) [5] і Дэвіда Міала, аднаго з заснавальнікаў эмпірычнага вывучэння чытацкіх рэакцый, “Literary Reading: Empirical and Theoretical Studies” (“Літаратурнае чытанне: Эмпірычныя і тэарэтычныя даследаванні”) (2006) [6], прысвечаныя эмпатыі і асаблівасцям успрымання мастацкага тэксту.

Патрык Колм Хоган у сваёй манаграфіі прапануе канцэпцыю, згодна з якой літаратура з'яўляецца крыніцай ведаў пра эмоцыі. Ён даследуе шэраг фундаментальных эмоцый – ад рамантычнага кахання і гора да віны, сораму і рэўнасці – на матэрыяле твораў сусветнай літаратуры. Пры гэтым аўтар адзначае, што сярод кагнітыўных даследчыкаў (на момант выхаду яго манаграфіі ў 2011 годзе) не было тэарэтыкаў літаратуры, гэта значыць, літаратуразнаўчыя працы па тэорыі эматыўнасці на той час фактычна адсутнічалі. Толькі ў апошнія пяць гадоў з'явіліся даследаванні, у якіх распрацоўваюцца новыя тэарэтычныя паняцці і метадалогіі вывучэння эматыўнасці, а таксама праяўляецца цікавасць да розных спосабаў і сродкаў “матэрыялізацыі” эмоцыі ў мастацкім тэксце, – таму звернемся да ключавых сучасных прац, найбольш блізкіх да задач тэорыі літаратуры.

Джон Брэнкман у даследаванні “Mood and Trope: The Rhetoric and Poetics of Affect” (“Настрой і троп: Рыторыка і паэтыка афекту”) (2020, Чыкага) [7] імкнецца пераадолець разрыў паміж “лінгвістычным” (фокус на мове, тропях) і “афектыўным” паваротамі, лічачы іх не дзвюма рэальнасцямі, а двума бакамі аднаго цэлага, якія патрабуюць аналізу ў непарыўнай сувязі. У гэтай працы (2020), якая выйшла пасля нашай манаграфіі (2018), пазіцыянуецца рытарычны падыход і паэтыка афекту, аднак у ёй ёсць шэраг палажэнняў, блізкіх нашым.

Па-першае, настрой і троп так глыбока звязаныя, што адзін не існуе без другога. Гэта азначае, што любы эмацыянальны стан у вершы абавязкова выяўляецца праз канкрэтныя рытарычныя фігуры, і наадварот – любы троп (метафара, метанімія і г.д.) нясе ў сабе пэўны эмацыянальны зарад.

Па-другое, эмоцыя ніколі не бывае проста і аднаслойнай. Яна заўсёды шматскадовая, у ёй ёсць розныя пласты, адценні, нават супярэчнасці.

Па-трэцяе, ключ – у выказванні, а не ў выказаным: эмоцыя знаходзіцца не ў тым, што гаворыцца пра пачуцці (п р а ш т о тэкст), а ў самім спосабе, манеры гаварэння (у нас – я к пабудавана паэтычнае выказванне).

Такім чынам, нягледзячы на розныя навуковыя традыцыі (постсавецкае літаратуразнаўства і замежная філасофска-рытарычная крытыка), мы прыходзім да высновы, што наша тэорыя і канцэпцыя Дж. Брэнкмана сыходзяцца ў галоўным: эмоцыя ў паэзіі – гэта не толькі тое, п р а ш т о гаворыцца, але і тое, я к пабудавана выказванне. Абодва падыходы сцвярджаюць непарыўную сувязь паміж эмацыянальным станам (настроем, афектам) і яго моўным увасабленнем (тропамі, рытарычнымі фігурамі, формай), разумеючы эмоцыю як структураўтваральны фактар тэксту, які жыве ў самой яго тканіне.

Асноўнае адрозненне нашай тэорыі ад канцэпцыі Д. Брэнкмана заключаецца ў мэтах і метадалогіі. Намі створана сістэмная літаратуразнаўчая тэорыя, у якой распрацаваны паняццыйны апарат («эматыўнасць», «паэтычная эмоцыя», «эмацэма», «вобраз-эматыў» і інш.) і прапануецца канкрэтны метада – шматузроўневы эматыўны аналіз (на ўзроўні фанетыкі, лексікі, сінтаксісу, кампазіцыі, лірычнага сюжэту і інш.). Такі падыход з’яўляецца ўніверсальным і прыдатным для аналізу любога паэтычнага тэксту. Д. Брэнкман жа прынцыпова адмаўляецца ад стварэння сістэмы. Ён займаецца філасофска-рытарычнай крытыкай: яго мэта – не даць інструмент, а паказаць, як канкрэтны твор супрацьстаіць філасофскім канцэпцыям афекту. Крытыка, паводле Д. Брэнкмана, павінна быць «настроена на дысананс» і адзінкаваць кожнага твора. Такім чынам, метафарычна кажучы, у нашым даследаванні мы імкнуліся стварыць карту эмацыянальнага ландшафту паэзіі, а Д. Брэнкман вучыць арыентавацца без карты, давяраючы толькі самому тэксту і яго дысанансам. Пры гэтым з дапамогай метадаў філасофскай крытыкі ён вывучае рыторыку афекту і надае эмоцыі сістэмаўтваральную функцыю ва ўнутранай логіцы тэксту. Мы таксама звяртаемся да тэорыі афекту, але на ўзроўні раскрыцця эмацэмы (сюжэтна-кампазіцыйнай адзінкі лірычнага перажывання) і праз аналіз праяўлення эмоцыі на розных узроўнях арганізацыі тэксту. Мы не апелюем да «супярэчнасцяў» эмацыянальнага выражэння/выяўлення ў духу дэканструкцыі, а паказваем, як розныя фармальныя элементы ствараюць эмацыянальную паліфанію.

Сучасныя напрамкі даследавання эмоцыі ў мастацкай літаратуры

Намі выяўлены таксама іншыя актуальныя сучасныя напрамкі ў даследаванні эмоцыі ў мастацкай літаратуры: *афектыўная тэорыя* (Ларэн

Берлант, Сара Ахмед), *кагнітыўная паэтыка* (Рэўвен Цур, Пітэр Стоквел, Маргарэт Фрымэн, Катрына Брэнан), *псіхапаэтыка* (Вілі ван Пір, Ганна Часнакова, Кіт Оўтлі), *нейраэстэтыка* (Вульф Менінгхаус, Ойген Васілівіцкі).

Афектыўная тэорыя выводзіць эмоцыю ў сацыяльнае і палітычнае поле, разглядаючы яе як прадмет культурнай крытыкі. Яе прадстаўнікі (Л. Берлант, С. Ахмед) сцвярджаюць, што эмоцыі не заключаны ў аб'ектах ці тэкстах, а нараджаюцца ў кругаваароце паміж цялесным, тэкстуальным і сацыяльным. У працы Л. Берлант “Cruel Optimism” (“Жорсткі аптымізм”) (2011) [8] паказана, як афекты структуруюць адносіны чалавека са светам і сацыяльнымі нормама; яе паняцце “жорсткі аптымізм” актыўна выкарыстоўваецца ў аналізе паэзіі. С. Ахмед у кнізе “The Cultural Politics of Emotion” (“Культурная палітыка эмоцый”) (2004) [9] распрацоўвае ідэю, што эмоцыі нараджаюцца ў працэсе цыркуляцыі паміж тэкстамі і чытачамі; гэты падыход таксама шырока прымяняецца ў сучасным аналізе мастацкіх твораў.

Кагнітыўная паэтыка вывучае тое, як паэтычныя тэксты ўзаемадзеінічаюць з чалавечым мысленнем, успрыняццём і эмоцыямі. Р. Цур – згадаем яго працу “Toward a Theory of Cognitive Poetics” (“Да тэорыі кагнітыўнай паэтыкі”) (2008) [10] – лічыцца заснавальнікам кагнітыўнай паэтыкі. Ён адным з першых сістэматычна даследаваў, як кагнітыўныя працэсы структуруюць паэтычную форму і ўплываюць на ўспрыманне эмоцый чытачом. У межах гэтага напрамку працуе і М. Фрымэн. У адной з яе апошніх прац “The Poem as Icon: A Study in Aesthetic Cognition” (“Верш як ікона: Даследаванне эстэтычнага пазнання”) (2020) [11] дэманструецца, як паэзія стварае эстэтычны і эмацыянальны досвед, які выходзіць за межы чыста кагнітыўнага ўспрымання. У кнізе М. Фрымэн разглядае паняцце “іконы” ў паэзіі, ролю метафары, схемы і афекту. Яе цэнтральная ідэя – верш ёсць ікона, а паэтычная іканічнасць – гэта афектыўны водгук на рэальнасць, які перадаецца чытачу. Аналіз верша У. Стывенса “Улада чорнага” – прыклад кагнітыўнай літаратурнай крытыкі, дзе аўтар падрабязна разбірае, як моўныя сродкі, гукі, колеры і архетыпы ствараюць афектыўны досвед страху.

У манаграфіі Катрыны Брэнан “Language, Cognition and Emotion in Keats’s Poetry” (“Мова, пазнанне і эмоцыя ў паэзіі Кітса”) (2022) [12] мы знойдзем прымяненне метадалогіі кагнітыўнай лінгвістыкі і кагнітыўнага падыходу да паэзіі Джона Кітса ў даследаванні артыкуляцыі эмоцый. Аўтар абапіраецца на цялесную перспектыву і аналізуе, як граматычныя і лексічныя элементы разам ствараюць эмацыянальную выразнасць паэтычнага твора. Такім чынам, менавіта ў межах кагнітыўнага літаратуразнаўства дасягнуты найбольш значныя тэарэтычныя вынікі ў сферы апісання паэтычнай эмоцыі.

Псіхапаэтыка даследуе эмпірычныя рэакцыі чытачоў з дапамогай анкет, статыстыкі або кагнітыўных сімуляцый. Фокус тут – на ўспрыняцці тэксту. У кнізе Вілі ван Піра і Ганны Часнакавай “Experiencing Poetry:

A Guidebook to Psychopoetics” (“Перажываючы паэзію: Даведнік па псіхапаэтыцы”) (2023) [13] прадстаўлены вынікі вывучэння эмацыянальнага досведу чытача з дапамогай эмпірычных метадаў. У ёй выяўляюцца кагнітыўныя і афектыўныя прынцыпы, якія тлумачаць прыцягальнасць паэзіі: здзіўленне, катарсіс, суцяшэнне, уражанне прыгажосцю. Выкарыстоўваюцца колькасныя метады (шкалы Лікёрта, ANOVA, статыстычны аналіз). Яшчэ адзін прадстаўнік псіхапаэтыкі – Кіт Оўтлі. Ён распрацаваў тэорыю сімуляцыі, у рамках якой прапануе кагнітыўнае мадэляванне пэўных псіхічных структур. Асноўны акцэнт даследчык робіць на кагнітыўных працэсах, што ляжаць у аснове эмацыянальнага перажывання пры чытанні паэзіі. Сярод іх – семантыка, прасодыя (гукавы і рытмічны бок верша) і самарэфлексія, якая дазваляе чытачу ўсвядоміць уласныя эмоцыі.

Нейраэстэтыка вывучае цялесныя рэакцыі (мурашкі, слёзы) і карэляты ў мозгу. Гэта зусім іншы ўзровень рэальнасці – біялогія ці фізіялогія паэтычнага афекту, а не паэтыка.

У апошнія гады ў замежным літаратуразнаўстве сфарміраваліся некалькі новых напрамкаў вывучэння эмоцыі, якія можна ахарактарызаваць як *фонацэнтрычную паэтыку, афектыўную нявызначанасць і перамешчаныя афекты*.

Віктар Бермудас у сваёй працы “Felt Anticipation: Rhythm, Expectation, and Emotion in Friederike Mayröcker’s Poetic Spoken Atmospheres” (“Адчутае чаканне: Рытм, чаканне і эмоцыя ў паэтычных гукавых атмасферах Фрыдэрыкі Майрöker”) (2024) [14] прапануе міждысцыплінарны падыход на стыку кагнітыўнай паэтыкі, фенаменалогіі і гукавых даследаванняў. Ён уводзіць паняцце «паэтычная гукавая атмасфера» як інтэрсуб’ектыўную з’яву, што ўзнікае на скрыжаванні паэтычнага голасу і ўспрыняцця слухача. Аналізуючы рытм, напружанне і эмоцыю вершаў Майрöker з дапамогай спектраграм, даследчык вылучае працягласць, інтэнсіўнасць і знікненне гуку, якія дазваляюць зразумець эмацыянальны ўзровень паэтычных гукаў. Галоўная гіпотэза: сэнс сапраўды адчуваецца.

Эліна Сілтанен у даследаванні “Bound by a Shared Affect: Insights into Reading and Teaching Emotions in Recent Poetry” (“Звязаныя агульным афектам: Роздум пра чытанне і выкладанне эмоцый у сучаснай паэзіі”) (2024) [15] прапануе тэарэтычны падыход да інтэрпрэтацыі паэзіі пад назвай «чытанне для афектыўнай нявызначанасці». Абапіраючыся на тэорыю Сары Ахмед аб узнікненні эмоцыі ў цыркуляцыі паміж чытачом і тэкстам, Э. Сілтанен разглядае верш як аб’ект, які фарміруе эмацыянальны водгук. На матэрыяле дзвюх паэтычных кніг даследчыца паказвае, як вершы ствараюць нявызначанасць у міжасабовых адносінах, што служыць асновай для разумення афекту.

У працы Жана Аарона дэ Борха “Upon Losing One’s Map: Displaced Affects in Fatima Lim-Wilson’s Poetry” (“Калі губляеш карту: Перамешчаныя афекты ў паэзіі Фацімы Лім-Уілсан”) (2025) [16] даследуецца паэзія філі-

пінска-амерыканскай паэтэсы Фацімы Лім-Уілсан праз зварот да канцэпцыі «перамешчаных афектаў». Дэ Борха паказвае, як лірычная гераіня Лім-Уілсан супраціўляецца лінейнаму часу і прасторавым якарам, характэрным для мігранцкага досведу. Яна не ўкаранёная ні ў мінулае (радзіму), ні ў цяперашняе (Амерыку). Замест гэтага яе афекты перамяшчаныя – яны існуюць у «вечным пераходзе», дзе афектыўныя структуры самі становяцца картай жыцця.

Новыя тэарэтычныя адкрыцці знойдзем у дысертацыйнай працы Пятра Вячорка “At the same time: weaving loop, spectrum and affect in literary portraits by Gertrude Stein and Zong! by M. NourbeSe Philip” (“Адначасова: Пляценне пятлі, спектра і афекту ў літаратурных партрэтах Гертруды Стайн і *Zong!* М. НурбеСэ Філіп”) (2025) [17]. П. Вячорак распрацоўвае канцэпцыю «спектральнага чытання» і «суб’ектыўнага карэлята» – новыя інструменты паэтычнага аналізу. Ён даследуе, як гукавыя петлі ў тэкстах Гертруды Стайн і М. НурбеСэ Філіп генеруюць у чытача змененыя станы свядомасці, недаступныя семантычнай рэферэнцыяльнасці.

Хелен Вендлер у кнізе “Inhabit the Poem: Last Essays” (“Засяліць верш: Апошнія эсэ”) (2025) [18] сцвярджае, што вершы нараджаюцца з “вострага болю”, і пераўтварае аналіз твора ў “засяленне” іх свету. “Засяліць верш” для даследчыцы азначае не проста зразумець яго тэму ці настрой, а пражыць яго структуру, адчуць, як рытм, сінтаксіс і вобразнасць працуюць разам, каб стварыць эмацыянальны досвед. Для яе форма і мова верша – гэта дакладныя злепкі пачуцця і думкі. Х. Вендлер прапануе “засяленне” як інтуітыўны, але глыбока дысцыплінаваны акт уважлівага чытання і схіляецца да практыкі “медытацыі над вершам”.

Такім чынам, сучасныя даследаванні эмоцыі ў паэзіі развіваюцца ў некалькіх напрамках. Адны навукоўцы (В. ван Пір, Г. Часнакова, К. Оўтлі) ідуць шляхам эмпірычнай і кагнітыўнай верыфікацыі. Другія (В. Менінгхаўс, О. Васілівіцкі) даследуюць нейрафізіялагічныя карэляты афекту. Трэція (Л. Берлант, С. Ахмед, Э. Сілтанен) разглядаюць эмоцыю як сацыяльна-культурную з’яву. Чацвёртыя (В. Бермудас, П. Вячорак) звяртаюцца да гукавой матэрыяльнасці паэзіі. І, нарэшце, Д. Брэнкман і Х. Вендлер даказваюць, што эмоцыя жыве ў тропях, сінтаксісе і кампазіцыі.

Пры ўсёй разнастайнасці метадаў за межамі ўвагі застаецца галоўнае: адсутнічае адзіная літаратуразнаўчая тэорыя, якая б інтэгравала гэтыя адкрыцці ў сістэмны аналіз паэтычнага тэксту. Большасць замежных даследаванняў альбо зводзяць эмоцыю да псіхалогіі (чытача ці аўтара), альбо да сацыялогіі, альбо да нейрабіялогіі, часта засяроджваюцца на асобным аспекце (граматыка, гук, вобраз), губляючы сам тэкст як мастацкую цэласнасць. Наш сістэмны падыход і шматузроўневая тэорыя эматыўнасці, дзе эмоцыя разглядаецца як структураўтваральны фактар тэксту на ўсіх яго ўзроўнях – ад фанетыкі да кампазіцыі, дае канкрэтны метадавы эматыўнага аналізу паэтычнага твора і застаецца актуальнай у кантэксце сусветнага

літаратуразнаўства. Атрыманыя намі вынікі сведчаць аб тым, што далейшая распрацоўка праблематыкі эматыўнасці паэзіі патрабуе звароту да шэрагу сумежных тэарэтычных абласцей. Да іх адносяцца: вывучэнне канцэптаў і канцэптасферы, прырода эстэтычнага і спецыфіка эстэтычных эмоцый, працэсы сімвалізацыі эмоцый, а таксама ўплыў эмоцый на фарміраванне літаратурных напрамкаў (рамантызму, сентыменталізму) і адпаведных ім тыпаў светаўспрымання (ідылічнага, рамантычнага, сентыментальнага). Літаратурных напрамкаў азначана два, а адпаведных ім тыпаў светаўспрымання – тры. Акрамя таго, перспектыўнымі кірункамі даследавання выступаюць устанаўленне суаднесенасці катэгорый эмоцыі і аксіялогіі, а таксама эматыўнасці і інтэртэкстуальнасці. Пералічаныя аспекты істотна пашыраюць абсяг даследавання ў межах самастойнага навуковага напрамку – літаратуразнаўчай эматыялогіі.

ЛІТАРАТУРА

1. Сквозь слезы. Русская эмоциональная культура / сост. К. Богданов. – М. : Новое литературное обозрение, 2023. – 488 с.
2. *Криворучко, С.* Афект і рефлексія: модальнасці эмоцыйнага в новітній україньскій поезіі / С. Криворучко. – Луцьк : Твердиня, 2023. – 320 с.
3. Эмоції та літаратура: антропалагічний поворот / за рэд. Т. Гундорової. – Кіў : Акадэмпэрыодика, 2021. – 420 с.
4. *Калядка, С. У.* Літаратуразнаўчая тэорыя паэтычнай эмоцыі / С. У. Калядка. – Мінск : Беларус. навука, 2018. – 350 с.
5. *Hogan, P. C.* What Literature Teaches Us about Emotion / P. C. Hogan. – Cambridge : Cambridge University Press, 2011. – X, 352 p.
6. *Miall, D. S.* Literary Reading: Empirical and Theoretical Studies / D. S. Miall. – New York : Peter Lang, 2006. – VIII, 234 p.
7. *Brenkman, J.* Mood and Trope: The Rhetoric and Poetics of Affect / J. Brenkman. – Chicago ; London : The University of Chicago Press, 2020. – X, 304 p.
8. *Berlant, L.* Cruel Optimism / L. Berlant. – Durham; London : Duke University Press, 2011. – VIII, 342 p.
9. *Ahmed, S.* The Cultural Politics of Emotion / S. Ahmed. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2004. – VIII, 256 p.
10. *Tsur, R.* Toward a Theory of Cognitive Poetics / R. Tsur. – 2nd expanded and updated ed. – Brighton ; Portland : Sussex Academic Press, 2008. – XIV, 610 p.
11. *Freeman, M. H.* The Poem as Icon: A Study in Aesthetic Cognition / M. H. Freeman. – Oxford : Oxford University Press, 2020. – XIV, 228 p.
12. *Brannon, K.* Language, Cognition, and Emotion in Keats's Poetry / K. Brannon. – New York : Routledge, 2022. – XII, 210 p.

13. *Peer, W. van.* Experiencing Poetry: A Guidebook to Psychopoetics / W. van Peer, A. Chesnokova. – London ; New York : Routledge, 2023. – VIII. – 196 p. ; Bloomsbury Academic, 2023. – XIV. – 236 p.
14. *Bermúdez, V.* Felt Anticipation: Rhythm, Expectation, and Emotion in Friederike Mayröcker's Poetic Spoken Atmospheres / V. Bermúdez // *Arcadia*. – 2024. – Vol. 59, iss. 2. – P. 169–186.
15. *Siltanen, E.* Bound by a Shared Affect: Insights into Reading and Teaching Emotions in Recent Poetry / E. Siltanen // *Pedagogy: Critical Approaches to Teaching Literature, Language, Composition, and Culture*. – 2024. – Vol. 24, iss. 1. – P. 1–20.
16. *Borja, J. A. de.* Upon Losing One's Map: Displaced Affects in Fatima Lim-Wilson's Poetry / J. A. de Borja // *Cordite Poetry Review*. – 2025. – Iss. 114 (The Affective Turn). – URL: <https://cordite.org.au/essays/upon-losing-ones-map/> (date of access: 09.04.2026).
17. *Wieczorek, P.* At the same time: weaving loop, spectrum and affect in literary portraits by Gertrude Stein and Zong! by M. NourbeSe Philip : PhD diss. / P. Wieczorek. – Vancouver : The University of British Columbia, 2025. – 146 p.
18. *Vendler, H.* Inhabit the Poem: Last Essays / H. Vendler. – New York : Library of America, 2025. – 279 p.

Поступила в редакцию 15.04.2026

УДК 821.581.09-055.2+821.161.3.09-055.2(045)

Ли Цзяци

аспирант
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
замежных моў
г. Мінск, Беларусь

Li Jiaqi

PhD Student
Belarusian State University of Foreign Languages
Minsk, Belarus
lijiaqi7575@gmail.com

Воїнава-Страха

Марыя Міхайлаўна

кандыдат філалагічных навук, дацэнт,
загадчык кафедры беларускай
філалогіі і замежнай літаратуры
Беларускі дзяржаўны
ўніверсітэт замежных моў
г. Мінск, Беларусь

Maryia Voinava-Strakha

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Belarusian Philology
and World Literature
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
mvoinovabel@yandex.by

ШЛЯХІ ДА САМАІДЭНТЫФІКАЦЫІ: АСАБЛІВАСЦІ РАЗВІЦЦА ЖАНОЧАЙ ЛІТАРАТУРЫ КІТАЯ І БЕЛАРУСІ

У артыкуле даследуюцца асноўныя тэндэнцыі развіцця жаночай літаратуры Беларусі і Кітая ў параўнальным аспекце. У выніку даследавання вылучаецца шэраг тоесных тэндэнцый, сярод якіх імкненне пераадолець стэрэатыпны лад мыслення адносна размеркавання гендарных роляў, сцверджанне жаночкасці, цялеснасці, уласнай годнасці і права на самавызначэнне безадносна да мужчыны. Для абедзвюх літаратур характэрны зварот да вобраза «новай жанчыны». Развіваючыся ў межах адрозных гісторыка-культурных парадыгм, кітайская і беларуская жаночая літаратура судакранаюцца ў галоўным – сцверджанні прыярытэтнага права жанчын на асобасную самаідэнтыфікацыю, што стварае прыдатную глебу для правядзення далейшых кампаратывных даследаванняў у гэтай галіне.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *жаночая літаратура; кітайская літаратура; беларуская літаратура; тэндэнцыі развіцця; гендарная праблематыка.*

WAYS TO SELF-IDENTIFICATION: PECULIARITIES OF THE DEVELOPMENT OF WOMEN'S LITERATURE IN CHINA AND BELARUS

The article examines the main trends in the development of women's literature in Belarus and China in a comparative aspect. As a result of the study, a number of identical trends are identified, including the desire to overcome the stereotypical way of thinking regarding the distribution of gender roles, the assertion of femininity, physicality, self-worth and the right to self-determination regardless of the man. Both literatures are characterized by an appeal to the image of the "new woman". Developing within the framework of different historical and cultural paradigms, Chinese and Belarusian women's literature come into contact in the main thing – the assertion of the priority right of women to personal identity, which creates a suitable ground for further comparative studies of Belarusian-Chinese women's literature.

Key words: *women's literature; Chinese literature; Russian literature; development trends; gender issues.*

Актыўнае развіццё міжкультурнага дыялогу паміж Рэспублікай Беларусь і Кітайскай Народнай Рэспублікай вымагае неабходнасць правядзення кампаратыўных даследаванняў у самых розных галінах навукі. Так, беларуска-кітайскія літаратурныя сувязі даўно знаходзяцца ў фокусе ўвагі айчынных навукоўцаў і выдавецтваў. У гэтым рэчышчы нельга не згадаць грунтоўную дысертацыйную працу В. Жукавец «Рецепция китайской литературы в Беларуси (XX — начало XXI в.)», дапаможнік калектыву аўтараў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта «Рэцэпцыя беларускай літаратуры ў Кітаі» (XX–XXI стст.), выданні серыі «Светлыя знакі: паэты Кітая», у рамках якой больш за 10 паэтычных кніг кітайскіх аўтараў убачылі свет на беларускай мове і інш.

Усё часцей беларускія даследчыкі скіроўваюць увагу на параўнальны аналіз гендарнай праблематыкі ў айчынным і кітайскім прыгожым пісьменстве, што, бясспрэчна, лагічна. Абодва народы маюць багатую літаратурную спадчыну, у якой закладзены ўнікальныя погляды на сямейныя адносіны, ролю жанчыны ў грамадстве, а таксама мноства іншых культуралагічных аспектаў. У гэтым кірунку падаецца актуальнай мэта дадзенага артыкула – выяўленне асаблівасцей тэндэнцый развіцця жаночай літаратуры ў Кітаі і Беларусі, што можа скласці прыдатную аснову для ажыццяўлення далейшых кампаратыўных даследаванняў у гэтай галіне.

Жаночая літаратура на працягу доўгага часу з’яўлялася аб’ектам літаратуразнаўцаў і не страчвае сваёй актуальнасці ў кантэксце рэалій XXI стагоддзя. Гэта акалічнасць невыпадковая, бо зняцце абмежаванняў для прадстаўніц «прыгожага полу» ў аспекце магчымасцей сацыяльнай рэалізацыі ў розных сферах жыцця не зменшыла значнасці гендарнай праблематыкі. Яе актуалізацыя ў мастацкай творчасці «дэманструе працэс асэнсавання інтэлектуалкамі адначасна з правамі і прывілеямі і сваіх абмежаванняў, накладзеных на іх лёс прыналежнасцю да “слабага полу” (згодна з З. Фрэйдам, анатомія / пол – гэта лёс)» [1, с. 116]. Як слушна адзначае Т. Фіцнер, прадстаўніцы сучаснага мастацтва слова «выяўляюць свае адносіны да так званага жаночага пытання (у больш шырокім сэнсе да гендарных узаемаадносін) у непасрэдных паводзінах у рэальным жыцці і праектуюць іх на сюжэты, праблематыку і вобразы гераінь / герояў сваіх твораў» [1, с. 116].

Як вядома, літаратура як мастацтва слова з’яўляецца выражэннем грамадскіх нормаў, устояў і ідэалаў, уключаючы гендарныя ролі і ідэнтычнасць. Доўгі час у прыгожым пісьменстве адлюстроўваліся ўстойлівыя гендарныя стэрэатыпы, згодна з якімі жанчыны паказваліся як слабыя, залежныя ад мужчын, у той час як мужчыны прадстаўляліся ў ролі моцных і дамінуючых. З развіццём феміністычнага руху і ростам усведамлення сацыяльных няроўнасцей у грамадстве пачалі з’яўляцца больш разнастайныя і складаныя жаночыя вобразы. Творы такіх аўтараў, як, напрыклад,

Вірджынія Вулф і Джэйн Осцін у замежнай літаратуры і Цётка (Алаіза Пашкевіч) у айчынным мастацтве слова, сталі вядомыя гераінямі, якія вылучаюцца сілай, незалежнасцю і складанымі ўнутранымі матывамі.

Варта акрэсліць, што гендарная праблематыка мае мноства культурных варыяцый. У літаратурах розных краін і рэгіёнаў адлюстроўваюцца адметныя сацыяльныя стэрэатыпы і каштоўнасці, якія ўплываюць на ўяўленні аб ролі мужчын і жанчын. Яркім прыкладам з'яўляецца кітайская жаночая проза. Скіруем увагу на найбольш значныя аспекты яе развіцця.

На працягу некалькіх тысячагоддзяў у Кітаі існавала патрылінейная сістэма, пры якой мужчыны дамінавалі ва ўсіх кірунках сацыяльнай і палітычнай дзейнасці. Кітайская літаратура, пачынаючы з класічнага канона, ілюструе гэту спецыфіку. Так, у «Кнізе пераменаў» (易经) мужчынскі пачатак суадносіцца з паняццем Ян, які сімвалізуе сонца. Ён увасабляе ўсё станоўчае і пазітыўнае, яго статус атаясамліваецца з небам [2]. Жаночы пачатак суадносіцца з паняццем Інь, што сімвалізуе месяц, і асацыіруецца з пасіўнасцю, цемрай, холадам, смуткам. Нягледзячы на тое, што ў самай ранняй канцэпцыі кітайскага міфа пра стварэнне свету гэтыя дзве стыхійныя сілы, Інь і Ян, знаходзіліся ў роўным становішчы, з часам Ян стаў атаясамлівацца з моцным, а Інь — з супрацьлеглым яму пачаткам.

Патрыярхальна-кланавая сістэма, якая склалася задоўга да нашай эры, распаўсюджанне канфуцыянскай ідэалогіі прадвызначылі своеасаблівы эталон размеркавання сацыяльных роляў. Так, жаночыя вобразы ўжо ў даўні перыяд былі абмежаваныя ідэяй цноты, паслухмянасці, скарэння перад воляй мужчыны. Адметна, што дамінаванне мужчынскіх вобразаў і прыгнёт жаночых сустракаецца не толькі ў літаратуры, напісанай мужчынамі, але і ў працах жанчын-пісьменніц таго часу. Так, вядомы твор «Нюй цзе» («Павучанне для жанчын») выбітнай пісьменніцы і першай кітайскай жанчыны-гісторыка Бань Чжао з дынастыі Хань (45–116 г. н.э.) уяўляе сабой своеасаблівую выхаваўчую праграму, у якой акрэслена мадэль паводзін для прадстаўніц жаночага полу: «трайнае падпарадкаванне» (мужу, брату, сыну), «чатыры дабрачыннасці» (маральнае аблічча, мова, знешні выгляд, праца) і г.д. [3].

Не менш яркім прыкладам асіметрыі гендарных роляў у гісторыі кітайскай літаратуры з'яўляецца матыў пераапраанання, адлюстраваны ў літаратуры XVII–XVIII стст. Так, у вядомым рамане XVII ст. «Цянь юй хуа» (天雨花) гераіня (магчыма, Тао Чжэньхуай) лічыць, што менавіта пераапраананне ў мужчынскую вопратку з'яўляецца адзінай магчымасцю канкурыраваць у свеце мужчын, засцерагчыся ад небяспекі, пазбегнуць прыгнёту з іх боку. Дадзены матыў быў даволі распаўсюджаны ў тагачаснай літаратуры (通俗小说).

З цягам часу ў працэсе сацыяльна-эканамічнага развіцця, трансфармацыі гісторыка-культурных умоў кітайскага грамадства жанчыны з большай упэў-

ненасцю сталі заяўляць пра свае правы. Так, на мяжы XIX–XX стагоддзяў у Паднябеснай сфарміраваліся чатыры нефармальныя аб'яднанні жанчын: пісьменніц-празаікаў, перакладчыц белетрыстыкі, аўтараў палітычных артыкулаў і актывістак, якія патрабавалі вызвалення жанчын ад сямейнага прыгнёту. Гэтыя аб'яднанні сталі вынікам Руху за правы жанчын (ньюцюань) [4].

Упершыню тэрмін *ньюцюань* з'явіўся ў артыкуле «Аб зносінах мужчын і жанчын», апублікаваным кітайскімі эмігрантамі ў Японіі ў часопісе «Грамадская думка» (першы нумар выйшаў у 1898 г.). Праз два гады Ма Цзюнью (1881–1940) апублікаваў пераклады артыкулаў Герберта Спенсера «Правы жанчын» і Джона-Сцюарта Міля «Аб свабодзе» і «Падпарадкаванасць жанчыны», якія выклікалі вялікі рэзананс у грамадстве і паспрыялі распаўсюджванню такіх паняццяў, як «натуральныя правы чалавека», «роўныя правы мужчыны і жанчыны», «свабода», «роўнасць» [5].

Даследчыца Н. У. Захарава звязвае наступную хвалю увагі да пытанняў эмансipaцыі ў Кітаі з «рухам супраць бінтавання ног», у падтрымку якога выступілі такія вядомыя літаратары, як Лян Цічаа, Янь Фу, Лін Шу, Цю Цзінь. Большую частку праціўнікаў бінтавання ног складалі адукаваныя жанчыны. Сваімі артыкуламі, вершамі і песнямі яны заклікалі адмовіцца ад звычаю нявечыць ногі, апявалі прыродную жаночую прыгажосць. З цягам часу заклікі адмовіцца ад бінтавання ног пераўтварыліся ў лозунгі перагляду канфуцыянскай сістэмы выхавання дзяўчынак, якая дазваляла толькі сямейнае навучанне. Згодна з данымі даследавання Н. У. Захаравай, у 1907 годзе маньчжурскі ўрад спецыяльным указам дазволіў ствараць школы для навучання дзяўчынак, а ў 1912–1913 гг. быў прыняты закон аб сумесным навучанні хлопчыкаў і дзяўчынак у пачатковай школе, што спрыяла павелічэнню колькасці адукаваных жанчын не толькі сярод забяспечаных сем'яў, але і ў асяроддзі ніжэйшых слаёў насельніцтва. Вялікую адукацыйна-асветніцкую ролю адыгрывалі перыядычныя выданні. У склад іх рэдкалегіі ўваходзілі ў тым ліку і жанчыны. Сярод першых кітайскіх пісьменніц, якія пачалі ўздымаць пытанні вызвалення жанчын ад патрыярхальных устояў, згадваецца Цю Цзінь (1875–1907). Нягледзячы на тое, што яе спадчына не вылучаецца разнастайнасцю, Цю Цзінь увайшла ў гісторыю кітайскага прыгожага пісьменства не толькі рэвалюцыйнымі для свайго часу поглядамі, але і тым, што стала адной з першых кітаянак, якія звярнуліся да празаічных жанраў. Сярод асаблівасцей яе стылю адзначаюць спалучэнне элементаў народнага апаведу і празаічнага рэчытатыву [5].

Уздым феміністычнага руху напрамую звязаны са з'яўленнем паняццяў «новай жанчыны Кітая» (新女性), «сучаснай жанчыны» (摩登女性), што прапагандавалі ідэалы адукацыі, прафесійнай рэалізацыі, раўнапраўя ў шлюбе і свабоды выбару. Даследчыца А. Ю. Анцыферава характарызуе новую жанчыну як «моцную, гарманічную, жывую асобу, для якой характэрна самастойнасць мыслення, рашучасць прапанаваць уласны альтэрнатыўны варыянт грамадскага і асабістага жыццяўладкавання» [6], у чым прасоч-

ваецца відавочны пратэст супраць патрыярхальнай дактрыны і канфуцыянскай ідэалогіі. Вобраз новай жанчыны стаў дамінуючым у творчасці Чжан Айлін (1920–1995), Дзін Лін (1904–1986), Чжан Цзе (1937–2022), Ван Аньі (нар. 1954) і інш. Яго папулярызацыі спрыялі і грамадска-палітычныя змены. Так, у 1990-х гадах кітайскі ўрад прыняў праграму пад назвай «Асновы развіцця кітайскіх жанчын», палажэнні якой на справе абаранілі законныя правы і інтарэсы жанчын і садзейнічалі стварэнню спрыяльных сацыяльна-эканамічных умоў для ўсебаковага развіцця кітайскіх жанчын.

Развіццё жаночай творчасці ў айчынным прыгожым пісьменстве адбывалася ў іншым гісторыка-культурным кантэксце, але па сваёй сутнасці мае шэраг пунктаў судакранання з кітайскай літаратурай. Да ХХ стагоддзя, яна таксама вылучалася фрагментарным характарам. Традыцыйна пералік пачынаецца з імя Ефрасінні Полацкай і яе стрыечнай сястры асветніцы Еўпраксіі, патэнцыяльнага аўтара «Жыцця... Ефрасінні Полацкай». Цэнтральнае звязно ў гісторыі беларускай жаночай прозы займае спадчына «нясвіжскай Сафо» Францішкі Уршулі Радзівіл (1705–1753), творчая праграма якой фарміравалася пад уплывам заходнееўрапейскай паэтычнай школы ХVII ст., але ў непасрэднай сувязі з мастацкімі здабыткамі айчыннай культуры Рэнэсансу і барока [7, с. 856]. Не менш знакавай постаццю ў гісторыі беларускай жаночай прозы з'яўляецца і аўтар вядомага твора «Авантуры майго жыцця» С. Русецкая-Пільштынова (1718–1760), асоба «самадастатковая, з падкрэслена актыўным, дзейсным пачаткам», бо «не сацыяльныя або гендарныя стэрэатыпы, не традыцыя і нарматыўнасць вызначаюць яе жыццёвую дарогу – яна свабодна ў сваім самавызначэнні і, пераадольваючы перашкоды і асабістыя драмы, сама творыць свой лёс» [8, с. 13].

Беларуская жаночая літаратура ХІХ ст. уяўляе асобны этап у сваім развіцці. Яна прадстаўленая такімі імёнамі, як Габрыеля Пузыня (1815–1869), Адэля з Устроіні, Марыя Багушэвіч (1865–1887), Зоф'я Тшашчкоўская (1847–1911), чыё пісьмо, з аднаго боку, «падае прыклады наслідавання мужчынскай традыцыі пісьма (рамантычнасць, краёвасць), з другога – выяўляе адметнасць жаночай творчасці ў параўнанні з мужчынскай (звышпачуццёвасць, афектыўнасць, увага да жаночых вобразаў і сітуацый), дае прыклады стварэння гендарных стэрэатыпаў і гендарнай асіметрыі, якія праяўляюцца ў жаночай творчасці ХХ ст.» [9].

Пачатак ХХ стагоддзя вылучаецца супярэчлівым характарам у кантэксце мастацкага асэнсавання жаночых вобразаў і гендарнай праблематыкі. З аднаго боку, дзякуючы кардынальнай змене гісторыка-культурнай парадыгмы жанчыны атрымалі магчымасць больш актыўнай самарэалізацыі ў сацыяльна-палітычным жыцці краіны, набылі большую самастойнасць і незалежнасць, у тым ліку ў сферы адукацыі і кар'еры. З другога боку, як заўважае Т. А. Фіцнер, «гаварыць пра жаночую (акцэнт на полавай прыналежнасці) традыцыю ў беларускай літаратуры на пачатку ХХ стагоддзя не выпадае» [9]. Надзённая павестка таго часу ўключала вырашэнне пытанняў дзяржаўнай

незалежнасці і нацыянальнага самавызначэння, развіцця роднай мовы, літаратуры, сістэмы адукацыі. Бясспрэчна, актыўную ролю ў гэтым працэсе адыгрывалі жанчыны-пісьменніцы. Так, выданне «Першага чытання для дзетак беларусаў» (1906) і часопіса «Лучынка» Цёткай (Алаіза Пашкевіч, 1876–1916), рэдагаванне зборніка твораў удзельнікаў Гарадзенскага гуртка беларускай моладзі «Колас беларускай нівы» (1913), выданне дзіцячых часопісаў «Заранка» і «Пралеска» Зоськай Верас (Людвіка Сівіцкая-Войцік 1892–1991) – неацэнны ўнёсак у галіне асветніцкай дзейнасці Беларусі таго часу. Гэта дае падставу некаторым даследчыкам вызначаць творчасць жанчын-пісьменніц як «андрагінную», «агульнанацыянальную», «усебеларускую» [9].

Нягледзячы на пэўную дыскусійнасць у навуковых колах гэтага выказвання, нельга не згадзіцца з тым, што так званая беларуская жаночая літаратура сапраўды з’яўлялася часткай агульнанацыянальнай, што ні ў якім разе не змяншае яе вартасці, бо яна напрамую была сугучная выклікам свайго часу. Як вядома, Кітай у акрэслены перыяд таксама перажываў шэраг грамадска-палітычных і сацыяльна-эканамічных пературбацый, аднак яны насілі іншы характар. У той час як «Рух 4 мая» 1919 года спрыяў узнікненню «новай жанчыны Кітая», тагачасны беларускі нацыянальны кантэкст не дазваляе вылучаць гэту дэфініцыю ў якасці асобнага паўнаважнага паняцця з прычыны якраз «агульнанацыянальнасці», «усебеларускасці» творчасці жанчын-пісьменніц таго перыяду.

У пачатку XX ст. назіраліся і падобныя з’явы ў развіцці жаночай літаратуры Беларусі і Кітая. Калі ў кітайскай літаратурнай традыцыі быў распаўсюджаны матыў пераапраанання ў мужчынскую вопратку ў літаральным сэнсе, то ў беларускім мастацтве слова гэта з’ява знайшла сімвалічнае ўвасабленне. Так, вышэйназваная «андрагіннасць» праяўлялася яшчэ і ў спробе «надзець» мужчынскую маску праз адпаведны псеўданім. Напрыклад, Цётка падпісвала свае творы як Гаўрыла, Гаўрыла з Полацка, Мацей Крапіўка, Зоська Верас дэбютавала на старонка «Нашай Нівы» як Мірко.

Супярэчлівасць мастацкага асэнсавання жаночых вобразаў у айчынным мастацтве слова XX стагоддзя абумоўлена яшчэ і двума палярнымі ў дачыненні да яго пунктамі погляду. Так, менавіта ў гэты перыяд айчынныя класікі Я. Колас, Я. Купала, Я. Брыль, І. Шамякін, І. Мележ, У. Караткевіч, В. Быкаў, Я. Сіпакоў і інш. спарадзілі ўзоры гераінь (Ядвіся, Люба Лук’янская, Ганна Чарнушка, Бандароўна і інш.), якія нявольна сталі падставай для фарміравання міфа аб жанчыне, якая з’яўляецца носбітам лепшых маральна-этычных якасцей, захавальніцай традыцый, патрыёткай. Іншымі словамі, мужчынамі-пісьменнікамі быў прадстаўлены так званы «тып жанчыны як духоўнага ідэалу» [1].

Разам з тым вылучаецца цалкам іншы ракурс у мастацкай спадчыне айчынных прадстаўніц «прыгожага полу». Так, у фокусе ўвагі К. Буйло

апынулася жанчына, перапоўненая эмоцыямі, на першым месцы ў яе вершах «чуюцца словы кахання» [9]. У паэзіі Л. Геніюш (1910–1983) лірычная гераіня хоць і выконвае традыцыйныя сацыяльныя ролі («Навучыла маці», «Маці», «Бабулька»), але яна выяўляе адметны жаночы погляд на тэмы вайны і смерці, перадае ноты пратэсту супраць патрыярхальнага ладу («Жаночы клопат», «Вайной», «Не хачу быць тваёю жонкаю» і інш.).

Наступнае пакаленне жанчын-пісьменніц прадстаўлена імёнамі В. Коўтун (1946–2011), Р. Баравіковай (1947–2026), Я. Янішчыц (1948–1988), якія, як слухна адзначае даследчыца Т. Фіцнер, здолелі ў большай ступені праявіць «сваю самасць у паэзіі з той прычыны, што мелі магчымасць аналізаваць творчасць сваіх папярэднікаў, мужчын і жанчын», што дазволіла «выпрацаваць “жаночы” стыль пісьма, які выявіўся найперш у інтымнай лірыцы» [9].

У ХХІ ст. голас жанчын-пісьменніц гучыць не менш выразна, чым у ранейшыя перыяды. А. Брава (нар. 1966), Л. Рублеўская (нар. 1965), В. Куртаніч (нар. 1963), Ван Ані (нар. 1954), Це Нін (нар. 1957), Лінь Бай (нар. 1958) і інш. з не меншым імпэтам, чым іх папярэдніцы, адлюстроўваюць на старонках твораў турботы і перажыванні сваіх суайчынніц, выносячы на шырокі агляд чытачоў вялікае кола анталогічных і аксіялагічных пытанняў, з вырашэннем якіх яны вымушаны сутыкацца ў паўсядзённым жыцці.

Такім чынам, аналіз развіцця жаночай літаратуры ў Беларусі і Кітаі дазваляе вылучыць шэраг тоесных тэндэнцый, сярод якіх відавочна вылучаецца імкненне пераадолець стэрэатыпны лад мыслення адносна размеркавання гендарных роляў, сцверджанне жаноцкасці, цялеснасці, уласнай годнасці і права на самавызначэнне безадносна да мужчыны. Для абедзвюх літаратур характэрны зварот да вобраза «новай жанчыны», моцнай, гарманічнай, жывой асобы, для якой уласціва самастойнасць мыслення, рашучасць прапанаваць уласны альтэрнатыўны варыянт грамадскага і асабістага жыццяўладкавання і воля супрацьстаяць традыцыі. Нягледзячы на адрозныя гісторыка-культурныя парадыгмы развіцця, кітайская і беларуская жаночая літаратура падобныя ў галоўным – сцверджанні прыярытэтнага права жанчын на асобасную самаідэнтыфікацыю, што стварае ўмовы для правядзення далейшых кампаратыўных даследаванняў у гэтым напрамку.

ЛІТАРАТУРА

1. *Фіцнер, Т. А.* Выяўленне гендэрных узаемаадносін у сучаснай жаночай прозе / Т. А. Фіцнер // *Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна.* – 2009. – № 4 (25). – С. 116–120. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyya-lenne-gendernyh-uzaemaadnosin-u-suchasnay-zhanochay-proze> (дата звароту: 30.04.2026).

2. *И, Цзин*. Книга перемен / Цзин И. – ООО «Издательская Группа “Азбука-Аттикус”», 2023. – URL: <https://flibusta.su/book/195525-itszin-kniga-peremen/read/> (дата обращения: 30.04.2026).
3. *Ban, Zhao*. Lessons for a Woman / Zhao Ban. – URL: https://ccnmtl.columbia.edu/services/dropoff/china_civ_temp/week03/pdfs/banzha1.pdf (mode of access: 30.04.2026).
4. ГУО Янь-ли, ГО Хао. Изучение китайской женской литературы (1900–1919). – URL: <https://max.book118.com/html/2016/0316/37783051.shtml> (дата обращения: 03.05.2026).
5. *Захарова, Н. В.* Становление женской прозы в Китае в начале XX века / Н. В. Захарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – №12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-zhenskoj-prozy-v-kitae-v-nachale-hh-veka> (дата обращения: 03.05.2026).
6. *Анцыферова, А. Ю.* «Новая жанчына»: мастацкі вымысел і факт. Вобразы фемінізму на мяжы XIX–XX стагоддзяў / А. Ю. Анцыферова // Навуковы часопіс. – 2018. – № 5. – С. 45–62. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-zhenschina-hudozhestvennyy-vymysel-i-fakt-lik-feminizma-na-rubezhe-xix-hh-vv/viewer> (дата звароту: 15.04.2025).
7. *Некрашэвіч-Кароткая, Ж. В.* Францішка Уршуля Радзівіл / Ж. В. Некрашэвіч-Кароткая // Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў: у 2 т. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – Т. 1: Даўняя літаратура XI – першая палова XVIII стагоддзя. – С. 855– 875.
8. *Бурдзялёва, І. А.* Літаратура ў каардынатах часу : выбраныя працы / І. А. Бурдзялёва. – Мінск : МДЛУ, 2024. – 232 с.
9. *Фіцнер, Т. А.* Жаночая традыцыя ў беларускай літаратуры XX стагоддзя: гендэрны аспект / Т. А. Фіцнер // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя філалагічных навук. Літаратуразнаўства. Мовазнаўства. – 2009. – № 1 (11). – С. 45–51. – URL: <https://rep.brsu.by/443/handle/123456789/2630> (дата звароту: 30.04.2026).

Поступила в редакцию 01.06.2026

УДК 821.161.3.091«14»

Мяцеліца Кірыл Ігаравіч

аспірант

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры,
мовы і літаратуры

Нацыянальная акадэмія навук Беларусі

г. Мінск, Беларусь

Kiryl Miatselitsa

PhD Student

Center for Belarusian Culture,

Language and Literature Researches

the National Academy of Sciences of Belarus

Minsk, Belarus

kmatsel@gmail.com

ВОБРАЗЫ ЎЛАДАРОЎ У «ЛЕТАПІСЦЫ ВЯЛІКІХ КНЯЗЁЎ ЛІТОЎСКІХ»

У артыкуле аналізуецца мастацкія асаблівасці адлюстравання прадстаўнікоў дынастыі Гедымінавічаў у «Летапісцы вялікіх князёў літоўскіх» – выдатным помніку беларускай літаратуры XV ст. У прыватнасці, вылучаны спецыфічныя рысы вобразнай сістэмы названага твора, выяўлены асноўныя прынцыпы канструявання вобразаў галоўных герояў. Акрамя таго, аўтарам зроблены шэраг тэксталагічных назіранняў, якія дазваляюць раскрыць новыя семантычныя пласты «Летапісца вялікіх князёў літоўскіх».

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *«Летапісец вялікіх князёў літоўскіх»; беларуска-літоўскія летапісы; Вялікае Княства Літоўскае; літаратура XV ст.; мастацкі вобраз; літаратурная характарыстыка.*

LITERARY PORTRAITS OF RULERS IN THE “CHRONICLE OF THE GRAND DUKES OF LITHUANIA”

This article examines the literary representation of the Gediminid dynasty in the Chronicle of the Grand Dukes of Lithuania, a seminal work of 15th-century Belarusian literature. The study identifies the distinct characteristics of the text's system of images and elucidates the core principles behind the construction of its protagonists. Furthermore, the author provides textual insights that uncover new semantic layers within the Chronicle, offering a deeper understanding of its narrative complexity.

Key words: *Chronicle of the Grand Dukes of Lithuania; Belarusian-Lithuanian chronicles; Grand Duchy of Lithuania; 15th-century literature; literary imagery; literary characterization.*

Складзены ў першай палове XV ст. «Летапісец вялікіх князёў літоўскіх» (далей – «Летапісец») меў выключнае значэнне ў працэсе фарміравання гістарычнай традыцыі і героіка-патрыятычнага дыскурсу ў даўняй беларускай літаратуры. Цэнтральнае месца ў гэтым наратыве займалі ўладары Вялікага Княства Літоўскага (далей – ВКЛ) – прадстаўнікі дынастыі Гедымінавічаў, чые летапісныя партрэты надоўга замясцілі ў шырокім уяўленні асобы рэальных князёў. Актуальнасць заяўленай тэмы абумоўлена ўстойлівай грамадскай цікавасцю да вытокаў беларускай дзяржаўнасці і, адпаведна, тых здабыткаў культуры (у тым ліку пісьмовай), якія ляжаць у падмурку нацыянальнай ідэнтычнасці. Акрамя таго, непераходзячую значнасць

для летапісознаўства мае заўсёды заворстранае пытанне суадносін паміж рэальнасцю і вымыслам у такога кшталту тэкстах. Мэта дадзенага артыкула – выяўленне спецыфікі стварэння вобразаў уладароў у «Летапісцы».

Разглядаемы помнік мае даволі складаную структуру, неаднароднасць якой была ўстаноўлена яшчэ ў другой палове XIX ст. С. Смолькам [1, с. 34–53]. Сучасныя навуковыя веды пра «Летапісец» дазваляюць вылучыць у ім дзве ўмоўныя часткі: асноўную – маналітную хроніку, якая развівае вузкі сюжэт міжусобнай барацьбы за ўладу ў ВКЛ і пачынаецца з пералічэння сыноў Гедыміна, а заканчваецца ўцёкамі Вітаўта з Крэўскага замка (1382)¹, і дадатковую – стылістычна стракатую і значна больш шырокую ў падзейным плане кампіляцую фрагментаў рознага паходжання, пачаткам якой лічыцца паведамленне пра адпраўку Ягайлам паслоў да Вітаўта, а завяршэннем – апісанне сустрэчы Вітаўта з маскоўскім вялікім князем Васіліем Дзмітрыевічам у Смаленску (1396) [3, с. 97–105]. Аднак па задуме невядомага кампілятара разам гэтыя блокі павінны былі ўтвараць адзіны тэкст, які і неабходна разглядаць у яго выніковай (хай сабе і некалькі «стыхійнай») цэласнасці.

Што датычыцца пытання гістарычнасці «Летапісца», то яно дагэтуль з’яўляецца дыскусійным. Знешняя фактаграфічная дасканаласць і абмежаванасць выяўленчых сродкаў, з дапамогай якіх аформлена хроніка, быццам бы павінны пераконваць у яе дакументальнасці. У той жа час з улікам вылучаных у апошнія гады ў тэксце помніка шматлікіх перыфраз, цытат і запачатванняў з іншых твораў (асобныя кнігі Бібліі, перакладная «Гісторыя Іўдзейскай вайны» Іосіфа Флавія, летапісы, літургічныя тэксты, апокрыфы і інш.) можна казаць пра даволі высокую ступень яго белетрызаванасці і, адпаведна, разглядаць як з’яву мастацка-публіцыстычную (пры ўсёй умоўнасці гэтага вызначэння ў дачыненні да тагачаснай кніжнай славеснасці)². Між тым праз опытку літаратуразнаўства праблема канструявання вобразаў уладароў у «Летапісцы» разглядалася спарадычна. З найбольш важных даследаванняў, у якіх тым ці іншым чынам закраналася гэта пытанне, перш за ўсё варта адзначыць працы Ф. П. Сушыцкага [5], В. А. Чамярыцкага [3], Г. Міцкунайце [6], Ю. М. Мікульскага [7] і інш.

Сціпласць гістарыяграфіі разглядаемай тэмы не ў апошнюю чаргу звязана з тым, што тэкст «Летапісца» ўтрымлівае няшмат канкрэтных апісанняў індывідуальных рыс і асабістых якасцей галоўных герояў, таму даследчыкам помніка даводзіцца мець справу пераважна з ускоснымі характарыстыкамі, выражанымі праз дзеянні персанажаў, перадачу іх маўлення ці дробныя, не заўсёды заўважныя дэталі, якія разам і ствараюць суцэльныя

¹ Першая частка «Летапісца» захвалася ў тым ліку і ў выглядзе асобнага пераклада са старабеларускай на лацінскую мову з загалоўкам «*Origo regis Jagyelo et Wytholdi ducum Lithuanie*» («Паходжанне караля Ягайлы і Вітаўта, князёў Літвы» [2, с. 59–70].

² Як адзначаў Д. С. Ліхачоў, сярэднявечныя аўтары схематызавалі факты ў межах, неабходных для іх лепшага ўспрыняцця чытачом. Пры гэтым некаторыя падзеі наноў інсцэніраваліся і драматызаваліся дыялогамі [4, с. 250].

вобразы Гедымінавічаў. Прычым некаторыя з гэтых контурных партрэтаў нясуць на сабе адбітак структурнай гетэрагеннасці «Летапісца», што праяўляецца ў разнапланавасці, а часам і ў непаслядоўнасці выяўлення адных і тых жа асоб. Тым не менш змест, а таксама мастацкія і тэксталагічныя асаблівасці твора даюць магчымасць скласці хаця б прыблізнае ўяўленне пра семантыку і функцыі вобразаў узгаданых у ім вялікіх князёў літоўскіх.

Своеасаблівым пралогам «Летапісца» з'яўляецца недатаванае паведанне пра размеркаванне Гедыміна зямель паміж сваімі сынамі. Гэты казачны матыў падзелу спадчыны і прыдае дынаміку сюжэту твора (і, як свядома абраны аўтарам пункт адліку, указвае на яго «літаратурную» арганізацыю)¹. Аднак у тэксце адсутнічаюць звесткі пра тое, калі і адкуль з'явіўся сам Гедымін. Яго вобраз пазбаўлены канкрэтных абрысаў: раптоўна ўспыхнуўшы ў якасці пачынальніка дынастыі, ён так жа імгненна згасе ў цемры мінулага. Складана сказаць, з чым звязана абьяквасць храніста да гэтага вялікага князя – банальным недахопам дакладных звестак ці неактуальнасцю на той момант глыбокіх генеалагічных росшукаў і, адпаведна, адсутнасцю неабходнасці ў выбудоўванні абстрактных гістарыясофскіх схем. Дзяржаўную значнасць гэтыя праблемы набылі пасля з'яўлення за межамі ВКЛ першых памфлетаў, у якіх змяшчаліся зневажальныя версіі паходжання Гедыміна. У прыватнасці, ужо прыкладна ў 1412–1413 гг. на тэрыторыі Тэўтонскага ордэна ўзнік твор пад назвай «Summarium von Jagel und Wytaut» («Сумарыум Ягайлы і Вітаўта»), у якім сцвярджалася, нібы Гедымін служыў канюшым князя Віцены [8, с. 94–101]. Так ці інакш Гедымін, які на момант стварэння «Летапісца» быў ужо, відаць, постацю паўлегендарнай, адыгрывае ў творы дзве важныя функцыі – персанажа-трыгера і маркера легітымнасці для сваіх нашчадкаў.

Паводле тэксту, воляй Гедыміна велікакняжацкі сталец у Вільні заняў Яўнут, які неўзабаве стаў ахвярай змовы ўласных братоў – Альгерда і Кейстута. Гісторыя змяшчэння Яўнута апісана ў «Летапісцы» без падрабязнасцей, але яе крыху іранічны тон паказвае непаважлівае стаўленне храніста да апальнага вялікага князя. Нагода для інтрыг Альгерда і Кейстута пададзена ў помніку максімальна цьмяна – Яўнут наўпрост «не *полюбілся*»² ім. Падчас перавароту Яўнут здолеў уцячы, але, хаваючыся ад пераследу, «*озябеть в ноги*» і ў такім стане быў схоплены, дастаўлены да Кейстута і пасаджаны «за *сторожю*». Пазбягаючы адкрыта негатыўных характарыстык, храніст праз гэты прыніжальны для зрынутага ўладара падзейны ланцужок (уцёкі – сховы – атрыманне недзеяздольнасці праз недарэчны збег

¹ Г. Міцкунайце бачыць у прадстаўленні радаводу пратаганіста «Летапісца» (Вітаўта) ад яго дзеда (Гедыміна) наследаванне «традыцыі рускага летапісання» [6, р. 25].

² Тут і далей, калі не агаворана іншае, тэкст «Летапісца» цытуецца паводле Супрасльскага спісу, апублікаванага ў 35-м томе Поўнага збору рускіх летапісаў [9, с. 61–66].

абставін) малюе маладушнасць і слабасць Яўнута, нявартую вялікага князя. Пасля таго, як Альгерд і Кейстут падзялілі паміж сабой уладу, іх нешчаслівы брат у якасці суцяшэння атрымаў ва ўдзел Заслаўе. Пасля гэтага імя Яўнута, чыё ўладаранне выглядае гістарычнай недарэчнасцю, пакідае старонкі «Летапісца». У пэўным сэнсе ў вобразе гэтага няўдалага правіцеля ўвасобілася адна з ідэалагічных устаноў твора – няздольны адстаяць свае правы ўладар асуджаны на забыццё. Аднак далейшыя падзеі хронікі прымушаюць паставіцца да эпизоду з Яўнутаў іначэй: па меры разгортвання сюжэта гэты казус пачынае успрымаецца як небяспечны прэцэдэнт.

У процілеглым плане прадстаўлены Альгерд і Кейстут, постаці якіх неадрыўна звязаны, а узаемаадносіны паказаны ледзь не ідылічна. Ад самага пачатку ў «Летапісцы» паведамляецца, што яны жылі «*во великои любви и милости и в ласце*» і потым, пасля перавароту, дамовіліся (пры фармальным вяршэнстве Альгерда) «*не мыслити лихомъ никому же никого*», а ўсе здабытыя гарады і землі «*делити наполю*». Князі-суправіцелі ўхвалілі кандыдатуры любімых сыноў у якасці сваіх пераемнікаў: Альгерд – Ягайлу, Кейстут – Вітаўта. У такой ціхамірнай згодзе яны, па словах храніста (магчыма, тэндэнцыйных [10, с. 8]), княжылі «*до живота своего*». Аднак асоба Альгерда ў гэтым дуумвіраце свядома адсунута на другі план. Калі Кейстут ва ўрыўку пра звяржэнне Яўнута выглядае ініцыятыўным і энергічным лідарам, які заняў з войскам Вільню і без пакут сумлення паланіў брата, то пра Альгерда сказана, што ён «*не поспел к тому року*». Абставіны спазнення не раскрываюцца, але ў гэтай недагаворцы адчуваюцца намёкі калі не на нерашучасць, то як мінімум на асцярожнасць Альгерда (ён «*борздо поспешить*» у Вільню, толькі пасля таго як даведаўся, што справа зроблена). Акрамя таго, у «Летапісцы» падкрэсліваецца, што Кейстут дабраахвотна адмовіўся ад вярхоўнай улады і велікадушна «*посади*» Альгерда на велікакняжацкі сталец (а потым пачаў «*держати*» і Ягайлу). Такая заостраная звышувана храніста да асобы Кейстута прадыхавана жаданнем абгрунтаваць правы Вітаўта на вялікае княжанне праз наўмыснае выпінанне выключнага палажэння яго бацькі [3, с. 107–108]. Таму не дзіўна, што ў помніку ўвогуле ніяк не адлюстравана багатае на падзеі і здзяйсненні панаванне Альгерда. Напрыклад, замоўчваюцца і прыжыццёвыя амбіцыі Альгерда, які ў пэўны момант нават стаў тытулаваць сябе «царом» [11, с. 95–97].

У цэлым, вобраз Альгерда ў «Летапісцы» не вылучаецца выразнасцю – у рэчышчы асноўнага сюжэта яго фігура з’яўляецца другаснай. Для храніста ён перш за ўсё аб’ект этыкетнага шанавання – памерлы законны ўладар (пройдзе час, і Вітаўт зойме «*стол дяди своего*» і «*отца своего*»¹) і, галоўнае, «*королев отец*» (акцэнт на гэтым зроблены двойчы). Лёгкім папрокам Альгерду выступае хіба толькі згадка пра яго спрыянне ўзвышэнню Вайдылы –

¹ Цыт. па Віленскім спісе з 35-га тома Поўнага збору рускіх летапісаў [9, с. 85–90]. У Супрасльскім спісе ў гэтым месцы лакуна.

першапачаткова чалавека нізкага сацыяльнага статусу, чые амбіцыі, на перакананне ананімнага аўтара, сталі каталізатарам цэнтральнага канфлікту твора.

Хаця пасля смерці Альгерда сталец у Вільні заняў Ягайла (гэтак жа намінальна, як і яго бацька, па версіі складальніка «Летапісца»), менавіта Кейстут стаў патрыярхам вялікай велікакняжацкай сям'і, яе найбольш уплывовым прадстаўніком і захавальнікам традыцый – той самай «старыны» Гедыміна. Персаніфікаваным увасабленнем «старыны» (заснаванай на прынцыпах непарушнасці звычаяў і парадкаў універсальнай каштоўнасці тагачасных людзей [12, с. 63–76]) і паказаны ў творы Кейстут. Яго галоўныя клопаты – абарона «*отчины*», а таксама ўмацаванне і падтрыманне аўтарытэту свайго роду. Паказальна, што ён разгневаўся, даведаўшыся пра намер Ягайлы аддаць сваю сястру Марыю замуж за Вайдылу – ужо баярына, але «*паробка невольного*» і «*холопа*» па паходжанні, як грэбліва адзначае храніст¹. Шлюб прадстаўніцы дынастыі Гедымінавічаў з чалавекам нерадавітым – выпадак экстраардынарны (і, дарэчы, адзіны вядомы [13, р. 23]). Згадка пра яго дадае ў тэкст элемент сацыяльнай напружанасці і праводзіць яшчэ адну кантрасную лінію: з аднаго боку паміж Альгердам і Ягайлам, з другога – паміж Кейстутам і Вітаўтам. Вузкасаслоўны кансерватызм апошніх у вачах храніста з'яўляўся безумоўнай цнотай.

Але, акрамя мезальянсу, складальнік «Летапісца» прыпісвае Вайдылу яшчэ і намер захапіць уладанні Кейстута. Былы халоп – ключавая фігура маштабнай змовы, арганізаванай Ягайлам у саюзе з крыжакамі супраць свайго дзядзькі. Прычым у тэксце не тлумачыцца, што падштурхнула маладога вялікага князя на радыкальны крок: жаданне пазбавіцца ад задушлівай апекі ці згубны ўплыў Вайдылы. Праўда, тут аўтара помнікі нельга папракнуць у непаслядоўнасці – раней ён таксама не стаў факусіравацца на прычынах адхілення ад улады Яўнута. У любым выпадку, даведаўшыся пра змову, Кейстут зноў праявіў рашучасць: паўторна захапіў Вільню і заняў, цяпер ужо для сябе, велікакняжацкі сталец. Ягайлу, які даў слова «*у воли его быти во всем*» і больш не выступаць супраць, ён літасціва адпусціў і нават вярнуў яму вотчынныя землі (Крэва і Віцебск). У гэтым месцы твора Кейстут дасягнуў апагею свайго «летапіснага» жыцця. Далей храніст, хацеў ён таго ці не, скрупулёзна перадаў, як няўмольны фатум усё ж насціг старога ўладара.

Падчас ваеннай выправы на Ноўгарад-Северскі супраць князя Карыбута Кейстут загадаў павесіць Вайдылу і выклікаў Ягайлу для ўдзелу ў паходзе. Але імпульсіўнасць вялікага князя справакавала Ягайлу на мяцеж. Напярэдадні вырашальнай бітвы Кейстут разам з Вітаўтам адправіліся на перамовы ў лагер Ягайлы, а адтуль у Вільню, дзе, нягледзячы на гарантаваную

¹ На думку С. К. Роўэла, звесткі «Летапісца» пра паходжанне Вайдылы з'яўляюцца тэндэнцыйнымі [13, р. 21–22].

ім недатыкальнасць, былі вераломна захоплены¹. Гэты ўрывац – найбольш драматычны і псіхалагічна напружаны ва ўсім творы. Нарастаючая трывожнасць эпизоду перадаецца праз дыялогі герояў і паступовае павышэнне статусу паручальнікаў: спачатку бяспеку Кейстута і Вітаўта абяцаюць «*князи и бояре*», потым – Скіргайла і, нарэшце, сам Ягайла. Крыху павагаўшыся, Кейстут чарговы раз паверыў пляменніку і ў выніку, паводле «Летапісца», быў задушаны яго слугамі ў Крэўскім замку.

Дзіўная, як падаецца на першы погляд, даверлівасць Кейстута яскрава адлюстроўвае адну з прыкмет «старыны» – абякаваецца да пісьмовай фіксацыі дамоўленасцей на карысць пацверджаных пэўнымі рытуаламі вусных пагадненняў [12, с. 37–59]. Апісанне аднаго з такіх рытуалаў, прычым з удзелам Кейстута, захавалася ў Дубніцкай хроніцы – кампілятыўным помніку венгерскай гістарыяграфіі XV ст. (асобныя яе часткі былі створаны раней). Крыніца паведамляе, што ў 1351 г. уладар ВКЛ пацвердзіў дамоўленасць з венгерскім каралём Лаяшам I праз клятву на крыві быка і прамаўленне язычніцкага заклёну [14, с. 76–79]. Як вынікае з аднаго напісанага відавочцам ордэнскага манускрыпта, падобны абрад Кейстут таксама правёў у Вільні пасля звяржэння Ягайлы ў 1381 г. [2, с. 416–417]. Падзейная канва «Летапісца» зафіксавала момант, калі маўленае князем слова пачало саступаць у сваёй значнасці грамаце, замацаванай гербавай пячаткай (Ягайла ўжо ведаў кошт афіцыйнаму дакументу). Таму ў пэўным сэнсе гвалтоўная смерць Кейстута пазначыла канец старога парадку². Яго трагічны і мужны вобраз стаў сімвалам патрыятызму (храніст асабліва вылучае бескампраміснасць уладара ў дачыненні да крыжакоў), рыцарскага гонару і цвёрдай прынцыповасці.

Мадэлі ідэальных узаемаадносін паміж Альгердам і Кейстутам проціпастаўлены канфлікт іх атожылкаў – Ягайлы і Вітаўта. Малодшыя Гедымінавічы спачатку таксама жылі «*во великои дружьбѣ*», але ўсё змянілася са смерцю Альгерда. Яго сын – найбольш супярэчлівы герой «Летапісца»: узурпатар, крывадушны і помслівы інтрыган, але адначасова разважлівы і валявы ўладар, які з атрыманням каралеўскай кароны ўзняўся на адну з найвышэйшых прыступак феадальнай іерархіі. І зноў, нібы сэнсавы камертон, узгадваецца эпизод з Яўнутама – апынуўшыся ў падобнай сітуацыі, Ягайла не схіліў галавы перад Кейстутам і Вітаўтам, атрымаўшы значна больш за велікакняжацкі сталец. Калі ў першай частцы «Летапісца» вобраз Ягайлы пададзены ў негатыўным ключы, то ў другой, дзе апісваецца падзеі, што адбыліся пасля іх з Вітаўтам замірэння, гэты эмацыянальны накал знікае. Ад моманту хрышчэння і каранацыі Ягайла амаль не называецца

¹ Іншыя версіі падзей перадаюць «Новая пруская хроніка» Віганда Марбургскага, «Торуньскія аналы» і «Хроніка» Яна з Чарнкова.

² Сімвалам «залатога веку» адразу пасля сваёй смерці ў 1430 г. стаў і яго сын Вітаўт [6, р. 122–125].

ў «Летапісцы» па імені і пазначаецца проста «каралём». Тытул вывеў Ягайлу з-пад маральнай юрысдыкцыі храніста і ўзняў над асноўным сюжэтам твора, які стаў цесным для яго новага «палітычнага цела» (у вызначэнні Э. Кантаровіча).

Звернем увагу, што ў другой частцы помніка (складзенай, відаць, духоўнай асобай праваслаўнага веравызнання) пачынаюць дзейнічаць ірацыянальныя, боскія сілы, што ўмешваюцца ў хаду падзей як прама, так і сімвалічна – праз нябеснае заступніцтва. Характэрна, што ў першай частцы твора ў гэтым кантэксце можна згадаць толькі фразу «*Бог нас остерегл*», якую аўтар уклаў у вусны двух на той момант язычнікаў – Кейстута і Вітаўта. Але цяпер усе ўладары ВКЛ – хрысціяне, а значыць іх учынкі разглядаюцца з пазіцыі адпаведных этычных нормаў. Нягледзячы на канфесійныя нюансы, хрышчэнне Ягайлы і іншых князёў з’яўляецца для храніста кропкай адліку сапраўднай, асвятчонай крыжам гісторыі, што праявілася ў тым ліку і ва ўскладненні хранатопа: геаграфія твора рэзка пашыраецца, а час, страціўшы лінейнасць, расслаіваецца на некалькі тэмпаральных пластоў. Храніст то звяртаецца да гістарычных аналогій, то пераносіць чытача ва ўласны час, то зноў вяртаецца да асноўнага аповеду. Такая шматмернасць у выяўленні часу – звычайная з’ява для сярэднявечных твораў [4, с. 268–270]. Аднак неабходна адзначыць, што тэкст «Летапісца» ўтрымлівае важную дэталю: Ягайла «*принял крещения старого Рима*» не ў выніку сакральнага натхнення, а зыходзячы з практычнага разліку – пасля таго, як параіўся з маці і «*братиею своєю*». Але нават такое выпушчанае ўтылітарнымі разважанымі хрышчэнне даравала летапіснаму Ягайлу яго грахі.

Галоўным жа героем «Летапісца», безумоўна, з’яўляецца Вітаўт, палітычнаму сталенню і гартаванню якога, па-сутнасці, і прысвечана хроніка ў сваім паўнакроўным, непарыўным выглядзе. Пры гэтым яго вобраз не залакіраваны напышлівымі эпітэтамі¹. Некаторыя эпізоды з удзелам Вітаўта ўвогуле дапускаюць дваістае трактаванне і сэння, праз стагоддзі, могуць выглядаць кампраметуючымі: пошук дапамогі ў крыжакоў (тое, чым Кейстут папракаў Ягайлу), ганебныя ўцёкі ў жаночым адзенні (з Яўнута кпілі за звычайны пабег), замірэнне з забойцам свайго бацькі (у той час, як Ягайла жорстка адпомсціў за «халопа» Вайдылу). Аднак з дапамогай такога кшталту супярэчнасцей храніст здолеў паказаць Вітаўта жывым чалавекам са сваімі перажываннямі, сумневамі і душэўнымі ваганнямі.

Сярод іншых вялікіх князёў з «Летапісца» Вітаўт вылучаецца яшчэ і тым, што ён – уладар большасці, бо яго ўзыходжанню на велікакняжацкі сталец узрадавалася «*вся земля Литовская и Руская*»². Зразумела, што гэтыя словы адлюстроўваюць не ўсеагульную народную радасць (дэмас, маўклівая

¹ На стрыманасць ацэнак Вітаўта ў ранніх помніках беларуска-літоўскага летапісання звярнуў увагу Ю. М. Мікульскі [7].

² Цыт. па Віленскім спісе.

большасць, рэдка мае суб'ектнасць у летапісах), а кампрамісную згоду эліт ВКЛ, якія яшчэ не бачылі ў Вітаўце пагрозы для сваіх вольнасцей. Ён, паводле хронікі, на шляху да ўлады і сапраўды прымаў важныя рашэнні пасля таго, як папярэдне *«совѣт сътвори»*¹ з князямі і баярамі. Аднак даволі хутка на фоне гэтага феадальнага плюралізму сталі праяўляцца зусім іншыя тэндэнцыі. Уціхамірванне і ліквідацыя Вітаўтам удзельных княстваў паддзены ў хроніцы ланцугом карных паходаў, беглае апісанне якіх фарсіруе апавядальны тэмп *«Летапісца»*, набліжаючы тэкст да лагічнага фіналу. Марудная, запаволеная плынь падзей той часткі помніка, у якой абражаны і пазбаўлены належнай яму спадчыны Вітаўт змагаецца за свае правы з Ягайлам, змяняецца дынамічным аповедам пра тое, як сын Кейстута паслядоўна падпарадкоўвае сабе ганарлівых сваякоў, мяцежных князёў і суседнія княствы. Апагеем славы Вітаўта прадстаўлены заключны эпізод помніка: сустрэча ў Смаленску з маскоўскім вялікім князем Васіліем Дзмітрыевічам. Пасля этыкетнага абмену каштоўнымі дарамі ўчарашні прыніжаны выгнаннік велічна адпускае з мірам уладара магутнай Маскоўскай дзяржавы. У гэты ўрачысты момант храніст пакідае Вітаўта ў зеніце славы – усё ў яго дзяржаве цяпер робіцца *«Божиею помощию»* і *«великого князя повелением»*.

Ёсць, аднак, сярод герояў *«Летапісца»* яшчэ адзін Гедымінавіч, без якога галерэя партрэтаў уладароў ВКЛ была б няпоўнай – Скіргайла Альгердавіч. Яго вобраз выразна вылучаецца сваёй маляўнічасцю і падрабязнасцю. Больш за тое, толькі ён удастоены з боку храніста выразнай станоўчай ацэнкі. Але і ў выпадку з вобразам Скіргайлы не абышлося без амбівалентнасці, абумоўленай кампазіцыйнымі адметнасцямі твора. Спачатку ён прадстаўлены ў якасці правай, бязлітасна караючай рукі свайго брата Ягайлы. Менавіта Скіргайлу належыць ключавая роля ў падмане і паланенні Кейстута і Вітаўта. Таму маральную адказнасць за гэта вераломства і наступнае забойства Кейстута ў роўнай ступені падзяляюць абодва браты Альгердавічы.

Аднак у другой частцы *«Летапісца»* вобраз Скіргайлы пад прамым храніста зазнаў пэўныя змены, якія найбольш яскрава адлюстраваны ў фрагменце помніка, прысвечаным ваеннай выправе Гедымінавічаў на смаленскага князя Святаслава Іванавіча, прадстаўленага абсалютным ліхадзеем і катам (ён нават параўноўваецца з такімі адмоўнымі асобамі сусветнай гісторыі, як сірыйскі цар Антыёх IV Епіфан і рымскі імператар Юліян Адступнік). Цікава, што рэпутацыю ворага хрысціян Святаслаў заслужыў яшчэ раней. Вядома датаваная 1370 г. грамата канстанцінопальскага патрыярха Філафея, у якой ён адлучае Святаслава ад царквы за парушэнне клятвы і выступленне разам з язычнікам Альгердам супраць маскоўскага князя Дзмітрыя Іванавіча. Прычым некаторыя звароты з гэтага дакумента знаходзяць паралелі ў разглядаемым фрагменце *«Летапісца»* [15, прил., стб. 121–124].

¹ Цыт. па Віленскім спісе.

Падначаленае Святаславу войска адзначылася жудасным гвалтам (на які «*бысть Богу мерзко зрѣти*»¹) над мірным насельніцтвам у паўночна-ўсходніх землях ВКЛ. Атрымаўшы весткі пра злачынствы смаленцаў, Скіргайла «*зъжалився*» і разам з Вітаўтам і «*братею своею*» выступіў у паход. Абодва князі паказаны ў творы правадырамі гэтай выправы, але постаць Вітаўта ў дадзеным выпадку не вельмі цікавіць храніста, уся яго ўвага засяроджана на Скіргайле, які – дабрадзеіны, багабоязны і міласэрны ўладар – паўстае поўнай процілегласцю жорсткаму і крыважэрнаму Святаславу [5, с. 324]. Яскравым мастацкім штрыхом да вобразу Скіргайлы з’яўляецца сентыментальны эпізод, калі ён пасля бітвы знаходзіць сярод палеглых параненага князя Юрыя (сына загінуўшага Святаслава), вылучае яго («*нача лечити многы лѣкарствы*») і адвозіць да маці ў Смаленск, дзе садзіць на княжанне.

Такую пільную ўвагу складальніка помніка да Скіргайлы можна патлумачыць тым, што ўзгаданы фрагмент мае пазалетапіснае паходжанне і ў сваім першапачатковым выглядзе ўяўляў сабой нейкі твор панегірычнага характару, прысвечаны гэтаму князю. Адным з верагодных рудыментаў гэтага гіпатэтычнага тэксту з’яўляецца адначасовае пазначэнне Скіргайлы і Вітаўта вялікімі князямі, якое захавалася ў некаторых спісах «Летапісца». Скіргайла ў якасці намесніка Ягайлы ў ВКЛ меў такі статус² у 1386–1392 гг., пасля чаго, па выніках Востраўскага пагаднення 1392 г., ён паступова замацаваўся за Вітаўтам, які на момант апісаных падзей імянаваўся проста князем. Верагодна, велікакняжацкі статус Вітаўта (а магчыма, і частка згадак пра яго самога) з’явіўся ў разглядаемым эпізодзе пасля рэдактарскай праўкі невядомага зыходнага твора, архетып якога быў складзены ў часы намесніцтва Скіргайлы [17, с. 113–115].

Пасля атрымання Ягайлам каралеўскай кароны Скіргайла стаў галоўнай перашкодай Вітаўта на шляху да ўлады ў ВКЛ. Перамогу ў гэтай доўгай і крывавай барацьбе атрымаў сын Кейстута. Як адзначыў храніст, Ягайла і Скіргайла былі вымушаны саступіць, бо «*вже невозможно удержати земли Литовьскыя пред великим князем Витовтом*». Між тым, часткова паўтарыўшы лёс Яўнута, Скіргайла не знік з твора – скарыўшыся, ён стаў верным паплечнікам новага ўладара. Але такая пакора асэнсоўваецца храністам ужо ў рэлігійным ключы.

Яго сімпатыі да Скіргайлы адлюстраваліся ў прысвечаным яму некралагічным урыўку (таксама ўстаўным [5, с. 156–158]). Падрабязна перадаўшы акалічнасці атручвання князя ў Кіеве і цырымонію яго пахавання, няшчыры на пахвалу кніжнік не пашкадаваў цёплых слоў для памерлага ўладара («*чюдныи князь*», «*добрыи*»). Такое пранікненае спачуванне верагодна звя-

¹ Цытаты з разглядаемага фрагмента «Летапісца» даюцца па Віленскім спісе, у якім захаваўся яе бліжэйшы да пратографа варыянт.

² У дадзеным выпадку маецца на ўвазе не афіцыйны тытул, а адпаведнае яму палажэнне першага сярод роўных. Менавіта *princeps dominus* (першым ўладаром) намінуецца Скіргайла ў акце 1386 г., якім Ягайла афіцыйна вызначае яго сваім намеснікам у ВКЛ 16, с. 9].

зана з тым, што для праваслаўнага храніста Скіргайла з'яўляўся сімвалам адданасці сваёй веры – прыняўшы праваслаўе, ён, у адрозненне ад іншых князёў, не здрадзіў яму да смерці [3, с. 102]. Унікальным вобраз Скіргайлы ў «Летапісцы» робіць яшчэ і тое, што з усіх Гедымінавічаў хронікі толькі ён адпавядае традыцыйнаму для рускіх летапісаў трафарэтныму тыпу ідэальнага князя, што паказвае арыентацыю аўтара адпаведных фрагментаў на пэўныя кніжныя крыніцы (летапісныя тэксты): уладар абараняе сваю зямлю, памятае пра Бога, звяртаецца да яго з малітвай напярэдадні бітвы, цытуе біблейскія тэксты і імкнецца да выкаранення грахоў.

Такім чынам, можна зрабіць выснову, што хаця вялікім князям у «Летапісцы» і ўласціва індывідуальнасць, іх вобразы не столькі адлюстроўваюць дакладныя факты жыццёвага шляху канкрэтных гістарычных дзеячаў, колькі раскрываюць упісаныя ў адно тэматычнае кола схематычна маркіраваныя падзеі і з'явы. «Летапісец» – гэта не сукупнасць персанаграфічных матэрыялаў, а па-мастацку арганізаванае і ідэалагічна абгрунтаванае апавяданне, у якім няма ізаляваных сюжэтных ліній. І ў гэтым сэнсе нельга не звярнуць увагу яшчэ і на такую асаблівасць твора, як адсутнасць характэрных для некаторых сінхронных рускіх летапісаў своеасаблівых «лірычных» адступленняў (апісанні прыроды, войскаў і г. д.), якія тармазілі б сюжэтнае дзеянне. З усяго гэтага вынікае асноўны прынцып паказу і ацэнкі ўладароў – пераважна праз іх учынкi. Але лаканізм у выяўленні князёў (акрамя Скіргайлы) варта тлумачыць не беднасцю літаратурнага майстэрства храніста, а лагічным вынікам вырашэння канкрэтных задач, што стаялі перад ім: давесці праз апісанне пэўных прэцэдэнтаў законнасць увакняжання Вітаўта, а таксама паказаць нястрымны рост яго магутнасці. Наступным крокам па гларыфікацыі вялікага князя стала «Пахвала Вітаўту» (1428), якая ў сваёй другой рэдакцыі (1430-я гг.) была пашырана да аб'ёмастага, перанасычанага тропамі панегірыка. Што датычыцца іншых Гедымінавічаў, то пад ціскам палітычных абставін наданнем рэльефнасці іх вобразам прыйшлося ў XVI ст. займацца ўжо складальнікам другога і трэцяга беларуска-літоўскіх летапісных зводаў.

ЛІТАРАТУРА

1. *Smolka, S.* Najdawniejsze pomniki dziejopisarstwa rusko-litewskiego. Rozbiór krytyczny / S. Smolka // Pamiętnik Akademii Umiejętności w Krakowie. Wydziały filologiczny i historyczno-filozoficzny. – Kraków : Nakładem Akademji umiejetnosci, 1890. – Т. 8. – S. 1–55.
2. *Лицкевич, О. В.* «Летописец великих князей литовских» и «Повесть о Подолье»: опыт комплексного критического разбора / О. В. Лицкевич. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2019. – 928 с.
3. *Чамярыцкі, В. А.* Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Узнікненне і літаратурная гісторыя першых зводаў / В. А. Чамярыцкі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1969. – 192 с.

4. *Лихачев, Д. С.* Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – 3-е изд. – М. : Наука, 1970. – 360 с.
5. *Сушицький, Т. П.* Західньо-руські літописи як пам'ятки літератури. Ч. II / Т. П. Сушицький // Праці з історії письменства давньої України. – Київ : Друк. Всеукр. Акад. Наук, 1929. – Т. 1 – IX с. – С. 137–404.
6. *Mickūnaitė, G.* Making a Great Ruler : Grand Duke Vytautas Of Lithuania / G. Mickūnaitė. – Budapest : Central European University Press, 2006. – 341 p.
7. *Мікульскі, Ю. М.* Князь Вітаўт вачыма нашых продкаў: стаўленне рускага насельніцтва ВКЛ да літоўскага гаспадара / Ю. М. Мікульскі // Беларуская думка. – 2012. – № 2. – С. 93–99.
8. *Ліцкевіч, А. У.* «Сумарыум Ягайлы і Вітаўта» / А. У. Ліцкевіч // Беларуская думка. – 2009. – № 11. – С. 94–101.
9. Полное собрание русских летописей / сост., ред. и авт. предисл. Н. Н. Улащик. – М. : Наука, 1980. – Т. 35 : Летописи белорусско-литовские. – 308 с.
10. *Kolankowski, L.* / Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów / L. Kolankowski. – Warszawa : Kasa im. Mianowskiego, 1930. – Т. 1 : 1377–1499. – IX, 474 s.
11. *Риер, Я. А.* Правитель и общество на белорусских землях в XIII – первой трети XV в.: основные механизмы политогенеза, легитимизации и сакрализации власти / Я. А. Риер. – Могилёв : МГУ, 2020. – 252 с.
12. *Груша, А. И.* Кризис доверия? Появление и утверждение правового документа в Великом Княжестве Литовском (конец XIV – первая треть XVI в.) / А. И. Груша. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2019. – 608 с.
13. *Rowell, S. C.* Pious Princesses or the Daughters of Belial : Pagan Lithuanian Dynastic Diplomacy, 1279–1423 / S. C. Rowell // Medieval Prosopography. – 1994. – Vol. 15, № 1. – P. 3–79.
14. *Mierzyński, A.* Źródła do mytologii litewskiej : w 2 cz. / A. Mierzyński. – Warszawa : Druk Kowalewskiego ; Druk. Szymanowskiego, 1892–1896. – Cz. 2 : Wiek XIV i XV. – 1896. – II, 154 s.
15. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией : в 39 т. – СПб., 1872–1927. – Т. 6 : Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. (памятники XI–XV вв.). – СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1880. – IV с., XX, 930, 316, 70 стб.
16. Akta unji Polski z Litwą 1385–1791 / ukl. : S. Kutrzeba, W. Semkowicz. – Kraków : Księgarnja Gebethnera i Wolffa, 1932. – LVI, 570 s.
17. *Мяцеліца, К. І.* «Аповесць пра паход князёў Скіргайлы і Вітаўта на Смаленск»: сюжэт, матывы, вобразы / К. І. Мяцеліца // «Высокія арбіты грамадзянскасці» : гісторыя, лёс, асоба (да 80-годдзя члена-карэспандэнта НАН Беларусі С. С. Лаўшука) : зб. навук. арт. / уклад. А. А. Бараноўскі. – Мінск : Бел. навука, 2025. – С. 108–115.

Паступіла ў рэдакцыю 01.06.2026

УДК 821.581.09"20" – 31

Назаренко Варвара Юрьевнааспирант кафедры
зарубежной литературы
Белорусский государственный
университет
г. Минск, Беларусь**Varvara Nazarenko**PhD Student of the Department of Foreign Literature
Belarusian State University
Minsk, Belarus
varya.nazarenko.1999@mail.ru

КОМОРБИДНОСТЬ КАК СВОЙСТВО ЛИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА КЭТНИСС СЯО «АРОМАТ СМЕРТИ»

В статье рассматривается коморбидность как интегративное свойство личности на материале детективного романа Кэтнисс Сяо «Аромат смерти». На примере образа Иви Ян анализируется сочетание тревожных, обсессивных и травматических черт, формирующих внутренний конфликт, а также поведенческие стратегии героини. Коморбидность осмысливается не только как сочетание черт психологических расстройств личности, но и как целостная характеристика личности, влияющая на восприятие реальности, телесный опыт героини, организацию повествования. Исследование опирается на междисциплинарный подход, а также культурный анализ, что позволяет выявить взаимосвязь структуры личности героини и социокультурного подтекста.

Ключевые слова: *коморбидность; внутренний конфликт; современная китайская проза; психологизм; междисциплинарность; детективная проза.*

COMORBIDITY AS A PERSONALITY TRAIT BASED ON THE EXAMPLE OF KATNISS HSIAO'S NOVEL *BEFORE WE ARE MONSTERS*

This article examines comorbidity as an integrative personality trait, using Katniss Hsiao's detective novel *Before We Are Monsters* as a case study. Using the character of Ivy Yang as an example, it analyzes the combination of anxious, obsessive, and traumatic traits that shape her internal conflict, as well as the heroine's behavioral strategies. Comorbidity is conceptualized not only as a combination of traits of psychological personality disorders but also as a holistic personality characteristic that influences her perception of reality, her bodily experience, and the organization of her narrative. The study draws on an interdisciplinary approach and cultural analysis, revealing the interconnectedness between the heroine's personality structure and her sociocultural subtext.

Key words: *comorbidity; internal conflict; contemporary Chinese prose; psychologism; interdisciplinarity; detective fiction.*

Рубеж XX–XXI вв. в Китае исследователями характеризуется как начало нового периода в развитии литературы, поскольку к началу нового столетия политическая ангажированность постепенно ослабевает. Это способствует появлению новых тенденций, использованию инновационных для китайской литературы стратегий развития личности литературных героев и т. д. Если ранее писатели следовали установкам партии в изображении образцовых героев, необходимых своей эпохе для формирования национального образа в целом, то начиная с конца 1990-х гг. писатели обратили внимание на

обратную сторону личности, под которой в социокультурном пространстве подразумевался неуютный элемент общества. Еще в конце 1970-х с появлением «литературы шрамов» (伤痕文学) авторский интерес был направлен на исследование дихотомии образов «карателя» и «жертвы», а также на отношения между ними. Так, появление вопросов касательно природы человеческой деструктивности стали логичными в рамках данного направления, поскольку, как отмечает А. Н. Коробова, «в литературе КНР впервые зазвучала тема трагического конфликта человека и социума» [1]. Все это позволило вывести жанр детектива на новый этап развития, поскольку, под влиянием культурной традиции, выполнить функцию содействия в восстановлении справедливости способен лишь герой – представитель высоких нравственных качеств, наделенный развитым интеллектом, авторитетом и властью в обществе (чаще представитель закона).

С началом эпохи плюрализма творческих методов в китайской литературе, а также влияния западных литературных тенденций, возрос и интерес писателей к способам изображения героев, усложнению структуры их личности, а также к глубинным причинам ее трансформаций. Исследователи видели причину изменений личности «в комплексе социальных воздействий, <... >, множестве других факторов, например, психологического, социально-психологического и т.д.» [2], а авторы отражали ее в произведениях, что привело к междисциплинарному подходу как в изображении, так и в исследованиях формирования личности и позволило опираться не только на традицию, но и на психологические, патопсихологические, философские и иные инновационные концепции. Таким образом, авторы обратились к понятиям «психики» и «психологии личности» [3] как основе пространства внутреннего мира героя и поиска наличия возможных деструкций в нем.

Так, в область литературоведения нами интегрируется заимствованное понятие коморбидности, которое, как отмечает А. К. Нургазизова, в клинической психологии подразумевает «наличие одновременно нескольких заболеваний, связанных единым патогенетическим механизмом» [4], а в современном китайском детективном произведении реализуется посредством изображения сочетаемости нескольких психологических состояний героя, типов и/или черт расстройств личности, а также созданием целостного образа, для которого характерна непрерывная циркуляция различных состояний и внутренних процессов.

Репрезентативным в данном ключе является роман тайваньской писательницы Кэтнисс Сяо «Аромат смерти» (萧玮萱 «成為怪物以前», 2022). Роман показателен и с точки зрения проявления детективного жанра, и как часть современной китайской литературы тайваньского региона, где психическая травма и раздробленность субъекта становятся центральными темами. Отметим, что в контексте современной китайской литературы такой подход наиболее продуктивен по нескольким причинам. Во-первых, после

1980-х гг. не только авторы материкового Китая, но и Тайваня исследуют кризис субъективности. Под влиянием культурно-исторических событий личность в китайскоязычной прозе начинает изображаться как психологически фрагментированная, что выражается в превращении травмы в основу самовосприятия героев, а также в утрате устойчивой идентичности. Во-вторых, одним из ведущих направлений в прозе Тайваня последней трети XXI века является «литература травмы» (创伤书写), которое имеет много общего (однако не тождественно) с китайской «литературой шрамов». Например, репрезентация феномена травмы как таковой (не только межпоколенческой, но и личностной).

Так, в центре сюжета Иви Ян – обвиненная в совершении преступления сотрудница клининговой компании, специализирующейся на уборке мест несчастных случаев и преступлений. Девушка является обладательницей феноменального обоняния. Ее главная задача заключается в необходимости доказать свою невиновность, однако единственной уликой в поиске истинного убийцы является запах, который она уловила на одном из мест уборки. Автор конструирует личность героини многоуровневой и неоднозначной, изображает все этапы ее развития и трансформации, а также раскрывает предысторию становления героини. Благодаря этому представляется возможным в рамках одного текста провести анализ с позиции минимум трех подходов: патопсихологического, социопсихологического, а также культурно-социального, что делает героиню уникальным объектом исследования коморбидности как свойства личности.

1. Отметим, что предметом науки патопсихологии является «изменение психической деятельности при патологических состояниях мозга в сопоставлении с нормой» [5, с. 10]. Тогда контрастирующая на фоне других персонажей личность Иви Ян может быть исследована через призму синтеза черт таких патологий, как шизоидное и пограничное расстройство личности.

В начале произведения автор изображает девушку, страдающую от панических атак, судорожных припадков и галлюцинаций: «Туманная фигура стояла в углу. Женщина. Иви захотелось закричать, закрыть глаза, но ничего не получалось. Она была словно труп – только в сознании» [6, с. 11], «судорожные припадки участились – и продолжались с каждым разом всё дольше» [6, с. 13], а также от признаков кататонии («нервно-психического расстройства, характеризующегося мышечными спазмами, нарушениями произвольных движений» [5, с. 196]). С. Л. Соловьева подчеркивает, что «люди шизотипического склада демонстрируют более выраженные сенсорные и когнитивные нарушения» [7, с. 24]: например, Иви ярко визуализирует ассоциации, связанные с вдыхаемыми запахами («Запах обрёл форму. Перед ней встал образ парня, каким он был при жизни» [6, с. 30]). «После смерти брата героиня полностью утрачивает обоняние, однако единственный запах, который она способна уловить – запах разложения» («在弟弟死後，

楊寧失去了引以為傲的嗅覺，只有在處理命案清理工作的現場» [8]), т. е. именно он способствует борьбе девушки с аносмией. Перечисленные черты наряду с «пониженной способностью ощущать боль и переживать удовольствие, редуцированной эмоционально-чувственной составляющей окружающего мира, а также недостаточным учётом социальных норм и требований» [7, с. 23] подтверждают наличие черт шизоидного расстройства личности героини.

К характерным для героини чертам пограничного расстройства личности следует отнести «нарушения и неуверенность в восприятии себя, своих целей и внутренних предпочтений, склонность к установлению интенсивных, но нестабильных отношений, повторные элементы саморазрушающего поведения, а также стойкое чувство внутренней пустоты» [7, с. 35]. Так, героиня манипулирует надеждой на возобновление созависимых отношений с бывшим парнем («Иви поцеловала его только для того, чтобы потом оставить» [6, с. 46]), неоднократно демонстрирует аутоагрессию («самоповреждающее поведение» [9]), что также является проявлением наличия расстройства психики («... стоять под водой и тереть себя мочалкой пока кожа не станет алой... <...> пока последняя молекула вони не покинула её поры, пока не сможет больше этого выносить» [6, с. 65]), а также испытывает безразличие к жизни и перманентное чувство вины за смерть брата («Никто не объяснит, как продолжать жить, когда смысл твоей жизни умер» [6, с. 43]). Отдельного внимания заслуживает оценка девушки своей внешности и общего физического состояния – свою истощенность и неопрятность она видит эстетичной: «За последние несколько лет Иви превратила себя в поджарого шакала, без единого грамма жира. Некогда просто худые, её щеки теперь запали. <...> Невысокая, метр шестьдесят, и стройная; из тех, кого не заметишь в толпе. И тем не менее с какой-то внутренней свирепостью, как у опытного хищника» [6, с. 14]. Таким образом, данный подход позволяет выделить внешние проявления инаковости героини в контексте патопсихологического подхода.

2. Социопсихологический подход подразумевает анализ изображения личности девушки через призму ее перманентно нестабильного внутреннего состояния в сравнении с другими героями романа (коллегами, бывшим парнем, представителями закона и органов власти). Коморбидность здесь проявляется в формировании личности на пересечении нескольких психологических состояний и поведенческих стратегий героини. Автор демонстрирует сочетание тревожности, obsessивных тенденций и эмоциональной отстраненности, что формирует парадоксальный в своем единстве противоречивый характер. Так, Иви стремится к контролю над окружающей реальностью и одновременно испытывает страх перед ней. Ее внимание к запахам приобретает навязчивый характер, превращаясь в способ структурирования мира и защиты от внутреннего хаоса, поскольку внешние его проявления

девушке безразличны: «На столе валялись с десяток стеклянных бутылок. Гудели фруктовые мошки, привлечённые остатками белой жидкости на дне одной из них, которую она забыла сполоснуть» [6, с. 15]. Эту особенность можно интерпретировать как проявление обсессивно-компульсивных черт, сочетающихся с повышенной чувствительностью и признаками посттравматического опыта, с «синдромом расстройства настроения, вкусовой и обонятельной чувствительности, спровоцированной [также] ПТСР» [6, с. 42]. Коллеги девушки тоже отмечают и порицают антисанитарию в квартире Иви, подозревают наличие у нее фоновой депрессии, однако не пытаются установить доверительные отношения, поскольку с детства героиня не проявляет интереса к таким социальным явлениям, как дружба, отношения, семья и коллектив, т. е. она не считает себя частью общего. Нестабильное психологическое состояние девушки выражено в стабильности функционирования замкнутого круга, в котором тревожность, контроль, изоляция и внутренний конфликт циркулируют и сменяют друг друга.

Прослеживается дуальность репрезентации личности героини в романе. Автор делает акцент на изображении Иви до переломного момента (смерти брата) и после, а также анализирует ее общее состояние и стратегии поведения в разных повседневных ситуациях. Например, основной причиной заниматься такой специфической профессиональной деятельностью является задача в короткий срок заработать на образование младшего брата и желание перевезти его в более благополучный район: «А как же Ханс? Сделай это ради него <...> Тебе нужны деньги, Иви. Всё будет хорошо, если ты их заработаешь» [6, с. 31], «...Её желудок подкатил к горлу, стоило боссу открыть дверь» [6, с. 31]. Однако после смерти юноши девушка не уходит с работы, так как меняются ее мотивация и мировоззрение: «Ей удалось уловить запах! Гнилостную вонь разлагающегося мяса. Она едва не запела от радости. Дрожь пробежала по спине, спустилась по позвоночнику, распространилась на всё тело. Иви застонала. Это был её наркотик. Путь к высшему наслаждению» [6, с. 33]. Следовательно, если ранее героиня испытывала к своему делу отвращение как физически, так и эмоционально, то впоследствии оно становится единственным занятием, приносящим ей удовольствие. Таким образом, коморбидность как свойство проявляется в попеременной смене дуальности личности девушки: одна ее часть ликует при виде жутких картин, а другая страдает.

Необходимо отметить, что если в клинической психологии коморбидность подразумевает множественность патологий и расстройств в одной личности (ввиду затруднения постановки клинического диагноза), то в литературе данное свойство может транслироваться как сочетаемость несочетаемых на первый взгляд элементов образа и характерных особенностей героя, сосуществование черт нескольких типов личности, а также в формировании сложной и противоречивой идентичности. В тексте это явление

может выражаться не столько в авторской оценке или клише, сколько в переплетении мотивов поведения, неоднозначных эмоциональных реакций и способов восприятия окружающей действительности.

3. Личность Иви также поддается анализу с точки зрения культурно-социального подхода. Ранее уже отмечалось, что девушка не идентифицирует себя как часть коллектива, так как вопрос идентичности остается открытым для нее самой. Это противоречит традиционной культурной системе построения социальных отношений, где «я» является частью социальной группы и служит для блага коллектива. Автор намеренно демонстрирует разрыв с традицией, что проявляется на всех уровнях построения взаимоотношений: после переезда Иви не поддерживает отношения с матерью, не вкладывается в отношения с бывшим молодым человеком ни в прошлом, ни в настоящем (манипулирует и воспринимает его с функциональной точки зрения), не участвует в жизни агентства. Это значит, что она не заинтересована в построении семейных, гендерных или рабочих отношений с людьми. Эта особенность восприятия других элементов социума подчеркивает ее инаковость, однако не говорит о том, что Иви не нуждается во взаимодействии с ними. Она проявляет живой интерес к личности серийного маньяка – Тройного Че, также обладающего феноменальным обонянием, и не испытывает к нему негативных чувств, а наоборот ищет коммуникации с ним, поддается на уловки и активно исследует его мир, считая себя подобной ему. Например, она полагает, что именно он оставил ей записку: «Ты поймёшь, что мы с тобой одной породы. Потому что оба воспринимаем мир через запахи. Живём ими» [6, с. 113]. Сочетание отчужденности и избирательности позволяет анализировать личность Иви как асоциальный элемент.

Таким образом, цельный образ Иви Ян иллюстрирует коморбидность как интегративное свойство личности, при котором проявления множественных черт расстройств личности, разнообразных психологических состояний, фрагментарность мыслительных процессов, а также сочетания сенсорных и когнитивных нарушений одновременно становятся как источником уязвимостей героини, так и особой формой ее мировоззрения и мироощущения.

Коморбидность выступает как культурный маркер современного общества, а кроме того, соотносится с жанровыми особенностями детектива. Тайбэй в романе изображается как пространство социальной изоляции, эмоционального отчуждения и скрытого насилия. Тогда личность героини является не индивидуальной аномалией, а симптомом влияния общества в целом.

С точки зрения китайской литературной традиции такой подход может быть реализован через: 1) внимание к внутреннему дисбалансу и его связи с социальными и культурными факторами; 2) к изображению связи телесности и психики. Например, в «литературе шрамов» сочетаются чувства

тревоги, отчужденности и протеста. Эти состояния неразделимы в рамках жанра, поскольку социальная травма усиливает психологический кризис, а личностный надлом отражает культурные трансформации эпохи.

Для более современной прозы характерно стирание границы между физическим и психологическим состоянием героя. Так, обоняние у Иви становится связующим звеном между телом, памятью и травмой, а «запах смерти» функционирует в тексте как триггер памяти, инструмент самопознания, а также как символ патологической привязанности к утрате. Это позволяет рассматривать коморбидность как синкретическое свойство личности (где эмоциональное, телесное и когнитивное неотделимы друг от друга), а также еще более явное сближение психологического и социального контекстов (герои могут одновременно испытывать идентификационные, депрессивные и тревожные кризисы, обусловленные изменениями общества). В таких произведениях коморбидность становится способом репрезентации личности героя на пересечении традиции и новаторства.

Резюмируем, что интеграция коморбидности в литературоведении представляется продуктивной для комплексного и более детального исследования способов изображения личности, в основе которой реализуется синтез образов «карателя» и «жертвы», а также их взаимодействие и влияние друг на друга. В контексте китайской литературы коморбидность реализуется как 1) художественный принцип создания противоречивого, но полноценного образа, 2) способ репрезентации личности современного героя, 3) в рамках детективного жанра может использоваться как форма изображения внутренней травмы.

Таким образом, коморбидность как свойство личности в романе Кэтнисс Сяо представлена не только как механическое сосуществование разных «расстройств», но и интегральное свойство личности, формирующее восприятие мира, телесность и нарративную стратегию, а также сложная система взаимовлияющих состояний (как внешних, так и внутренних) и черт: тревога усиливает контроль, контроль провоцирует изоляцию, а изоляция, в свою очередь, углубляет внутренний конфликт героини. В результате формируется замкнутый психологический круг, определяющий мотивацию героини и ее поведенческие реакции в тот или иной период жизни. Реализация концепта коморбидности в китайской словесности отражает современные тенденции к осмыслению травмы, инаковости и фрагментарной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Коробова, А. Н.* Полемика о «литературе шрамов» и политика КНР в области литературы в конце 1970-х – середине 1980-х годов / А. Н. Коробова // Шаги/Steps. – 2022. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polemika-o-literature-shramov-i-politika-knr-v-oblasti-literatury-v-kontse-1970-h-seredine-1980-h-godov> (дата обращения: 12.04.2026).

2. Колесов, С. Г. Комплексный характер причин изменения поведения личности / С. Г. Колесов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – № 10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnyy-harakter-prichin-izmeneniya-povedeniya-lichnosti> (дата обращения: 12.04.2026).
3. Коржова, Е. Ю. Психология личности в художественной литературе / Е. Ю. Коржова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. – № 100. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-lichnosti-v-hudozhestvennoy-literature> (дата обращения: 12.04.2026).
4. Нургазизова, А. К. Происхождение, развитие и современная трактовка понятий «Коморбидность» и «Полиморбидность» / А. К. Нургазизова // Казанский медицинский журнал. – 2014. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proishozhdenie-razvitie-i-sovremennaya-traktovka-ponyatiy-komorbidnost-i-polimorbidnost> (дата обращения: 12.04.2026).
5. Орлова, Е. А. Патопсихология : учебник для бакалавров / Е. А. Орлова, Р. В. Козьяков, Н. С. Козьякова. – М. : Юрайт, 2012. – 235 с.
6. Кэтнисс Сяо. Аромат смерти / Кэтнисс Сяо ; пер. с англ. И. Д. Глыбиной. – М. : Эксмо, 2024. – 416 с.
7. Соловьева, С. Л. Патология личности : учеб. пособие / С. Л. Соловьева, Е. Б. Одерышева. – СПб. : Изд-во СЗГМУ им. И. И. Мечникова, 2013. – 64 с.
8. 萧玮萱. 成为怪物以前. Кэтнисс Сяо. Аромат смерти / Кэтнисс Сяо. – URL: <https://book.douban.com/subject/35915583/> (date of access: 10.04.2026).
9. Мамина, В. П. Анализ аутоагрессивного поведения в отечественной и зарубежной психологии / В. П. Мамина // E-Scio. – 2021. – № 5 (56). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-autoagressivnogo-povedeniya-v-otechestvennoy-i-zarubezhnoy-psihologii> (дата обращения: 14.04.2026).

Поступила в редакцию 19.05.2026

УДК 821.111

Салодкі Уладзіслаў Валер'евічаспірант кафедры замежнай літаратуры
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
г. Мінск, Беларусь**Uladzislau Salodki**PhD Student of the Department
of Foreign Literature
Belarusian State University
Minsk, Belarus
ulad.salodki@gmail.com

ДЫСТАНЦЫЯ АДЧУЖЭННЯ: ГЕРОЙ І НАРАТАР У РАМАНЕ КРЫСТАФЕРА ІШЭРВУДА «ТАМ, У ГАСЦЯХ»

У артыкуле разглядаецца аўтарская стратэгія позняй творчасці К. Ішэрвуда на прыкладзе рамана «Там, у гасцях». Асноўны фокус даследавання скіраваны на аналіз рамкавага аповеду і яго трансфармацыю на працягу твора. Вялікая ўвага надаецца выкарыстанню аўтарам іроніі ў яе постмадэрнісцкім выяўленні. Вызначана, што раман «Там, у гасцях» мае характэрныя рысы літаратурных тэндэнцый ЗША сярэдзіны XX ст. Адлюстравана дынаміка трансфармацыі аповеду ўнутры тэксту, акрэслены асноўныя прычыны, што выклікалі змены пісьма цягам твора.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *рамкавы аповед; іронія; катэгорыя Іншасці; Крыстафер Ішэрвуд; самааб'ектывацыя; аўтабіяграфічны тэкст; раман «Там, у гасцях».*

THE DISTANCE OF ALIENATION: THE HERO AND THE NARRATOR IN CHRISTOPHER ISHERWOOD'S NOVEL «DOWN THERE ON A VISIT»

The article examines the author's strategy of Ch. Isherwood's late work on the example of the novel «Down There On a Visit». The main focus of the research is on the analysis of the frame story and its transformation throughout the work. Much attention is paid to the author's use of irony in its postmodern discovery. It is determined that the novel «Down There On a Visit» has peculiar similarities with the literary environment of the USA in the middle of the XX c. The transformation of the narration within the work is revealed, the main reasons that caused the changes in writing during the work are outlined.

Key words: *frame narrative; irony; category of the Otherness; Christopher Isherwood; self-objectification; autobiographical text; novel «Down There On a Visit».*

Англа-амерыканскі пісьменнік Крыстафер Ішэрвуд (Christopher Isherwood, 1904–1986) магістральнай тэмай сваіх раманаў вылучаў працу з уласнай памяццю. На працягу ўсяго творчага шляху ён не адыходзіў ад гэтага аб'екта вывучэння, але значна змяняў спосабы працы з тэкстам. Раман «Там, у гасцях» (*Down There On a Visit*, 1962) з'яўляецца набыткам позняга перыяду творчасці аўтара. Шмат у чым гэта выніковы твор: па-першае, К. Ішэрвуд змяшчае ў ім амаль увесь перыяд творчага жыцця; па-другое, падыход да арганізацыі аповеду вызначаецца сталасцю і структураванасцю. Значная роля ў кнізе належыць іроніі ў яе постмадэрнісцкім варыянце, пра які шмат казалі такія вучоныя, як К. Брукс [1], Ф. Джэймісан [2], У. Набокаў [3], Д. Ф. Уолес [4]. Важнай асаблівасцю рамана становіцца стварэнне постаці Іншага, што

патрабуе выбудоўванне дыстанцыі паміж вобразам самога сябе ў мінулым. Распрацоўкай паняцця *Іншасці* займаліся вучоныя М. М. Бахцін [5], Б. В. Корман [6], наяўнасць сістэмы Я-суб'екта і Я-персанажа ў аўтабіяграфічнай літаратуры адзначаў беларускі даследчык Л. Я. Гаранін [7].

Мэта дадзенай працы – на прыкладзе названага рамана выявіць змены ў аўтарскім творчым метада перастварэння ўласнай асобы ў мастацкім тэксце, вызначыць ролю постмадэрнісцкай іроніі ў працэсе аб'ектывацыі мінулага.

Кніга «Там, у гасцях» будзеца па звыклай для аўтара структуры, якую можна назіраць у яго найбольш вядомым зборніку «Берлінскія гісторыі» (*The Berlin Stories*, 1945): твор складаецца з асобных частак, кожная з якіх прысвечана пэўнаму персанажу («містар Ланкастэр», «Амбраз», «Вальдэмар», «Пол»). Часткі спачатку публікаваліся асобна і толькі пасля былі аб'яднаны ў адно выданне. Сувязь паміж імі ажыццяўляецца з дапамогай адзінага апавядальніка і, як вынік, аповеду, што пададзены ў прошлым часе. Галоўным адрозненнем выступае часавы маштаб апісаных сюжэтаў, які сягае 20 гадоў: з 1928 да 1952 года. Адлюстраванне настолькі працяглай гісторыі, хоць і эпизаднае, не характэрна для мастацкіх тэкстаў К. Ішэрвуда. У нейкім сэнсе аўтар набліжаецца да сваёй даўняй ідэі стварэння эпапеі, захоўваючы пры гэтым фрагментаванасць апісання падзей і пазбаўляючы катэгорыю сюжэта цэнтральнага месца. Рамкі часу тлумачацца і рэалізуюцца з дапамогай экспліцытнага, моцнага рамкавага аповеду, які дазваляе арганічна ўключаць у мастацкі тэкст матэрыялы з дзённікаў аўтара, лісты. Аўтабіяграфічны наратыў з будучыні дае прыдатную глебу для забягання наперад ці дачасных каментароў наконт лёсу персанажаў, што ў значнай ступені забяспечвае дыстанцыю адлюстраваных падзей.

Традыцыйна ў тэкстах з рамкавай канструкцыяй вялікую ўвагу падчас аналізу наратыву выклікае да сябе пачатак кнігі: гэта прыдатнае месца для дэкларацыі аўтарам аўтабіяграфічнага пакта ці ўсталявання наратывных канструкцый. У адрозненне ад ранніх твораў Ішэрвуда, пазнейшыя раманы адкрыта даюць зразумець становішча героя і наратара. У дадзенай кнізе бачым наўпроставае тлумачэнне далейшай арганізацыі тэксту: *Now, at last, I'm ready to write about Mr. Lancaster. For years I have been meaning to, but only rather halfheartedly; I never felt I could quite do him justice. Now I see what my mistake was; I always used to think of him as an isolated character* [8, p. 11].

У дадзеным урыўку бачна фігура наратара, але пакуль што цяжка сцвярджаць, хто ён: вобраз аўтара або ўнутрытэкставы, цалкам фікцыянальны актар, які збіраецца напісаць гісторыю, адразу ствараючы гэтакім чынам рамачную канструкцыю. Звяртае на сябе ўвагу слова *персанаж* (*character*), якое можа намякаць на фігуру пісьменніка-наратара, або на самога аўтара.

Але, як было згадана вышэй, у дадзеным рамане аўтар не хавае наўпроставай сувязі і тоеснасці з апавядальнікам, часта даючы падказкі: *In the spring of 1928, when I was twenty-three years old, Mr. Lancaster came to*

London on a business trip and wrote my mother a note suggesting he should call on us [8, p. 11]. Год і ўзрост, указаныя ў цытаце, поўнасьцю супадаюць з данымі самога К. Ішэрвуда на момант 1928 года.

Далей аўтар дэталёва раскрывае наратыўную структуру тэксту: *And now before I slip back into the convention of calling this young man «I,» let me consider him a separate being, a stranger almost, setting out on this adventure in a taxi to the docks. For, of course, he is almost a stranger to me. I have revised his opinions, changed his accent and his mannerisms, unlearned or exaggerated his prejudices and his habits. We still share the same skeleton, but its outer covering has altered so much that I doubt if he would recognize me on the street. We have in common the label of our name, and a continuity of consciousness; there has been no break in the sequence of daily statement that I am I. But what I am has refashioned itself throughout the days and years, until now almost all that remains constant is the mere awareness of being conscious. And that awareness belongs to everybody; it isn't a particular person* [8, p. 13].

Творца падкрэслівае адасабленне сябе цяпершняга, які піша, і сябе мінулага – якога апісваюць. Ва ўрыўку асобная ўвага звернута на працу з памяццю. Словы пісьменніка пра «рэдагаванне» аўтабіяграфічнага персанажа ўспрымаюцца дваіста: як наўмысна зробленае дзеянне і адначасова непазбежны працэс, які ўзнікае падчас працы з перастварэннем уласнага жыцця. К. Ішэрвуд дэманструе механізм аўтафікцыянальнага пісьма, якое ўсведамляе само сябе і адкрыта працуе ў рамках уласнай інтэнцыі. Ён намацвае мяжу паміж паўнаўартасным, сепараваным персанажам фікцыянальнага тэксту і аўтафікцыянальным героем, якога з аўтарам звязвае мысленне, свядомасць. Як зазначаў пісьменнік і літаратуразнаўца Д. Лодж, толькі літаратура здольна пераадолець прастору і час: «Літаратура – гэта адлюстраванне чалавечай свядомасці, самае багатае і ўсёабдымнае з таго, што ў нас ёсць. Лірычная паэзія, магчыма, з'яўляецца самай паспяховай спробай чалавека апісаць кваліа. Раман, магчыма, з'яўляецца самай паспяховай спробай чалавека апісаць вопыт асобных чалавечых істот, якія перамяшчаюцца ў прастору і часе» [9, p. 16].

Аўтар выбудоўвае прастору свядомасці, якая ўвасабляецца ў розных існасцях – персанажах. Імкненне паглядзець на ўласнае жыццё з пазіцыі Іншага патрабуе завершанасці мінулага, смерці персанажа ў любым значэнні ці вымярэнні. Такую ролю грае размежаванне, устаноўленае пісьменнікам паміж аўтабіяграфічным наратарам і героем: *The Christopher who sat in the taxi is, practically speaking, dead; he only remains reflected in the fading memories of us who knew him. I can't revitalize him now. I can only reconstruct him from his remembered acts and words and from the writings he has left us. He embarrasses me often, and so I'm tempted to sneer at him; but I will try not to apologize for him, either. After all, I owe him some respect. In a sense he is my father, and in another sense my son* [8, c. 14].

Прыведзены ўрывак службыць тлумачэннем выкарыстання аўтабіяграфічнага пункту гледжання ад трэцяй асобы. Калі герой зборніка «Берлінскія гісторыі» ў сваім паўтаемным зліцці з асобай аўтара не мае выстаўленых межаў жыцця, не характарызуецца завершанасцю, то яскрава аддзелены Крыстафер з рамана «Там, у гасцях» існуе толькі ў строгіх межах рамкавага наратыву, займае падкрэслена падпарадкаванае месца ў іерархіі апаведу, апошняе слова ў якім заўсёды застаецца за фігурай біяграфічнага аўтара. Разам з тым яўная сепараванасць дазваляе ахарактарызаваць такога героя як дастаткова незалежнага, роўнага. Наратыўная падпарадкаванасць не замянае самастойнасці, якая ўласціва звычайным персанажам неаўтабіяграфічных тэкстаў, пададзеным ад трэцяй асобы. У сукупнасці з аўтабіяграфічным аспектам такі персанаж становіцца паўнаважным Іншым.

Дыстанцыя паміж наратарам-аўтарам і героем падмацоўваецца іроніяй. У дадзеным аспекце твор з'яўляецца яскравым адлюстраваннем эпохі. Нездарма Д. Лодж згадвае К. Ішэрвуда ў шэрагу пісьменнікаў першага пакалення постмадэрнізму. У творы такі тон працуе на настрой тэксту. Іронія сустракаецца і ў ранніх кнігах К. Ішэрвуда, у цыкле «Берлінскія гісторыі», але там, што тыпова для мадэрнісцкага пісьма, яна з'яўляецца важным інструментам дэканструкцыі ўласнай фігуры: сорам за прыналежнасць да пэўнага класа грамадства, норавы кансерватыўнай радзімы, уласную бяздзейнасць у абставінах прыходу да ўлады нацыстаў у Германіі. Знешняя бездапаможасць героя спалучаецца з становішчам рэальнага аўтара, яго пошукамі ідэнтычнасці, адчуваннем прыналежнасці да страчанага пакалення. Першыя часткі рамана «Там, у гасцях» паказваюць чытачу той самы час жыцця аўтара, яго перыяд няпэўнасці. Галоўным адрозненнем выступае пункт гледжання, цвёрдая пазіцыя сталага чалавека, які не адмаўляецца ад сябе, выбудоўваючы і прымаючы ўласны вобраз у тэксце, што выяўляецца ў здольнасці іранізаваць наконт сябе ж у маладосці. Іронія тут – паказчык спакою, а не ўнутранай трывогі.

Такое відазмяненне ролі і значэння іроніі ў творах К. Ішэрвуда вынікае з трансфармацыі самой яе прыроды. У пачатку XX ст. іронія набыла дадатковыя сэнсы, перастаўшы быць рытарычнай фігурай, якая азначае штосьці процілеглае першаснаму значэнню, сэнсу. Яна стала адным з спосабаў узаемадзеяння з распадам класічнай карціны свету. Ф. Шлегель вызначаў іронію як «форму парадаксальнага» ў кантэксце свайго часу [10, с. 178]. У мінулым стагоддзі дадзены парадокс набыў мадэрнісцкае трагічнае адценне, пасля – службыў неад'емным інструментам постмадэрнісцкай гульні. Адрозніванне розных існасцяў дадзенага тропа з'яўляецца адным з цэнтральных фактараў пераходу ад адной культурнай парадыгмы да наступнай.

Мадэрнізм, што фарміраваўся на тле сацыяльна-палітычных змен, характарызаваўся раздробленасцю, фрагментарнасцю ўсіх сфер жыцця. Для буйных дзеячаў эпохі, такіх як Т. С. Эліят, Дж. Джойс, В. Вулф, іронія была

сродкам аб'яднання разбуранага. Амерыканскі літаратуразнаўца К. Брукс разумеў іронію як устойлівасць тэксту ва ўмовах ціску знешняга кантэксту. Мадэрнісцкі тэкст выкарыстоўвае іронію не для гумарыстычнага эфекту, а як спосаб прымання комплекснасці вопыту: «Іронія – гэта найбольш агульны тэрмін, які мы маем для абазначэння такога віду вызначэння, якое розныя элементы кантэксту накладваюць на сцверджанне» [1, р. 191]. Выкарыстанне іроніі ў трагічным разрэзе якрава бачна на прыкладзе вядомай паэмы Т. С. Эліята «Бясплодная зямля», дзе троп з'яўляецца лінзай, пад якой міфалагічнае мінулае накладваецца на ўбоства сучаснасці. Калі аўтар апісвае машыністку, што вярнулася дадому да кансерваў і грамафона, ён выкарыстоўвае высокі стыль, каб падкрэсліць мізэрнасць яе кахання. Але, у адрозненне ад постмадэрнісцкага светапогляду, у Т. С. Эліята застаецца «кропка апоры» – сакральнае (няхай і страчанае).

На першы погляд Дж. Джойс, супастаўляючы Леапольда Блума з Адысеем у знакамітым рамане «Уліс», высмейвае сучаснасць. У. Набокаў характарызуе Блума як вартага жалю, але Дж. Джойс апісвае гэта іранічна, што дадае персанажу чалавечых якасцяў і ратуе ад жорсткіх кпін [3, с. 371]. Аўтар прыводзіць стаўленне да ўласнага героя да раўнавагі, што дазваляе самому творцу заставацца па-за тэкстам. Падобную ролю іронія адыгрывае ў ранніх, мадэрнісцкіх творах К. Ішэрвуда. Вызваляючы тэкст ад уласнай непасрэднай прысутнасці, пісьменнік пакідае і героя ў становішчы нейтральнасці да ўсіх падзей. Зусім іншае назіраецца ў рамане «Там, у гасцях», дзе іронія, як і аповед, прымае больш іерархічнае, вертыкальнае становішча – ад апавядальніка рамкавага наратыву да героя ўнутры гэтай рамкі. Высмейванне набывае свой суб'ект і аб'ект, што робіць немагчымым стан раўнавагі і нейтральнасць.

Разам з перамяшчэннем культурнага цэнтра ў ЗША пасля Другой сусветнай вайны іронія зведала радыкальную мутацыю. Ва ўмовах хуткага росту дабрабыту і медыйнага перанасычэння знікае патрэба ў аб'яднанні і пераадоленні фрагментарнасці свету, што пазбаўляе іронію трывожнасці, трагічнасці ці смутку. Філософ Ф. Джэймісан кажа пра смерць мадэрнісцкай іроніі і нараджэнне пастыша: «Пастыш, як і пародыя, з'яўляецца імітацыяй спецыфічнага або ўнікальнага ідыясінкразійнага стылю, прымеркай лінгвістычнай маскі, выступам на мёртвай мове. Але нейтральная практыка падобнай мімікрыі, без развітых матываў пародыі, практыка, пазбаўленая сатырычнага імпульсу, смеху і пераканання, што разам з ненармальным дыялектам, які вы часова перанялі, усё яшчэ існуе нейкая здаровая лінгвістычная нармальнасць» [2, с. 110].

У творах амерыканскіх постмадэрністаў іронія губляе магістральны канфлікт паміж убачаным і сутнасным, ператвараючыся ў гульню. Яна становіцца рэакцыяй на абсурд тэхнакратычнага грамадства. К. Вонегут у рамане «Бойня нумар пяць» карыстаецца іроніяй для разбурэння пафасу, шкоднага і хлуслівага ў час катастрофы. Т. Пінчан ужывае іронію для

развіцця энтрапіі ў сваіх раманах. Чытач, які шукае структуру, у выніку атрымлівае толькі хаос. Іронія Т. Пінчана скіроўвала патрэбу чалавека знаходзіць сэнс там, дзе яго няма. Такім чынам, гэта дэканструкцыя прычынна-выніковых сувязяў. Бачна, што постмадэрнісцкі троп набыў процілеглае значэнне свайму мадэрніскаму папярэдніку: яго галоўная задача не аб'яднанне ці стрымліванне, а разбурэнне. Аналагічную функцыю іронія выконвае ў рамане К. Ішэрвуда «Там, у гасцях»: разбурэнне пафасных думак і ўласных паводзін у мінулым, дэканструкцыя няўдач і перамог, сяброўства і нянавісці ў асабістых стасунках. Інтэртэкстуальнасць, алузіўнасць таксама губляюць цяжар мадэрнісцкага значэння, застаючыся толькі часткай гульні ў камбінацыю нізкага і высокага: *Being now in the mood for making biblical associations, I thought that it was like a painting of the descent from the cross – except that we were going uphill* [8, p. 88].

У творах пісьменніка іронія працуе ў пары з аповедам, што фарміруе ўзаемазалежную сістэму ідэі і яе наратыўнай рэалізацыі. Асноўная частка тэксту вылучаецца аднародным аповедам. Аўтар, як і абяцае, саступае месца пратаганісту, які прамаўляе ад першай асобы прошлага часу, думкі перадаюцца ўскосным дыскурсам, а дыялогі паміж персанажамі – прастай мовай. Адыход фігуры творцы-наратара заключаецца ў адсутнасці каментароў, якія б выходзілі за межы абсягу падзей частак. Прысутнічаюць толькі фармальныя паказчыкі нязменнай апавядальнай інстанцыі. Вобраз біяграфічнага аўтара не пакідае фікцыянальную прастору, што праяўляецца ва ўрыўках, якія абазначаюць стаўленне ці эмацыянальную ацэнку: *I hate the expression “a limp handshake”; it seems to imply the kind of moral judgments which are made by scoutmasters* [8, p. 71].

Узнікаюць пытанні: належыць яна дыягетычнаму пратаганісту-наратару ці гетэрадыягетычнай фігуры аўтара; не любіў адпаведны поціск рукі стваральнік тэксту ўжо ў тыя гады ці ўзненавідзеў пасля, падчас напісання тэксту; або гэта толькі мастацкая дэталь для стварэння вобраза, якая не мае нічога агульнага з фігурай аўтара?

Больш выяўным следам аўтара становіцца наступны ўрывац: *All my life I have had a resistance to other people’s whimsy remarks. So I should probably have left this one go without comment, even if, at that moment, a newcomer hadn’t made his appearance – a young man of about twenty-three, whom Ambrose introduced as Aleko* [8, p. 75]. Часавы паказчык «усё жыццё» ў дадзенай сітуацыі яднае і свядомасць героя ў маладосці, і пазіцыю скрыптару падчас пісьма.

У позніх творах аўтара аўтабіяграфічныя тэхнікі пісьма ўзмацняюцца, што выяўляецца ва ўжыванні элементаў дакументальнага пісьма: *Five years have gone by – this is May 1933 – and here I am, starting out on another journey. I am on a train going south from Berlin toward the Czechoslovakian frontier. Opposite me sits Waldemar* [8, p. 61]. Частотнасць выкарыстання паказчыкаў

часу ў канцы кнігі дадае аповеду фрагментарнасці, схіляецца не да першаснай рамкавай канструкцыі, а да дзённікавага фармату, дзе аб'яднанасць усяго тэксту дасягаецца без удзелу наратара першага парадку, бо аўтаматычна вынікае з самога жанру.

Аповед героя заканчваецца ў 1952 годзе, не даганяючы час скрыптара: *That was the last I ever saw Paul. In the spring of the next year, 1953, he died* [8, р. 317]. Гэта ўмацоўвае дакладную мяжу паміж двума актарамі тэксту і адрознівае яго ад цыкла «Берлінскія гісторыі», дзе наратыў пераносіць чытача непасрэдна ў час пісьма. Разам з змяненнем наратыву, набліжэннем яго да дзённікавага і пашырэннем прасторы наратара змяншаецца ступень іранічнасці тэксту, яго танальнасць і настрой. Дадзеная тэндэнцыя адлюстроўвае творчы шлях пісьменніка ў агульным маштабе яго прозы.

Творца пазбаўляецца ад іроніі, прыйшоўшы да шчырасці аповеду, цалкам усвядоміўшы і аб'ектываваўшы сваю памяць. Апісаны троп не быў абавязковай самамэтай аўтара, а выступаў адным з інструментаў творчага перастварэння. Шлях тропа ў літаратуры XX ст. звярнуў у іншы бок і прывёў да таго, што было названа Д. Ф. Уолесам «таксічнай іроніяй»: пісьменнік у вядомай кнізе «Бясконцы жарт» дыягнастуе стан амерыканскай культуры як таксічную рэфлексію. Постмадэрнісцкая іронія навучыла людзей смяцца з усяго, але пазбавіла здольнасці адчуваць. Яна стварае бясконцы рэгрэс, дзе любы шчыры жэст тут жа высмейваецца як банальны. У эсе «E Unibus Pluram» літаратар апісвае сітуацыю наступным чынам: «Іронія і сарказм служаць толькі адной мэце – абараніць эга ад магчымасці здацца наіўным або сентыментальным» [4].

У кантэксце ўсёй творчасці К. Ішэрвуда іронія вядзе пісьменніка ў бок шчырасці, дапамагаючы рэалізацыі самарэфлексійных памкненняў. Аўтар імкнецца пазбавіцца ад усіх перашкод, у тым ліку ад боязі сентыментальнага і наіўнага, што выяўляецца перш за ўсё ва ўварванні аўтара ў фікцыянальную прастору ў канцы рамана «Фіялка Пратэра» і звароце да дзённікавасці ў канцы кнігі «Там, у гасцях». Здольнасць у пэўны момант адкінуць іронію даказвае галоўную мэту, дэклараваную творцам і рэалізаваную ў тэкстах. Калі цыкл «Берлінскія гісторыі» стаяў у пачатку шляху да спасціжэння сябе праз мастацкую аб'ектывацыю, перастварэнне, то раман «Там, у гасцях» знаходзіцца ў фінальнай стадыі названага працэсу. Узаемаўплыў і ўзаема-трансфармацыя аповеду і іроніі выбудавалі дарогу да шчырасці і ідэнтычнасці К. Ішэрвуда. Творца завяршае пісьменніцкі шлях публікацыямі аўтабіяграфіямі.

Такім чынам, раман «Там, у гасцях» уяўляе сабой пераходны этап ад мадэрнісцкай фрагментарнасці да аўтабіяграфічных тэндэнцый постмадэрнізму. Выкарыстанне рамкавага аповеду дазваляе аўтару аб'яднаць падзеі, аддаленыя ў часе, што не ўласціва яго раннім творам. К. Ішэрвуд адкрыта дэкларуе падзел паміж Я-цяперашнім (наратарам) і Я-мінулым (героем).

Герой мінулага ўспрымаецца як Іншы або амаль незнаёмец, што дазваляе аўтару рэдагаваць і пераствараць уласную біяграфію ў межах мастацкай інтэнцыі.

ЛІТАРАТУРА

1. *Brooks, C. The Well Wrought Urn / C. Brooks.* – London : Dennis Dobson, 1960. – 270 p.
2. *Джеймисон, Ф.* Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / Ф. Джеймисон ; пер. с англ. Д. Кралечкина ; под науч. ред. А. Олейникова. – М. : Изд-во Института Гайдара, 2019. – 808 с.
3. *Набоков, В. В.* Лекции по зарубежной литературе / В. В. Набоков ; пер. с англ. под ред. В. А. Харитонова ; предисл. к рус. изданию А. Г. Битова. – М. : Издательство Независимая Газета, 1998. – 512 с.
4. *Wallace, D. F.* E Unibus Pluram / D. F. Wallace // Digital Library Scribd.com. – URL: <https://ru.scribd.com/document/75501252/e-unibus-pluram> (date of access: 12.07.2025).
5. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1986. – 445 с.
6. *Корман, Б. О.* Избранные труды по теории и истории литературы / Б. О. Корман. – Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 1992. – 236 с.
7. *Гаранин, Л. Я.* Мемуарный жанр советской литературы : историко-теоретический очерк / Л. Я. Гаранин. – Минск : Наука и техника, 1986. – 222 с.
8. *Isherwood, Ch.* Down There on a Visit / Ch. Isherwood. – New York : Simon and Shuster, 1962. – 318 p.
9. *Lodge, D.* Consciousness And The Novel / D. Lodge. – London : Secker & Warburg, 2002. – 320 p.
10. *Шлегель, Ф.* Фрагменты / Ф. Шлегель. – М., 1934. – 334 с.

Поступила в редакцию 21.05.2026

УДК 821.162.1.09

Хмяльніцкі Мікалай Мікалаевіч

доктар філалагічных навук, прафесар,
загадчык кафедры кітайскай філалогіі
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
г. Мінск, Беларусь

Mikalai Khmialnitski

Habilitation Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Chinese Philology
Belarusian State University
Minsk, Belarus
KhmelnickiNN@bsu.by

БЕЛАРУСКАЯ РЭЦЭПЦЫЯ ПАЭЗІІ ЛЕАПОЛЬДА СТАФА

У артыкуле разгледжана функцыянаванне паэзіі Леапольда Стафа ў літаратурнай прасторы Беларусі праз прызму рэцэптыўнай эстэтыкі. Выяўлены факты прысутнасці і формы ўспрымання яго твораў, прааналізаваны публікацыі, прысвечаныя польскаму паэту. Ахарактарызавана спецыфіка перакладаў хрэстаматыйных вершаў Леапольда Стафа, прапанавана іх літаратуразнаўчая інтэрпрэтацыя, вызначаны перакладчыцкія стратэгіі беларускіх аўтараў (М. Танк, А. Мінкін, А. Лойка і інш.).

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *рэцэпцыя; польская літаратура; беларуская літаратура; паэзія; літаратурныя сувязі; мастацкі пераклад; традыцыя; лірычны герой.*

BELARUSIAN RECEPTION OF LEOPOLD STAFF'S POETRY

This article examines the functioning of Leopold Staff's poetry in the Belarusian literary space through the prism of reception aesthetics. The presence and forms of reception of his works are identified, and publications dedicated to the Polish poet are analysed. The specifics of translations of Leopold Staff's canonical poems are characterised, a literary interpretation is offered, and the translation strategies of Belarusian authors (M. Tank, A. Minkin, A. Loika, and others) are identified.

Key words: *reception; Polish literature; Belarusian literature; poetry; literary relations; literary translation; tradition; lyrical hero.*

Леапольд Стаф (Leopold Staff; 1878–1957) – вядомы польскі паэт, драматург, перакладчык, творчасць якога з’яўляецца сімвалам неперарывнасці нацыянальнай літаратурнай традыцыі на працягу трох перыядаў яе развіцця – «Маладой Польшчы», міжваеннага дваццацігоддзя (1918–1939 гг.) і другой паловы XX стагоддзя. Л. Стафа вобразна называюць «Апалонам польскай паэзіі», «Нестарам літаратуры Польшчы», «класікам некласічнага стагоддзя», падкрэсліваючы падобнымі азначэннямі яго выключную ролю ў гісторыі прыгожага пісьменства краіны. Ён – аўтар 17 зборнікаў паэзіі, творы якіх – прыклад адметнага сінтэзу самых розных мастацкіх напрамкаў і плыней: рэалізму, імпрэсіянізму, сімвалізму і неакласіцызму. Польскі паэт аддаваў перавагу той ці іншай літаратурна-эстэтычнай парадыгме, паэтыцы ў залежнасці ад гісторыка-культурнай сітуацыі ў свеце і на радзіме, сваіх ідэйна-мастацкіх прыярытэтаў, ад тэмы, настрою ці матэрыялу, які быў цікавым яму ў дадзены момант.

Пытанне рэцэпцыі паэзіі Леапольда Стафа ў беларускай прасторы да сёння не стала прадметам асобнага даследавання, хоць яно, безумоўна, з'яўляецца актуальным і запатрабаваным: вывучэнне шляхоў і форм засваення творчай спадчыны іншанацыянальных аўтараў, у першую чаргу блізкіх нам, славянскіх, спрыяе літаратурнаму ўзаемадзеянню, пашырэнню навуковых даляглядаў, выяўленню спецыфікі трансфармацыі тэксту ў працэсе міжкультурнай камунікацыі. Цікавасць айчынных перакладчыкаў да такіх польскіх аўтараў, як Леапольд Стаф, стала прысутнасць яго паэзіі ў беларускім чытацкім полі – сведчанне яе высокага мастацкага ўзроўню, пацверджанне арганічнага паяднання ў ёй нацыянальнага і ўніверсальнага чыннікаў.

У беларускамоўным перакладчыцкім дыскурсе засваенне паэзіі Л. Стафа пачалося яшчэ ў савецкі час: першыя пераклады яго твораў убачылі свет на старонках перыядычнага друку БССР [1; 2; 3; 4; 5; 6]. А напрыканцы XX – пачатку XXI стагоддзя з'явіліся не толькі новыя перастварэнні стафаўскіх вершаў [7; 8; 9; 10], але і некалькі публікацый розных жанраў, прысвечаныя польскаму класіку [11; 12; 13; 14]. Беларускія даследчыкі не без падстаў адзначаюць, што ўжо «з першых крокаў паэзія Стафа становіцца паэзіяй прызнання, паэзіяй яснай думкі і строгай мастацкай канструкцыі» [13, с. 26], а яго «лірычныя зборнікі <...> адметныя пошукамі ўзвышанага ў паўсядзённасці, імкненнем да прастаты і гармоніі ў выяўленні агульначалавечых пачуццяў» [12, с. 180]; называюць яго «песняром прыроды і любові, адвечных каштоўнасцей і тэм», чыя паэзія «была спосабам абараніць цудоўна прыгожае і чалавека» [11, с. 244]; падкрэсліваюць значэнне гэтага аўтара для нацыянальнай літаратуры: «Стафаўскі ўплыў быў адчувальны на кожным стылёвым павароце польскай паэзіі, надзвычай бурнай, асабліва на пачатку XX стагоддзя і ў міжваенныя гады» [14, с. 22].

На беларускую мову творы Л. Стафа перакладалі розныя аўтары – І. Багдановіч, С. Дзяргай, І. Калеснік, А. Лойка, М. Луцэвіч, П. Макаль, М. Машара, А. Мінкін, Г. Міхальчук, С. Петрыкевіч і інш. Добра ведаў і цаніў паэзію польскага класіка Максім Танк, пра што можа сведчыць запіс ад 25 кастрычніка 1937 года ў яго знакамітых «Лістках календара»: «На дварэ дождж, золь, вецер... Дождж. І, відаць, зацяглы, бо ўсе лужыны ўкрыты воспай дажджавых бурбалак. Прыгадаліся радкі Стафа: *У шыбы дождж звоніць, дождж звоніць асенні...* Па памяці пачаў перакладаць гэты верш...» [15, с. 179–180]. На жаль, пераклад дадзенага твора на сёння не зафіксаваны, аднак Максім Танк перастварыў некалькі іншых вершаў Л. Стафа [16, с. 423–425], не дапусціўшы ў сваіх перакладах вобразна-сэнсавай дэфармацыі арыгінала, захаваўшы яго лексічны склад, граматычны і сінтаксічна-стылёвы лад, празрыстасць паэтычнага радка, глыбіню падтэксту, характар рыфмоўкі.

Прычын звароту беларускага класіка да спадчыны Л. Стафа, думаецца, было некалькі: па-першае, польскі паэт з'яўляўся неаспрэчным аўтарытэтам для многіх пакаленняў творцаў, па-другое, Максіму Танку ён быў блізкі

сваёй прыхільнасцю традыцыі, неакласічным дыскурсам, і, па-трэцяе, яго паэзія прыцягвала гуманістычным пафасам, любоўю да простага чалавека, увагаю да разнастайных праяў паўсядзённасці. І яшчэ. Выбар Максімам Танкам для перастварэння тых ці іншых вершаў Л. Стафа таксама можа быць патлумачаны і яго вернасцю пэўным тэмам, матывам і вобразам, цікавасцю да іх рэпрэзентацыі ў іншых літаратурах.

У кантэксце адзначанага вышэй трэба вылучыць пераклады Максімам Танкам такіх вершаў польскага паэта, як «Маці» («Matka») і «Міцкевіч» («Mickiewicz»). У першым з названых твораў адлюстраваны душэўны стан маці, якая ўжо доўгі час чакае дадому сваё дзіця (на вялікі жаль, як піша аўтар, *яго забралі цені* [16, с. 424]), і цяпер яна штодня сядзіць ля акна *самотная, у змроку, <...> нагой калышучы ўспаміны* [16, с. 424]. Дадзены верш – глыбокая рэфлексія паэта над прызначэннем маці, жанчыны, своеасаблівы гімн яе бясконцай любові і дабрыні, якімі яна адорвае сваіх дзецей, перамагаючы нават смерць. У вершы «Міцкевіч» Л. Стаф звяртаецца да асэнсавання ролі сына навагрудскай зямлі ў гісторыі розных краін і народаў. Галоўная эмоцыя, якую перадае аўтар і захоўвае перакладчык, – гэта сум паэта-рамантыка па роднай зямлі, адарванасць ад якой стала для яго невычэрпнай крыніцай натхнення: *Не ў сілах бронза нежывая / Нам перадаць ні сум вялікі, / Ні як ён жыў здалёк ад краю, / Калі яго ніхто не клікаў* [16, с. 424]. Праводзячы чытача па асноўных «станцыях» жыцця і творчасці класіка польскай літаратуры, Л. Стаф уводзіць метафару адвечнай прасторавай раскрыжаванасці Адама Міцкевіча: *Жыве ён з анямелым смуткам / І з чэрствам пілігрыма горам / Паміж спакойным Навагрудкам / І цёмным штармавым Басфорам* [16, с. 424].

Сапраўднай падзеяй у гісторыі нацыянальнага перакладу стаў выхад зборніка выбранай паэзіі Л. Стафа «Высокія дрэвы» (у адпаведнасці з назвай трынаццатай кнігі польскага паэта), у які ўвайшоў 81 верш з розных перыядаў. Выданне адкрывае грунтоўная прадмова У. Калесніка пад яскравай назвай «Зямное і занябеснае», дзе беларускі даследчык прасочвае фактары фарміравання творчай індывідуальнасці Л. Стафа ў кантэксце культурна-гістарычных і грамадска-палітычных падзей, рэлігійна-філасофскіх ідэй і эстэтычна-мастацкіх пошукаў першай паловы XX стагоддзя. Ва ўступным артыкуле У. Калеснік з веданнем справы вызначае месца і ролю польскага аўтара ў гісторыі нацыянальнага прыгожага пісьменства: «Л. Стаф увайшоў у паэзію як той, хто ўмеў бачыць падабенства эстэтычных асноў класікі і мадэрну, <...> застаўся ў польскай паэзіі ўвасабленнем алімпійскай зраўнаважанасці, шукальнікам і выразнікам ідэі элінскай гармоніі, хоць часта быў у разладзе са светам і з сабою. Ён умеў і пад грукат грому, пошум навалыніц захаваць спакой і раўнавагу духу» [7, с. 3–4]. Літаратуразнаўца слухна адзначае, што ў паэзіі Л. Стафа прысутнічаюць эмпатыя і спагада да простага чалавека, услаўленне яго штодзённай працы, заклік адмовіцца ад раскошы і зямных выгодаў на карысць жыцця па хрысціянскіх заповедзях

(жыць з Божай ласкі [7, с. 4]). Аўтар «беларускай прадмовы» падкрэслівае нацыянальна-культурную эрудыцыю, сінкрэтычнасць творчага мыслення Л. Стафа як важную рысу яго паэзіі: «Канвою, на якой паэт любіць выяўляць свае філасофскія і маральна-этычныя ідэі, часта выступаюць евангельскія, біблейскія і антычныя грэчаскія міфы. Нярэдка да гэтага агульначалавечага матэрыялу падключаецца польскі нацыянальны фальклор, апрацаваны і ўзняты да ўзроўню патрыятычнай легенды рамантыкамі і паэтамі “Маладой Польшчы”, а пазней выкарыстаныя сімвалістамі і нават футурыстамі» [7, с. 10].

Беларускамоўны зборнік паэзіі Л. Стафа «Высокія дрэвы», безумоўна, патрабуе асобнага разгляду. Зразумела, што выбар таго ці іншага верша з багатай спадчыны польскага паэта для яго перакладу і ўключэння ў выданне можа быць патлумачаны вядомасцю твора, а таксама індывідуальна-аўтарскай матывацыяй і густам Алега Мінкіна. Кніга дае магчымасць айчыннаму чытачу пераканацца ў тым, што Л. Стаф у сваёй паэзіі выкарыстоўвае як класічныя, так і авангардныя для таго часу (напрыклад, верлібр) віды і жанры паэзіі, дэманструючы адметную паэтыку: ёміста і лаканічна ўжывае лексічныя адзінкі, часам пашырае канатацыю асобных слоў і іх спалучэнняў, стварае выразныя метафары, нечаканыя эпітэты, выкарыстоўвае інверсіі, рознаўзроўневыя паўторы, часам эксперыментуе з паэтычным сінтаксісам і версіфікацыяй. Нездарма Т. Ружэвіч, вядомы польскі паэт другой паловы XX стагоддзя, аднойчы заўважыў, што «кантуры твораў Л. Стафа намалеваны дыямантам», падкрэсліваючы тым самым адметнасць яго мастацкага почырку, віртуознасць валодання паэтычнай формай.

У выразна рэалістычную аснову сваіх твораў польскі паэт часта ўплятае абстрактныя паняцці, катэгорыі, ідэі, што надае мастацкай прастору ўмоўны дыскурс, выразны філасофскі кантэкст, экзістэнцыяльную глыбіню. Усе гэтыя моманты павінен быць улічваць перакладчык у працэсе творчай трансфармацыі. Прасочым, як дадзеныя аспекты былі захаваны пры перакладзе хрэстаматыйнага верша Л. Стафа «Высокія дрэвы» («*Wysokie drzewa*»), які з’яўляецца яскравым сведчаннем яго эстэтычна-мастацкіх прыярытэтаў у 1920–1930-я гг. Вобраз-сімвал высокіх дрэваў – увасабленне духоўнай чысціні, прыроднай гармоніі, спрадвечных ідэалаў добра, прыгажосці і свабоды, аб’ект захаплення творцы, сімвал повязі зямнога і нябеснага.

Параўноўваючы арыгінальны твор і яго пераклад, патрэбна адзначыць наступныя моманты. Багаты змест гэтага, як і іншых вершаў польскага паэта, узноўлены А. Мінкіным дастаткова поўна: захаваны асноўныя сродкі мастацкай выразнасці, стылёвыя маркеры і моўныя асаблівасці. Ужо ў самым пачатку твора назіраем канстатацыю прыроднай з’явы і захапленне ёю лірычнага героя, якое ў арыгінале перададзена праз рытарычнае пытанне (у беларускім жа перакладзе выкарыстаны зваротак, што, на нашу думку, некалькі зніжае інтэнсіўнасць убачанага ў вечаровы час): *O, cóż jest piękniejszego niż wysokie drzewa* [17, s. 46] (*О, высокія дрэвы, краса над красою* [7, с. 78]). Шматузроўневы эпітэт у трэцім радку з акцэнтам на гульні

святла і ценю (*Co się pawich barw blaskiem rozlewa* [17, s. 46]) у перакладзе заменены на параўнанне (*Над шматфарбнай, як пер'е паўліна, вадою* [7, с. 78]), але такая трансфармацыя ў цэлым не збядняе пейзажны малюнак, добра перадае праз візуальную мяккасць эмацыянальны стан лірычнага героя. А. Мінкін пры перакладзе твораў Л. Стафа часта выкарыстоўвае лексічнае пашырэнне, што не заўсёды спрыяе цэласнай рэпрэзентацыі мастацкай карціны. Як прыклад прывядзём наступны радок верша «Высокія дрэвы» і яго пераклад: *W brązie zachodu kute wieczornym promieniem* [17, s. 46] (*Вашы постаці ў бронзе згасальных праменняў* [7, с. 78]). Сінестэзійны эффект, падкрэсленая гульня колераў (*Zapach wody, zielony w cieniu, złoty w słońcu* [17, s. 46]), на жаль, у беларускім варыянце перададзены не зусім выразна: *Пах вады, пазалочанай захадам* [7, с. 78]. Але ў цэлым пры трансфармацыі гэтага верша беларускім перакладчыкам удала знойдзены вобразныя, лексічныя і граматычныя эквіваленты, задзейнічаны багаты слоўніковы патэнцыял мовы (напрыклад: *W bezwietrzu sennym ledwo miesza się, kołysze* [17, s. 46] – *У нязрушным паветры зыбаецца, мліцца* [6, с. 78]). А. Мінкін змог таксама перадаць глыбокі сэнс наступных радкоў, вельмі важных у мастацкай структуры верша: *Z wolna wszystko umilka, zapada w krąg głusza / I zmierzch ciemnością smukłe korony odziewa, / Z których widmami rośnie wyzwolona dusza...* [17, s. 46] (*Моўкне ўсё накрысе і ў глухмень западае, / Змярк ахутвае стрункія кроны імглою, / І прывідамі з іх вольны дух вырастае...* [7, с. 78]). Тут навакольны свет паўстае як жывая істота, прырода адухоўлена, нават набывае абрысы міфалагічнай прасторы, на чым абсалютна слушна робіць акцэнт беларускі перакладчык.

Перакладчык імкнецца захаваць рыфму, у тым ліку і ўнутраную, бо для Л. Стафа гэты атрыбут сістэмы вершавання быў вельмі важным, служыў своеасаблівым сродкам гарманізацыі зместу і формы паэтычнага радка. У. Калеснік, маючы на ўвазе спецыфіку перакладчыцкай манеры А. Мінкіна, слушна адзначае як станоўчыя моманты, так і пэўныя праблемы працэсу творчай трансфармацыі: «На беларускі густ падабраў Алег Мінкін для перакладу багата пейзажных вершаў Л. Стафа, напісаных у ключы фальклорна-міфалагічнай персаніфікацыі раслін, жывёл і проста прадметаў <...> перакладчык зацікаўлены перадусім у пераводзе польскага паэтычнага тэксту ў беларускую паэтычна-вобразную канвенцыю, а яна ў нас перадусім фальклорна-напеўная. У гэтай сітуацыі браць курс на максімальнае тэкставае набліжэнне перакладу да арыгіналу значыць знізіць чытэльнасць. Не шмат яшчэ ў нас чытачаў, добра знаёмых з усім багаццем польскай канвенцыі аб паэтычных зносінах, якою віртуозна карыстаецца Л. Стаф» [7, с. 11].

У разрэзе заяўленай тэмы нельга абмінуць нізку перакладаў стафаўскіх твораў у анталогіі «Напярэймы: ад Буга да Варты» (укладальнік і перакладчык – Алег Лойка), дзе змешчана дзевяць яго вершаў («Астатні са сваяе змены...», «Каваль», «Спакой вёскі», «Матыў», «Санет пра волю», «Пагодны позні час асенні», «Надзея», «Джардана Бруна», «Хвіля») [9]. Адзначым, што

многія з гэтых твораў польскага паэта не трапілі ў згаданы вышэй зборнік «Высокія дрэвы». Тэксты Л. Стафа з'явіліся для вядомага перакладчыка і знаўцы польскай паэзіі магутным творчым імпульсам, выклікалі шмат асацыяцый, паралелей і рэфлексій, якія, аднак, не «выпадаюць» з кантэксту мастацкага цэлага, не выходзяць за межы стафаўскай вобразнай прасторы і матыўнай парадыгмы (*Chociaż się wszystko wiecznie zmienia / I chwilia chwili nie pamięta* [17, s. 211] – *Не помніць энк былога энку, / Пануе вечных змен пачатак* [9, с. 81]). А. Лойка пры пераўзнаўленні твораў Л. Стафа засведчыў сваю, адметную перакладчыцкую манеру, асноўнымі рысамі якой з'яўляюцца глыбокае адчуванне арыгінала, досыць свабоднае абыходжанне з першакрыніцай, актыўнае ўжыванне дыялектызмаў, аўтарскіх неалагізмаў і форм слова (*арцыўзоры, знікшышся, кавалд, крэкат, пазлацаны, вірутна, навальнічніла, дажджыла* і інш.). Беларускі перакладчык часта выкарыстоўвае больш інтэнсіўную, чым у арыгінале, сэнсавую градацыю праз лексічнае пашырэнне (напрыклад: *Zaledwo moja, już niczyja* [17, s. 231] – *Мая ўжо нічыя, не мая* [9, с. 81]; *Całą bezkształtną masę kruszców drogocennych, / Które zaległy piersi mej głęb nieodgadłą* [17, s. 26] – *Масу бяскшталтную руды – каштоўныя тоны, / Што леглі ў грудзей маіх глыб неадгадна, крыштальна* [9, с. 78] і інш.), замяняе вобразныя азначэнні першакрыніцы на назоўнікі з падобнай семантыкай: (*Serce hartowne, mężne, serce dumne, silne* [17, s. 26] – *Сэрца думнае, сэрца – сам гарт і сіла* [7, с. 78]). У цэлым стафаўская паэзія ў перакладах А. Лойкі – прыклад адмысловага творчага ўзаемадзеяння, далікатнай індывідуальна-аўтарскай інтэрпрэтацыі зместу і формы арыгінала.

Цікавым аб'ектам для аналізу з'яўляецца адзін з апошніх вершаў Л. Стафа «*Ostatni z tego pokolenia...*», які на сёння мае чатыры беларускамоўныя трансфармацыі, адпаведна: «Адзін я, сяброў пахаваўшы...» (Максім Танк), «Правёў я ўсіх, самотны...» (У. Мархель), «Астатні са свайго змены...» (А. Лойка) і «Правёўшы ўсіх сяброў...» (А. Мінкін). Твор складаецца з трох катрэнаў, напісаны дзевяціскадавікам, мае перакрываваную жаночую рыфму, праўда, часам досыць аддаленую. Польскі паэт, усведамляючы, што з'яўляецца адным з апошніх прадстаўнікоў свайго пакалення ў нацыянальнай літаратуры, не выказвае роспачы па гэтай прычыне, не скардзіцца, знаходзячы суцяшэнне ў прыгажосці і мудрасці навакольнага свету, невычэрпнай энергіі чалавечай культуры. Падкрэслім, што гэты, як і многія іншыя вершы Л. Стафа, трывала знаходзіцца ў кантэксце традыцыі, цытатна і алузійна суаднесены са шматлікімі творамі польскай і сусветнай літаратур, якія паэт цудоўна ведаў, памятаў і на якіх вучыўся паэтычнаму майстэрству. Відавочна, што верш «*Ostatni z tego pokolenia...*» з'яўляецца аўтарскім «водгукам» на вядомы гарацыянскі матыў *exegi monumentum*, у аснове якога – думка аб бессмяротнасці мастака праз створанае ім пры жыцці. Л. Стаф дадае свой, адметны мазок у багатую палітру традыцыі (Я. Каханойскі, А. Міцкевіч, Ю. Славацкі, А. С. Пушкін і інш.), ствараючы асаблівую справаздачу аб сваёй «зямной адысеі»: *Człowiekam kochał i przyrodę, / W przyszłość patrzyłem jasnym okiem / Wielbiłem wolność i swobodę / Zbratany*

z wiatrem i obłokiem [17, s. 286] – Любіў людзей, любіў прыроду, / Глядзеў у прышласць светлым вокам, / Вяльбіцель волі і свабоды, / Вятрыскам брат і брат аблокам [7, с. 81]. Паэт глыбока адчувае дыялектыку жыцця, востра ўспрымае зменлівае і спрадвечнае, разумее хуткаплыннасць часу і яго ўздзеянне на творчую асобу: *Widziałem, jak się życie zmienia, / I sam jak życie się zmieniałem* [17, s. 286] – Я бачыў, і як свет змяняўся, / І сам, як свет, спазнаў змяненне [7, с. 81].

Верш «*Ostatni z mego pokolenia...*» Л. Стафа вызначаюць, з аднаго боку, лаканічнасць, інтымныя інтанацыі, адсутнасць высокага стылю, з другога – глыбокі асабісты, агульначалавечы і агульналітаратурны кантэксты. Польшкі паэт-гуманіст, паслядоўнік францішканскай традыцыі, той, хто перажыў дзве сусветныя вайны, мае што сказаць людзям, бо яго выратоўвалі глыбокая вера ў моц культуры, хрысціянскія каштоўнасці, а сілы давала прыманне законаў прыроды, разуменне непазбежнасці жыццёвых трансфармацый, як духоўных, так і фізічных. У апошай страфе свайго твора Л. Стаф даводзіць, што імкнуўся ўслаўляць жыццё і яго шматлікія праявы, аднак ён не пазіцыянуе сябе знакамітасцю, кумірам, аўтарытэтам, хоць для гэтага меў шмат падстаў, а сцвярджае, што ў будучыні яму будзе дастаткова «пустога пакоя» і «ціхай скупой славы» [7, с. 81]. Гэтыя словы Л. Стафа гучаць як своеасаблівы заповіт, глыбокая рэфлексія над сваім жыццём і творчасцю – паэт выбірае цішыню як сімвал гармоніі і мудрасці, бо часам маўчанне, як гэта ні парадасальна, можа сказаць больш за любыя словы.

Беларускія трансфармацыі верша «*Ostatni z mego pokolenia...*» Л. Стафа даюць падставы сцвярджаць наступнае: айчыныя перакладчыкі імкнуліся ў першую чаргу перадаць сэнс арыгінала, захаваць лексічныя сродкі мастацкай выразнасці, лінгвастылістычную арганізацыю і версіфікацыйную структуру тэксту. У. Мархель, маючы на ўвазе наяўныя пераклады гэтага хрэстаматыйнага твора Л. Стафа, слухна адзначыў: «Несумненна, розныя падыходы да ўзнаўлення верша засведчылі не толькі своеасаблівае ўспрыманне зыходнага тэксту, але і інтэрпрэтацыю паводле фонавых ведаў. Таму кожная новая версія не так адхіляецца ад першаўзору, як абавязкова штосьці дадае вершу ад сябе і тым самым, несумненна, абагачае арыгінал чытацкім успрыманнем» [14, с. 23].

Такім чынам, прысутнасць паэзіі Л. Стафа ў літаратурнай прасторы Беларусі выяўлена на розных узроўнях і ў розных формах. Беларускія перакладчыкі імкнуліся як мага бліжэй узнавіць на роднай мове арыгінальны тэкст, не парушыць яго вобразна-сэнсавую і кампазіцыйную структуру, захаваць рытмічна разнастайны і багата інструментаваны стафаўскі верш. У беларускіх перакладах, як мы пераканаліся, не быў страчаны матыўны комплекс, экспрэсіўна-стылёвы ключ паэзіі Л. Стафа, пры гэтым старанна перададзена багацце версіфікацыі, адметнасць паэтычнага сінтаксісу – адным словам, усё тое, што робіць спадчыну гэтага аўтара самабытнай старонкай у мастацкай кнізе XX стагоддзя, якая дагэтуль працягвае ўзбагачаць не толькі польскую, але і іншанацыянальныя літаратуры, у тым ліку беларускую.

ЛІТАРАТУРА

1. *Стаф, Л.* Мір / Л. Стаф ; пер. з пол. І. Калесніка // Чырвоная змена. – 1954. – 22 ліпеня. – С. 5.
2. *Стаф, Л.* Вясна / Л. Стаф ; пер. з пол. М. Танка // Літаратура і мастацтва. – 1958. – 14 чэрвеня. – С. 11.
3. *Стафф, Л.* Кузнец / Л. Стафф ; пер. с пол. О. Румера // Чырвоны сцяг. – 1958. – 22 чэрвеня.
4. *Стаф, Л.* Міцкевіч / Л. Стаф ; пер. з пол. М. Танка // Дзень паэзіі. – Мінск : Мастац. літ., 1974. – С. 251.
5. *Стаф, Л.* Вершы / Л. Стаф ; пер. з пол. У. Мархеля // Далягляды. – 1986. – Мінск : Мастац. літ., 1986. – С. 16–24.
6. На зорных шляхах: з паэзіі народаў свету / пераклады М. Танка. – Мінск : Мастац. літ., 1991. – 334 с.
7. *Стаф, Л.* Высокія дрэвы: вершы / Л. Стаф ; пер. з пол. А. Мінкіна ; прадм. У. Калесніка. – Мінск : Мастац. літ., 1994. – 127 с.
8. *Стаф, Л.* Міцкевіч / Л. Стаф ; пер. з пол. М. Луцэвіч // Першацвет. – 2001. – №12. – С. 29.
9. Напярэймы: ад Буга да Варты. Анталогія польскай паэзіі ХХ стагоддзя : у 2 т. / склад.-пер. : А. Лойка. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2003. – Т. 1. – 386 с.
10. Галасы з-за небакраю: анталогія паэзіі свету ў беларускіх перакладах ХХ ст. / склад. М. Скобла. – Мінск : Лімарыус 2008. – 233 с.
11. *Шабловская, И. В.* История зарубежной литературы (XX век, первая половина): учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / И. В. Шабловская. – Минск : Экономпресс, 1998. – 382 с.
12. Стаф Леапольд // Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. / гал. рэд. Г. П. Пашкоў. – Мінск : Беларус. энцыкл., 2002. – Т. 15. – С. 180.
13. Польская і чэшская паэзія памежжа XIX–XX стагоддзяў: вучэб.-метадапаможнік для студэнтаў спец. «Славянская філалогія» / аўт.-склад.: А. У. Вострыкава, М. М. Хмяльніцкі. – Мінск : БДУ, 2004. – 64 с.
14. *Мархель, У.* «Як жыццё змяняўся...»: перастварэнні верша «Ostatni z tego pokolenia...» / У. Мархель // Роднае слова. – 2011. – № 11. – С. 21–23.
15. *Танк, М.* Збор твораў: у 13 т. / М. Танк. – Мінск : Беларус. навука. – Т. 9: Лісткі календара. Дзённікі (1941–1959) / уклад.: У. І. Мархель, С. У. Калядка. – 2009. – 590 с.
16. *Танк, М.* Збор твораў: у 13 т. / М. Танк. – Мінск : Беларус. навука. – Т. 11: Пераклады / уклад.: У. І. Мархель, С. У. Калядка. – 2010. – 1025 с.
17. *Staff, L.* Wybór poezji / L. Staff. – Wrocław : Ossolineum, 1970. – 304 с.

Поступила в редакцию 15.06.2026

УДК 82.091

Чернецов Алексей Дмитриевич

магистр филологических наук,
младший научный сотрудник
отдела теории и истории литературы
Института литературоведения
Центра исследований белорусской
культуры, языка и литературы
НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Aliaksei Charniatsov

MA in Philology,
Junior Research Fellow of the
Department of Theory and History of Literature
Institute of Literary Studies
Center for Belarusian Culture, Language
and Literature Researches
NAS of Belarus
Minsk, Belarus
alexchernetsoff@gmail.com

ОТ ВОПРОСОВ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ К СИСТЕМНОЙ МОДЕЛИ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье рассматривается эволюция представлений о фантастической литературе от функциональных и рецептивных подходов к поэтическим моделям, ориентированным на выявление структурного элемента фантастики. Далее в качестве такого элемента предлагается фантастическое допущение. Уточняются критерии фантастического допущения, вводится понятие когнитивного контракта и выделяются три механизма легитимации – рациональный, аксиоматический и иррациональный. В результате формулируется системная модель фантастической литературы, позволяющая точнее определить ее границы и внутреннюю структуру.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *фантастика; фантастическое допущение; научная фантастика; фэнтези; мистика; когнитивный контракт; легитимация.*

FROM QUESTIONS OF FANTASTIC POETICS TO A SYSTEM MODEL OF FANTASTIC LITERATURE

This article examines the evolution of conceptualizations of fantastic literature, from functional and receptive approaches to poetic models focused on identifying the structural element of fantasy. This element is proposed as the fantastic assumption. The criteria for the fantastic assumption are clarified, the concept of a cognitive contract is introduced, and three mechanisms of legitimation are identified: rational, axiomatic, and irrational. As a result, a systemic model of fantastic literature is formulated, allowing for a more precise definition of its boundaries and internal structure.

Key words: *fiction; fantastika; fantastic assumption; science fiction; fantasy; mysticism; cognitive contract; legitimation.*

Фантастическая литература с момента своего зарождения остается источником вопросов и предметом дискуссий. Момент этот исследователи определяют по-разному. Некоторые, например Д. Сувин [1], начинают отсчет с первого научно-фантастического романа «Франкенштейн, или Современный Прометей» М. Шелли (1818), такие как Б. Аттебери [2] датируют рубежом XIX–XX столетий, Г. Уэстфал [3] и другие связывают с возникновением специализированных журналов и объединением вокруг них чита-

тельских сообществ в конце 1920-х годов. Рациональное зерно есть в каждом из этих подходов, но оптимальной представляется датировка рубежом XIX–XX столетий. Тогда уже существовал ряд произведений, которые можно условно назвать ранней фантастической литературой, пред- или протофантастикой: начиная от «Франкенштейна», переходя к раннему фэнтези Дж. Макдональда, У. Морриса, Лорда Дансени, готико-мистическим произведениям Э. Т. А. Гофмана, Н. В. Гоголя, Э. А. По и заканчивая большинством произведений Ж. Верна. Но именно на рубеже веков жанр – а точнее две из его крупных зон (научная фантастика и мистика) – обретает черты устойчивой жанровой системы, которая будет развиваться на протяжении XX и начала XXI века.

В этот период выходят «Машина времени» (1895), «Война миров» (1898) и «Человек-невидимка» (1897) Г. Уэллса, которые задают модель системного рационального фантастического допущения с серьезными социальными и философскими последствиями. Дебютирует Э. Р. Берроуз с планетарной фантастикой («Под лунами Марса», 1912), который окажет серьезное влияние на фантастическую литературу. Трансформируется утопия: с одной стороны, возникает антиутопия – «Железная пята» Дж. Лондона (1908), «Машина останавливается» Э. М. Форстера (1909), с другой – в самой утопии всё большая роль уделяется новым технологиям и проектируемому будущему человечества: «На Весте» К. Э. Циолковского (1893), «Красная звезда» А. А. Богданова (1908). Формируется канон мистического жанра: «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда (1890), «Великий бог Пан» А. Мейчена (1894), «Дракула» Б. Стокера (1897), «Ивы» А. Блэквуда (1907). Итак, на рубеже веков были сформированы основные ветви развития фантастической литературы – исключая фэнтези, для становления которого требовалась эволюция жанра.

Процесс этот закрепился институционализацией жанра в 1920-е годы, когда стали появляться специализированные журналы, начиная с «Amazing Stories» Х. Гернсбека (1926). Здесь повсюду проявился феномен фантастики – журналы быстро трансформировались из простой площадки для публикации в живое сообщество: читатели писали письма в редакцию с разбором сюжетов и научных допущений, авторы отвечали на критику и выражали свои взгляды на литературу, редакторы формулировали эстетическую позицию издания и тем самым напрямую формировали фантастический канон. Впервые фантастика получила пространство, где жанр мог обсуждать сам себя не только в рецензиях критиков, но и внутри собственного круга. Здесь шли споры о том, насколько строго фантастика должна опираться на науку, должна ли фантастика решать социальные проблемы или оставаться развлечением. И, конечно, здесь решались вопросы *самоопределения* фантастики. Вопросы *определения* начнут появляться позже, когда фантастику станут замечать в академических кругах и воспринимать как требующее анализа явление. Эти дискуссии формировали читательские ожидания и авторские стратегии на десятилетия вперед.

Что же входило в предмет самоопределения и позже определения фантастической литературы?

- Суть фантастики – какова природа явления, его задачи, соотношение с «реалистической» литературой;
- разграничение фантастического как общего свойства литературы и фантастики как конкретного жанра;
- академический статус фантастики – насколько это серьезная литература или развлекательная беллетристика;
- границы жанра – что является фантастикой, а что нет;
- внутренняя дифференциация – какие области можно выделить внутри фантастики и каковы критерии такого выделения.

Эти вопросы в полном объеме – разумеется, с учетом вклада участников дискуссий – перешли к научному сообществу. В рамках этой статьи стоит выделить несколько основных вех, чтобы определить пробелы и последующие успехи, которые приблизили литературоведение к ответам.

Изучение фантастики развивалось в двух основных руслах – *западном* и *русскоязычном*. В западной традиции долгое время отсутствовал единый зонтичный термин для научной фантастики, фэнтези и мистики, однако исследователи часто рассматривали их в связке, что позволяет экстраполировать многие выводы на фантастику как таковую. Так, Р. Кайуа в работе «**Вглубь фантастического**» (1965) определял фантастику как «нарушение общепринятого порядка, вторжение в рамки повседневного бытия чего-то недопустимого, противоречащего его незыблемым законам» [4, с. 110]. Кайуа проводит жесткую границу между сказкой (чудесным) и фантастикой: если в сказке сверхъестественное выступает нормой и не вызывает потрясения, то в фантастике мир изначально рационален и материален. Его структура разрушается агрессивным вторжением аномалии, которая шокирует героя и читателя, опрокидывая привычную картину реальности.

Вскоре вышел труд Цв. Тодорова «**Введение в фантастическую литературу**» (1970), который активно повлиял на дальнейшее изучение области. Речь здесь вновь идет не столько о жанре, сколько о сути фантастического, которое представляется как «колебание, испытываемое человеком, которому знакомы лишь законы природы, когда он наблюдает явление, кажущееся сверхъестественным» [5, с. 25]. Фантастика, по Тодорову, – это мимолетное, пограничное состояние. Читатель (вместе с героем) должен сомневаться: происходит ли чертовщина на самом деле или герою это кажется (галлюцинация, сон, безумие). Как только дается точный ответ, фантастика исчезает, превращаясь в один из соседних жанров. Эта концепция особенно продуктивна применительно к мистической литературе и текстам, построенным на границе реального и сверхъестественного. Однако распространять ее на фантастику в целом вряд ли оправданно: научная фантастика и фэнтези в большинстве случаев не строятся на колебании, а прямо утверждают необычайное как реальность художественного мира.

В «**Метаморфозах научной фантастики**» (1977) Д. Сувин отмечает, что научная фантастика – это «Литературный жанр, необходимыми и достаточными условиями которого являются одновременное присутствие острашения и познания, а главным приёмом – изображение придуманного мира, альтернативного среде, окружающей автора» [1, с. 30]. Под острашением он подразумевает создание эффекта новизны, удивления; мир произведения не похож на наш эмпирический мир. Познание у Сувина – это научный или строго рациональный подход. Все изменения в мире объясняются не магией, а логикой, законами науки или социальным развитием. Центральным элементом произведения, по Сувину, становится «новум» – допущение, новый объект или принцип, который перестраивает художественный мир и меняет структуру общества.

В русскоязычной традиции трансформация представлений о фантастике прослеживается наиболее последовательно. Из-за идеологической специфики эпохи легитимной для исследователей признавалась только научная фантастика. В ранних работах, например, в «**Советском научно-фантастическом романе**» (1959) Е. П. Брандиса фантастика определяется как литература, которая воплощает мечту о будущем, опирается на научную гипотезу и показывает процесс творческого труда [6]. А. Ф. Бритиков в «**Русском советском научно-фантастическом романе**» пишет, что фантастика – это жанр с двойственной (промежуточной) природой, объединяющий научное и художественное мышление. Он подчеркивает роль прогностической функции, связывающей оба эти вида познания [7]. Кроме того, Бритиков характеризует научно-фантастический роман не просто как литературный жанр, а как **особый тип искусства** [7].

Один из наиболее известных пионеров фантастоведения Ю. И. Кагарлицкий в книге «**Что такое фантастика?**» (1974) пишет: «фантастика возникает тогда, когда рядом с верой встаёт неверие» [8, с. 48]. То есть фантастика появляется только тогда, когда человек осознает границу между вымыслом и реальностью. В миф или сказку древний человек верил безоговорочно – для него это была правда. Фантастика же начинается там, где читатель понимает, что описанного в реальности не существует, но соглашается принять эту условность. Эта мысль перекликается с концепцией колебания Тодорова, но привносит новый оттенок – оттенок осознанного принятия правил игры, что будет важно при дальнейшем изучении.

В работе «**Природа фантастики**» (1985) Т. А. Чернышёва трактует фантастическое как исторически подвижную категорию человеческого сознания, зависящую от уровня знаний конкретной эпохи [9]. Как последовательница Кагарлицкого, Чернышёва определяет фантастический образ через его объективное несоответствие реальности и указывает на двойственность его художественной функции. В зависимости от целей автора этот образ выступает либо как вспомогательный формально-стилевой прием (вторичная условность), либо как содержательно самооценная тема, органи-

зующая вокруг себя весь художественный мир произведения. Хотя идея исторической подвижности и привязки к уровню знаний эпохи может казаться на тот момент устаревшей, мысль о двойственности функции фантастического образа представляется перспективной.

Одна из ведущих современных исследователей фантастики Е. Н. Ковтун в работах **«Поэтика необычайного»** (1999), **«Фантастика как объект научного исследования: проблемы и перспективы отечественного фантаствоведения»** (2007), **«Художественный вымысел в литературе XX века»** (2008) и других вносит весомый вклад в актуальное понимание природы фантастики. Она выделяет два понимания фантастики:

- при широком понимании «фантастическое» выступает в художественном произведении как способ изображения, основанный на одной из разновидностей «явного» вымысла, а фантастика в литературе – как один из типов повествования о необычайном (наряду со сказкой, мифом и др.)» [10, с. 23];

- при узком понимании фантастическое «выступает как особая область художественной словесности, прежде всего современной» [10, с. 24].

Таким образом, Ковтун понимает фантастику как один из типов повествования о необычайном и внутри него определяет жанры через специфику фантастической посылки. В научной фантастике – это рациональная посылка («потенциально возможное») [11, с. 193], а в фэнтези – посылка иррациональная («истинная реальность» вымышленного мира) [11, с. 103].

Из этого обзора видно, что эволюция представлений о фантастике шла от понимания фантастики как функции текста (Брандис, Бритиков) и от акцента на ее восприятии (Тодоров, Кагарлицкий, отчасти Чернышёва) к поэтологическому подходу, ориентированному на выявление того элемента, который отличает фантастику от других типов литературы (Сувин, Ковтун). Можно утверждать, что теперь литературоведение вплотную подошло к решению большинства вопросов, над которыми бились предшественники. Однако этот ключевой элемент, хотя и был нащупан в различных концепциях – как «новум» у Сувина, как «фантастическая посылка» у Ковтун – так и не получил статуса центрального понятия, способного организовать вокруг себя всю теоретическую модель фантастики. Между тем именно такой элемент необходим, ведь без него фантастика описывается через набор признаков, а не через общий конструктивный принцип. Наиболее перспективным кандидатом на эту роль выглядит **фантастическое допущение** – понятие, которое позволяет проследить, как это необычное организует художественный мир и формирует поэтику произведения в целом.

Одно из наиболее известных определений фантастики через фантастическое допущение принадлежит Г. Л. Олди: «фантастика – это литература плюс фантастическое допущение». При этом Олди не был первым, кто ввел понятие в обиход: предположительно, термин впервые использовал Ю. Ю. Зубакин в методическом пособии «Применение фантастических

допущений в курсе развития творческого воображения». Однако именно в афористичной формуле Олди главенствующая роль допущения получила наиболее емкое выражение.

Какова его суть? Суммируя рассмотренные выше исследования и наблюдения за функционированием фантастических произведений, можно сформулировать ряд положений.

1. Не всякое необычное фантастично – иначе к фантастике пришлось бы отнести практически всю литературу. Скажем, в повести «Чалавек ідзе» Янки Мавра часть эволюции человека, занимавшая десятки тысяч лет, ужата в несколько недель, а огромное разнообразие флоры и фауны размещено в пределах сотни километров. Это необычно, но не становится фантастическим допущением, потому что не отступает от законов реальности – маловероятно, но возможно. То есть фантастическое допущение – это **отступление от законов эмпирической реальности**.

2. Фантастическое не возникает из ниоткуда и не исчезает бесследно – оно встроено в причинно-следственную ткань мира. Конкретное фантастическое действие либо выводится из причин (действие магии, результат эксперимента), либо само порождает последствия, которые разворачиваются в сюжете. Единичное нарушение норм реальности без выраженных последствий и без внутренней мотивации не делает произведение фантастическим – такое возможно, например, в готической литературе, магическом реализме или постмодернизме. В фантастике же отступления от законов реальности должны быть системными: они либо многочисленны, либо комплексны, когда одно нарушение касается всего художественного мира и логически из него проистекает. Следовательно, **допущение системно**.

3. Важно исключить случаи, когда речь идет о галлюцинации, сне, видении, ненадежном рассказчике и т. д., которые делают событие недостоверным. Необычное должно объективно существовать в мире произведения – его видят, ощущают, переживают его последствия все или большинство персонажей, а не только один герой в пограничном состоянии сознания. Персонажи должны воспринимать фантастическое как реальное: его последствия очевидны, доступны и остаются фантастическими до самого конца произведения. Последним из фантастики исключаются мистификации вроде «Собаки Баскервиль» А. К. Дойла или «Дзікага палявання караля Стаха» В. С. Короткевича. То есть допущение должно обладать **внутримировой действительностью**.

4. Нужно разграничить случаи, когда фантастическое – это метафора или иная отсылка на нечто вне художественного мира. Так, например, в поэме Янки Купалы «Адвечная песня» явление персонифицированных Жизни, Судьбы, Беды, Голода и Холода не является буквальным, хотя сами эти сущности, конечно, сверхъестественны. Но их роль в другом – показать, что на бытие любого человека действуют разные силы, и их влияние часто трагично. Фантастическое событие не может в первую очередь читаться как

отсылка или иносказание – оно должно выглядеть естественно в рамках этой реальности, проистекать из нее. Следовательно, необычное имеет прежде всего **автологическое прочтение** – буквальное: событие означает именно то, что происходит в мире текста. Оно может быть и металогическим, то есть содержать отсылку к чему-то вне художественного мира, но событие должно быть понятно и без нее.

5. В фантастическом мире предел возможного шире, чем в эмпирической реальности. Объекты и персонажи обладают свойствами, которых не существует в нашем мире: изменение физических законов, сверхъестественные способности. Если в обычном произведении за столом можно сидеть, на нем можно писать, есть, его можно передвинуть, сломать – то в фантастике стол может улететь, телепортироваться, оказаться иллюзией, мимиком. Но эти расширенные возможности должны подчиняться внутренней логике мира – они не возникают произвольно, а объясняются существующими в мире технологиями, магией, аномалиями, сверхъестественными силами, иначе это уже фантазмагория или магический реализм. Следовательно, фантастическое допущение **перестраивает границы возможного**.

6. Допущение выступает несущим элементом произведения: его изъятие разрушает поэтику целиком – сюжет, конфликт, систему образов, хронотоп, саму логику художественного. Скажем, у Л. И. Рублевской в «Дзецах гамункулуса» именно существование гомункулуса, которого выбросили в колодец, формирует завязку и последующую аномалию, которая охватит город много столетий спустя, тайну которой будет разгадывать главная героиня. Если убрать гомункулуса – то и детей гомункулуса не будет, как и произведения в целом. Следовательно, допущение должно оказывать существенное влияние на всю поэтику произведения, то есть **становиться поэтико-эстетической доминантой**.

Если суммировать все предыдущие положения, то выходит, что фантастическое допущение – это системное отступление от законов эмпирической реальности, которое утверждается в художественном мире как действительное, предполагает преимущественно автологическое восприятие, перестраивает границы возможного и становится поэтико-эстетической доминантой текста.

При всей полноте этого определения есть один случай, который оно не отграничивает от фантастики. Речь идет о сказке: там законы эмпирической реальности тоже нарушаются системно, сверхъестественное действительно происходит в художественном мире и воспринимается прежде всего буквально, а уже потом дидактически; оно перестраивает границы возможного и определяет все остальные категории текста.

Здесь эффективной оказывается еще одна категория. Она восходит к Ю. Кагарлицкому с его формулой «неверие рядом с верой», а ещё раньше –

к С. Колтрейну и его «добровольной приостановке недоверия». В текущей трактовке эту категорию уместно назвать **когнитивным контрактом**. Что это такое?

Читатель по умолчанию не готов просто так принять нарушение законов реальности – ему нужна причина согласиться с этой «небылицей» и сделать ее правдоподобной. Когнитивный контракт – это и есть такая договоренность между текстом и читателем: на каких условиях принимается художественная условность и что читатель получает взамен. В каждом жанре этот контракт свой. В сказке он условный: мир не претендует на правдоподобие, оставаясь игровым или дидактическим. В фантастике контракт иной: текст предлагает принять фантастическое допущение в обмен на эмоциональный, познавательный и эстетический опыт. Заключение и соблюдение этого контракта закрепляет допущение во всей его полноте, и читатель воспринимает художественный мир как гипотетически реальный – словно находящийся рядом, хоть и не здесь.

Для дальнейшего понимания сути фантастики во всем ее разнообразии важно определиться с тем, как именно текст выполняет свою часть когнитивного контракта – то есть как он убеждает читателя принять допущение и делает его правдоподобным. С развитием фантастической литературы сложились три ключевых механизма такой легитимации.

Первый – **рациональная легитимация**: допущение мотивировано логически, опирается на научный или наукообразный горизонт и разворачивается через цепь закономерных следствий. Читатель принимает необычное, потому что оно объяснимо и выводимо из заданных предпосылок. Этот тип лежит в основе научной фантастики.

Второй – **аксиоматическая легитимация**: необычное задается как исходная норма мира и не требует внешнего объяснения, но сохраняет внутреннюю последовательность и устойчивость правил. Читатель принимает необычное не потому, что оно объяснено, а потому, что мир в целом логичен и предсказуем в своих правилах. Этот тип характерен прежде всего для фэнтези.

Третий – **иррациональная легитимация**: в текст вторгается элемент принципиальной неопределенности, сохраняющий зону тревоги, непостижимости и онтологической неустойчивости. Читатель принимает необычное именно благодаря ее непостижимости – как предел понимания, за которым начинается иное. Этот тип наиболее тесно связан с мистикой и литературой ужасов.

Итак, фантастика получает определение через структуру своей художественной организации. Фантастическое допущение задает ее конструктивное ядро, когнитивный контракт определяет условия принятия этого ядра читателем, а механизмы легитимации обеспечивают ему убедительность и жанровую дифференциацию. Вместе эти элементы образуют системную модель фантастической литературы, которую можно описать как *особую*

жанровую область, в которой поэтико-эстетической доминантой становится фантастическое допущение. Тем самым фантастика выступает как способ художественного моделирования невозможного, при котором отступление от эмпирической реальности становится основой внутренне последовательного и эстетически значимого мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сувин, Д.* Метаморфозы научной фантастики: Поэтика и история литературного жанра / Д. Сувин. – Мн. : Подсолнечник, 2023. – 432.
2. *Attebery, B.* Strategies of Fantasy / B. Attebery. – Bloomington : Indiana University Press, 1992. – 152 с.
3. *Westfahl, G.* The Mechanics of Wonder: The Creation of the Idea of Science Fiction / G. Westfahl. – Liverpool : Liverpool UP, 1988. – 344 с.
4. *Кайуа, Р.* Вглубь фантастического / Р. Кайуа. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2006. – 280 с.
5. *Тодоров, Цв.* Введение в фантастическую литературу / Цв. Тодоров. – М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. – 144 с.
6. *Брандис, Е. П.* Советский научно-фантастический роман / Е. П. Брандис. – Л. : Общество по распространению политических и научных знаний РСФСР (Ленингр. отделение), 1959. – 48 с.
7. *Бритиков, А. Ф.* Русский советский научно-фантастический роман / А. Ф. Бритиков. – Л. : Наука (Ленингр. отделение), 1970. – 448 с.
8. *Кагарлицкий, Ю. И.* Что такое фантастика? / Ю. И. Кагарлицкий. – М. : Худож. лит., 1974. – 352 с.
9. *Чернышёва, Т. А.* Природа фантастики / Т. А. Чернышёва. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1984. – 336 с.
10. *Ковтун, Е. Н.* Фантастика как объект научного исследования: проблемы и перспективы отечественного фантаствоведения / Е. Н. Ковтун // Русская фантастика на перекрестье эпох и культур : материалы Междунар. науч. конф. 21–23 марта 2006 г. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2007. – С. 20–38.
11. *Ковтун, Е. Н.* Поэтика необычайного: художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа / Е. Н. Ковтун. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1999. – 308 с.

Поступила в редакцию 16.06.2026